

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛМАНАХ

9
1967

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

УЛУГ-ХЕМ

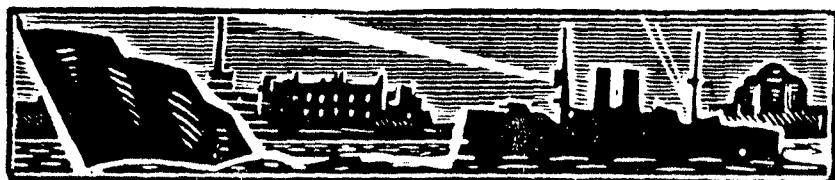
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

9

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЫЗЫЛ — 1967

ТЕБЕ, ОКТЯБРЬ!

Сергей ПЮРБЮ

ЛЕНИНА ВОЛЯ В КАЖДОМ ИЗ НАС

В любом
его дыхание живое,
В любом
его бессмертие живет.
Мы с ним взлетаем
в небо голубое —
И горы
не задержат наш полет.
В степи,
где камни лопались от зноя,
Где даже суслик
редко пробегал,
Шумят колосья,
плотной встав стеною,
В рост человека
хлеб целинный встал.
В краю, где людям
удивлялись птицы,
Где только тропы
заячьи вились,
Отстроился Хову-Аксы
и мчится

Степан САРЫГ-ООЛ

СОЛНЦЕ ЛЕНИНА

Неугасимое солнце мое,
Если б над нами ты не взошло —
Вьюга снесла бы мое жильё,
Холод переборол бы тепло.

Светлое солнце, людей любя,
Ты отогрело наши сердца.
Как же нам не славить тебя
Больше, чем мать, и сильнее отца!

Где бы я ни был — в саду, в дому,
На енисейской крутой волне,—
К счастью великому моему,
Солнце сопутствует всюду мне.

Тянется солнце ко мне в окно
Ясным, как мудрость, прямым лучом;
Вот уже сердце озарено,
В доме веселье кипит ключом.

Нет для него ночной темноты,
И нипочем для него зима!
Ленина солнце, то светишь ты,
Нас не страшит никакая тьма.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЕНИНУ

1.

Вставали тени на дыбы,
Когда в лесной глуши

Я разжигал костер борьбы —
Костер моей души.
Арат, затравленный судьбой,
В пожаре кумача
Я шел на справедливый бой
По зову Ильича.
И, в лютых битвах устояв,
Принес в тайгу зарю.
И Ленина за это я,
Друзья, благодарю.

2.

Нужду и горе далеко
Отбросив навсегда, —
Бескрылому покоя веков, —
Ильич мне крылья дал.
И силу дал, чтоб обгонять
Всех, кто ушел вперед,
И чтобы землю обновлять
Трудом из года в год.
Колхозник — стал крылатым я,
Стал сильным — говорю.
За это Ленина, друзья,
Навек благодарю.

3.

Строитель и творец поэм,
Хозяин жизни всей,
Я наш украсил Улуг-Хем —
Наш славный Енисей —
Рукою собственной своей
Погожею порой
Из электрических огней
Негаснувшей зарей.
Так Ленин завещал. И вновь
Я в песне Октябрю
Несу вождю свою любовь,
Его благодарю.

Олег САГАН-ООЛ

БЫВАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ему за сорок. Не старик,
А человек бывалый.
Точнее, русский большевик,
Боец и запевала.

У нас он каждому знаком,
Его мы близко знаем,
С аратом в дружбе, а с врагом
Суров и несгибаем.

В тридцатых — создавал колхоз,
В сороковых — сражался.
Счастливый ветер к нам занес,
И он в степи остался.

Ему вся жизнь людей простых
Понятна и знакома,
Он в поле навещает их,
На пастбищах и дома.

Учитель он, советчик он —
Подскажет и поможет.
Он чистым сердцем наделен,
Он прошлым жить не может.

И жизнь его — народа жизнь.
Он только этим дышит,

Ведет аратов в коммунизм
И песню дружбы слышит.

Ее поют поля Тувы,
И прославляют брата.
Он к нам приехал из Москвы,
На нем шинель солдата.

Ему за сорок. Не старик,
А человек бывалый.
Точнее, русский большевик,
Боец и запевала.

Байкара ХОВЕНМЕЙ

ОКТАБРЬ

Октябрь!

Через высокие Саяны
Дошел к нам гром орудий грозных!
Проснулись мы, услышав эти залпы,
Ты разбудил сознание народа.

Октябрь!

Твой безудержный вихрь могучий
Поднялся в горы вверх по Улуг-Хему!
Смел начисто и стоны и страданья!
Так наш народ свободным стал навеки.

Октябрь!

Ты нам помог взять в руки землю!
В полях, в лугах, где вспыхивают маки,
Все ярче расцветает жизнь аратов.
Ты подарил нам солнечное счастье!

Октябрь!

Мы будем в битвах крепче стали.
Твой завоеванья защищая;
Мы никому не отдадим вовеки,
Того, что ты народу подарил!

ВЕЛИКАЯ ВЕСНА

Закован во льдах, недвижим Улуг-Хем:
Жестокой зимы беспощадная власть

До боли сдавила могучую грудь,
Торосы на ней громоздятся стеной.

Так черными силами сдавлен во тьме,
Веками томился тувинский народ.

Весеннее солнце блестит над рекой;
Журчат и сверкают повсюду ручьи.
Ломаются грузные льдины, трещат,
Расправил могучую грудь Улуг-Хем

Так, солнцем великим согрет в Октябре,
Рванулся к свободе тувинский народ.

Вставали преграды на новом пути,
Утесы, пороги темнели вокруг.
Но камни в пути раскидал Улуг-Хем
И дружные волны несет в океан.

Так радостно влился в большую семью,
Смывая преграды, тувинский народ.

Цветет, украшает всю землю весна:
Нигде не видать прошлогодней травы;
В полях поднялись молодые ростки,
Поют о весне и луга, и леса.

Не так ли Россия цвести помогла
Сестре своей кровной — Советской Туве!

Юрий КЮНЗЕГЕШ

РЕКА ТЕЧЕТ В ОКЕАН

Вершины, как горбы верблюжьи.
Ярко светят,
Как серебро на черни, их снега.
Там звонкая, как девушка, что едет
Верхом в далекий край, берет исток река.

С крутизн отвесных пылью водяною
Свергаются миллиарды брызг — и вот,
Повиснув между небом и землею,
Высокой аркой радуга цветет.

Так Улуг-Хем рождается на склоне,
Чтоб мчаться вдаль, к порогам, где река
Несется, клокоча, как будто кони
Взлетают на дыбы, чтоб сбросить седока.

И сколько раз потом пытались горы
Путь преградить, но так и не смогли
В другие повернуть ее просторы.
Ведь Ледовитый ждал ее вдали.

Как Улуг-Хем, достигший океана,
Нигде ни разу не свернув с пути, —
Так и народ мой, выйдя из тумана,
Сумел мечту заветную найти.

И счастлив я быть верным гражданином
Страны широкой, словно океан.
Все ей отдав в стремлении едином,
Сияньем звезд ее я осиян.

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ДВА ШАЛАША

Там, где Ак-Хем
Выходит в путь далекий,
Где прадеды костров вдыхали дым,
В глухом лесу стоит шалаш широкий,
Построенный моим отцом седым.

В лесу темно,
И веет стариною,
И из-под кочек бьет ключом вода.
Пускай над лесом марево от зноя, —
Она прозрачна и свежа всегда.

Охотничий —
Без окон и дверей —
Шалаш я помню с давних детских дней...

...Взволнованный, я на шалаш в Разливе
Смотрю, не отрываясь, без конца.
О как походит он, неприхотливый,
На тот шалаш охотничий отца!

И я увидел, что великий Ленин
Жил в шалаше, как и простой арат,
Что по тайге, в сугробах по колени,
За зверем шел —
И был добыче рад.

Вот здесь, еще до моего рожденья,
Свои бумаги разложив на пне,

Великие писал он сочиненья
О власти той, что путь откроет мне.

Мечты его,
Пришедшие в Туву,
В дела мы воплощаем наяву.

Олег СУВАКПИТ

МОЯ ОТЧИЗНА

Славлю тебя,
Дорогая Тува!
Славлю тебя,
Золотая Москва!

Воздухом чистым
Дышу я всегда.
В реках Отчизны —
Живая вода.

Хлеб и стада —
Это сила моя.
В недрах руда —
Это сила моя.

Чем трудовая
Прекрасна страна?
Чем заставляет
Гордиться она?

Труд и наука
Свободны от пут,
Сила и мощь
С каждым годом растут.

Пастбища, пашни,
И в недрах руда,
Все это наше,
Мое — навсегда!

Здесь человек
Человеку не волк,
Братья навек мы
И знаем свой долг.

Долг наш — бороться
За мир на земле,
Под золотую
Звездой на Кремле.

Вот почему
Я родною зову
Сердце земли —
Золотую Москву!

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ

Салчак ТОКА

ЗАРЯ ПИСЬМЕННОСТИ

(Глава из третьей книги повести «Слово арата»)

Шагдыржап, о чем-то задумавшись, ходил по кабинету и курил, глубоко затягиваясь дымом.

— И все-таки хорошо бы иметь письменность на родном языке,— вдруг заговорил он.— Ты умеешь читать-писать по-русски, я — по-монгольски. Это хорошо... А надо, чтобы и мы, и все тувинцы знали одну грамоту — свою. Чтобы весь народ, все араты разбирались, что к чему...

— «Неграмотный — вне политики»,— к случаю «похвастался» я московскими знаниями.— Так учит Ленин.

Шагдыржап кивнул в знак согласия. Генсек, как никто, понимал, что означало для поголовно неграмотной страны создание собственной письменности. Сам он едва знал монгольскую грамоту. Умел прочитывать по слогам и кое-как пробороздить слова сверху вниз. Человек честный, исключительной скромности, огромного трудолюбия, Шагдыржап страстно, безгранично любил народ.

Он отчетливо представлял, какие перспективы открывались перед страной с созданием письменности. На ее основе — и только на ее основе! — можно было успешно решать все задачи развития государства.

Какие горизонты распахивались перед Тувой!

Письменность — это школы, это свои газеты и книги.

Письменность — это подготовка национальных кадров.

Письменность — это развитие культуры и искусства.

А главное — забитый, невежественный народ получал выход к активной деятельности, к сознательному осуществлению высоких целей революции.

Вот почему решения VIII съезда ТНРП, который положил конец феодально-теократическим порядкам в стране, изгнал из руководящих органов чуждые народу элементы, определил социалистический путь развития Тувы, содержали важнейший раздел о создании национальной письменности, могучего оружия культурной революции.

Весть об этом решении мгновенно разнеслась по всей республике. Центральный Комитет, не откладывая, начал подготовительную работу. Оповестили население, чтобы все предложения направляли прямо в ЦК.

И на этот раз вспыхнула борьба между новым и старым. Темные силы (а они имели еще большое влияние) стали мешать осуществлению наших планов.

Мы приняли бой.

* * *

Однажды ко мне в кабинет заглянула Докуй кадай — курьер ЦК.

— Там к тебе какой-то плешивый пришел. Хочет поговорить.

— Пропустите его, угбай.

Скрипнула дверь.

— Дарга, амыргын-на-дыр анар! — послышалось старинное приветствие.

— Эки, амыргын-на-дыр бе анар! — машинально в тон ему ответил я. — Проходите, пожалуйста. Сюда, сюда! Садитесь на табуретку. Сейчас не прежние времена, чтобы на полу у порога сидеть.

— Аай ам, уёо, уёо... — жалобно простонал посетитель и, словно тяжело больной, кряхтя поднялся с пола, проковылял к столу и осторожно опустился на табурет.

С первого взгляда нетрудно было определить — лама. В красном халате, перехваченном желтым поясом, на котором висел хоорге с нюхательным табаком, совершенно лысый, с длинным, вытянутым книзу лицом и зеленоватыми тусклыми глазами, он походил на отощавшего верблюда.

— С чем пожаловали, ваше священство?

Гость покряхтел, постонал.

— То ли сбудется, то ли нет... Разговор пошел о новой ту-

винской грамоте. Есть у меня, недостойного, кое-какие мысли... Позвольте, дарга?

— Что значит «пошел разговор»? Центральный Комитет партии обратился к народу, чтобы все желающие высказывали свои предложения. Это — решение съезда, а не «разговор». Вы, наверно, так и хотели сказать?

— Конечно, конечно,— поспешно согласился лама.— Я и пришел с предложением. Мне, скудоумному, кажется, что выдумать письменность никак нельзя. Это выше нас, выше нашей судьбы...

Он зачерпнул маленькой ложечкой табак из хоорге и шумно втянул его ноздрями, закрыл глаза и сморщил лицо — вот-вот чихнет.

— Что же вы предлагаете?— спросил я.

Лама чихнул, вздрогнув всем хилым телом, огляделся по сторонам.

— Всевышний, башки бурган, установил, что для тувинцев предопределена судьбой тангутская и монгольская письменность. Не нам идти против судьбы, против бога... Я хочу узнать у вас, где, в какой книге судеб записано, чтобы кто-нибудь мог выдумать неведомую и неугодную богу письменность?

Не так он был прост, этот тощий верблюд, каким пытался казаться. В зеленых глазах таился злой, хитрый ум. Что он еще скажет?

— Я принял вас, надеясь, что вы дадите дельный совет. Кажется, мы напрасно тратим время. Выходит, вы против революционной мысли партии? Вы по-прежнему хотите дурачить аратов своими проповедями. Недалеко же мы уйдем с тангутской письменностью, которую товут-ламы завезли к нам в Туву.

Собеседник все еще прикидывался простаком.

— Прошло уже больше ста лет, как у нас распространена тангутская письменность,— смиренно произнес он.— Народ знает, насколько полезна она, чтит ее. Потому я и пришел к вам, дарга, что партия призвала высказаться по поводу письменности.

Лама привстал с табурета и почтительно поклонился.

— Оставьте ваши ламские привычки!— не выдержал я.— Вам ли не знать, как лживы все эти поклоны, как лицемерны... Революция отвергла религию вместе с поклонами, унижающими достоинство человека. Вот вы расхваливаете тангутскую письменность. А скажите-ка, кто из аратов владеет ею?

— У нас, в Чадане,— бойко заговорил монах,— в верхнем

и нижнем хуре многие ламы пишут по-тангутски. А из этих... из аратов? — он замылся. — Кто же, кто же... Что-то позабыл.

— А вы припомните. Не из лам, а из аратов — кто может читать и писать? Назовите хоть одного грамотного человека даже из нижних чинов тужумета. Если ваша тангутская письменность так проста, если она самим богом определена для тубишцев, почему же за сто лет вы не научили грамоте ни одного арата?

— Что я могу сказать, мой господин? — лама едва сдерживал ярость. — Значит, у них, у этих аратов, просто нет способностей.

— Ну, вот вы и сказали то, что должны были сказать! — Я наконец-то узнал его, ламу в высшем ранге камбы. — Вы сами-то, Майдыр-ловун, и такие же, как вы, — небольшая кучка верховных лам — едва разбираетесь в тангуте. Заучили наизусть свои священные книги — вот и вся ваша грамота! Нет, ваше священство, такое предложение нам не подходит. Оно тянет назад, к тому, чтобы держать аратов в вековой темноте. Ваше предложение — хитрая ловушка!.. Запомните, Майдыр-ловун: если вы каким угодно способом будете препятствовать выполнению решений партии, мы примем против вас самые строгие меры. Будем рассматривать это как злостное выступление против революции. Понятно? Молитесь своему богу, если хотите, сколько вашей душе угодно, и мы вас не тронем. А если вы станете мешать революции, выступать против нее, — пеняйте на себя. Не посчитаемся ни с вашими титулами, ни с положением. Передайте это всем своим камбы, хелин и прочим.

— Чаа! — вскочил с табурета Майдыр-ловун. — Наконец-то я понял решение партии!

Снова захрятев и застонав, монах поспешно вышмыгнул за дверь.

* * *

Несколько дней спустя я узнал о встрече Майдыр-ловуна с Ирикпин-хелином. Прямо от меня лама направился в Эртине-Булакское хуре. Явился туда взбешенный и не сразу мог объяснить причину своего гнева.

— Нет, нет, я сам только что разговаривал! Только подумать! Этот-то, из хошуна Салчак, — секретарь партии!

— Ой, ой! — сочувственно всплеснул руками Ирикпин. — Этот бедняцкий выкормыш? Да это, наверно, Тывыкы, сын Тас-Баштыг... Подумать только!.. Что же все-таки случилось, учитель? — подобострастно склонился он перед высоким гостем.

— Потеха, хелин! — немного успокоился Майдыр-ловун. —

Эти голодранцы придумали создать какую-то свою письменность! И тот батрачишка смеет еще об этом заикаться!

— То-то и здесь об этом разговор пошел,— посерьезнел хелин.— Что же нам предпринять, учитель? Господи, прости!.. Что вы посоветуете?

— Надо какой-то хитростью воспрепятствовать этой дурацкой затее. Она противоречит религии!

— Согласен. Но как? Мы должны помешать им. Главное— помешать.

— Выход есть. Если поднимем лам Чадапского, Ак-Дуругского, Аксы-Барлыкского хуре, да и других,— можно сделать все, что захотим.

— Верно, учитель! Мы, ламы Салчака и Эртине-Булака, тоже не будем сидеть сложа руки.

Майдыр-ловун покровительственно улыбнулся.

— Сам башкы бурган пророчествует твоими устами, хелин!— он коснулся склоненной головы Ирикпина корешком молитвенной книги.

— Пусть воля божья снизойдет на нас,— не разгибая спины, откуда-то снизу хелин посмотрел на Майдыр-ловуна.

— Пусть будет так! Слушай внимательно. Я поеду отсюда в предгорья Танды— в Межегей и Кок-Булун. Оттуда— в Хендерге и Ак-Дуруг. Побываю во всех хуре, у всех лам. Ты, хелин, отправишься в хуре Самагалтая, Морена, Нарына, Теса, Бай-Холя. Объяснишь ламам, что делать. Могу я на тебя положиться?

— Господи! Как могло сомнение омрачить ваш светлый ум, учитель? Кто посмеет ослушаться вас? Мы все— слуги божьи... Именем господи клянусь: приложу все силы,— Ирикпин снова склонился перед камбы. Тот несколько раз похлопал его по загривку молитвенником.

— Все в руках божьих. На все его воля,— бормотал хелин.— А если, учитель, говорить, будто эти голодранцы-партийцы, эти хулугуры, не только против господи,— против народа идут?

Майдыр прищурился.

— А ты не глуп... Ну-ка, посмотри, нет ли кого лишнего...

— Кто может нас подслушивать? Все же посмотрю. Кто его знает...

Ирикпин выбежал из юрты и тут же вернулся.

— Никого.

Майдыр-ловун, полузакрыв глаза, молился. Время от времени он бросал в огонь ветки можжевельника, гремел бубенцами.

Ирикпин-хелин присоединился к молитвам.

До рассвета ламы обсуждали, как им помешать созданию новой письменности, как защитить шараинскую религию от посягательств новой власти.

* * *

Монахи всерьез забеспокоились. Они прекрасно понимали, чем им грозит грамотность аратов. Письменность страшила их больше, чем сама революция.

Поползли по хошунам нелепые слухи, распространяемые монахами. Злые слухи. Невероятные. Расчет был верный: чем неправдоподобнее, чем чудовищнее ложь, — тем больше надежд, что кто-то в нее поверит. И кое-где верили ламам — ведь «святые отцы» говорят, а они все понимают, все знают.

Но ламы просчитались. Народ быстро разобрался, на чьей стороне правда.

...Взбудораженная толпа в Аксы-Барлыке. Тут уже успели побывать шептуны Майдыр-ловуна и Ирикпин-хелина. Шум стоит. Спор.

— Давайте разберемся, — пытается перекричать толпу Чыртак-оол. — Честно говоря, они только прикрываются религией. Это же первые обманщики — ламы. Будто сами не знаете. Как они лечат? На тот свет людей отправляют. Да они хуже бандитов! Моего отца до смерти залечили. Единственного коня забрали. Сколько овец выманили — за «лечение»! Каждый может сказать, сколько ламы нашего и Алдын-Булакского хуре то за одно, то за другое позабирали. И все обманом. Разве не так? Теперь они против грамоты нашептывают. «Кто учиться станет — в ад попадет». Выходит, все грамотные ламы давно уже в чертей превратились! А мы, как бараны, слушать будем? Нельзя оставлять ложь безнаказанной!

Затерявшись в толпе, Маныгы-оглу и Бак-Кок наблюдали, как поведет себя народ.

— Правильно! — слышались голоса.

— Сколько можно надувать нас?!

Того, что случилось затем, Маныгы-оглу и Бак-Кок не могли и предвидеть.

— Нечего сидеть сложа руки, ребята! — вырвались на середину круга два парня. — Надо их уничтожить. Ну, кто с нами? — и направились к своим коням.

— Я! Я!! Мы! Мы!! — зазвучало со всех сторон.

И вот уже сотни всадников мчатся в Алдын-Булак.

Бак-Кок едва поспел за группой конников, ворвавшихся в подворье Алдын-Булакского хуре. Араты с ходу набрасы-

вали арканы на ограду, на купола церквушки и, гикая, нахлестывая коней, тянули на себя. В клубах пыли рушилось хуре. В воздухе летали разорванные в клочья молитвенные книги.

Кто-то проткнул барабан. Трещали по швам занавески.

Жалкой кучкой сгрудились во дворе ламы. Большинство из них были самого низкого ранга — хуураки. Тощие, оборванные, с выпирающими скулами, они стояли, опустив головы.

— Чаа! Нечего с ними больше разговаривать, — распорядился Бак-Кок. — Пусть разъезжаются по аалам и занимаются полезным трудом!

— Выращивайте скот, — подхватил Чыртак-оол. — Сами убедились, что народ против вас ничего не имеет. Вас тоже обманывали. Здесь вам делать больше нечего.

Ламы, словно с арканов сорвались, засверкали пятками.

Ненависть аратов к ламам и шаманам вскипела, как суп в котле. И араты победили. Еще одна цепь спала с них.

* * *

Комиссия, назначенная ЦК, приступила к работе. В нее вошли Шагдыр-Сюрюн, Седип-оол, Бак-Кок, Даландай. Ввели и меня.

Не обошлось без жарких споров и здесь. Даже в самом Центральном Комитете не было единогласия. Сомневающихся оказалось довольно много. Пугала сложность предстоящей работы. Никто, по существу, не знал, с чего начать, по какому пути пойти.

Но были и не только «сомневающиеся». Даландай, Хонекпен и Элбек-оол отстаивали свою позицию:

— Может, на самом деле заглянем в тангут... Или монгольскую письменность посмотрим. Все-таки мы издавна ею пользуемся...

Ну чем не Майдыр-ловун! А ведь не ламы — члены ЦК!

Эти трое немного владели монгольским языком. На первых порах им даже удалось взять верх. По их предложению начали составлять проект на монгольской основе. Но слишком очевидным было, что такой проект будет только наруку ламам и феодалам. А им араты уже неплохо ответили. Бедняки с нетерпением ждали, что скажет партия. Как самого большого счастья, ждали араты свою, тувинскую письменность. Можно ли было обмануть их надежды?

В Москву, в ЦК ВКП(б) пошло письмо:

«Просим оказать научную помощь в создании тувинской письменности».

...Июнь 1930 года. Комиссия продолжает работу. Вернее сказать — топчется на месте. Сторонники тангутско-монгольской основы потихоньку разрисовывают таблицы и злорадствуют: у нас, кроме убежденности в своей правоте, ничего нет, мы ни на шаг вперед не продвинулись.

Радовались они недолго.

В помещение, где мы обычно заседали, я ворвался, не помня себя от восторга:

— Друзья! Товарищи! ЦК ВКП(б) принял постановление оказать братскую помощь тувинскому народу в создании письменности. Академия наук СССР направляет к нам своих специалистов!

— Хаа! Теперь заживем!— Шагдыр-Сюрюн и Седип-оол, как заправские борцы, встали друг против друга.

Чтобы позлить наших противников, Седип-оол сказал:

— Я думаю, мы возьмем пример с прежде бесписьменных народов Советского Союза. Там уже есть опыт...

— Дельные предложения будут рассмотрены комиссией, независимо от того, кто их внесет,— поддержал я его.— Желательно только, чтобы предложения представлялись в письменном виде. На тувинском языке!

— Камбы верхнего Чаданского хуре уже внес предложение,— почесал в затылке Бак-Кок.

— Какое предложение?— насторожился Даландай.

— Он сказал: «Кто не желает принимать тангутскую письменность, тот заодно с дьяволом». А других предложений, сказал камбы, все приверженные к шарайнской религии не поддержат. После этого он взял да и уехал неизвестно куда. Может, товарищ Даландай знает, где теперь камбы? У них ведь одна платформа.

Даландай рассердился и хлопнул дверью.

Мы расхохотались.

* * *

...Жаркий июньский полдень. В верховьях Ондум, на Догээ выплеснулся дождь. Снова прояснило, и над Виланами изогнулась семицветная радуга.

Я стоял на берегу, взволнованный ожиданием. Шесть лет назад мы уезжали отсюда в Москву. В прошлом году к этому же месту причалил паром, доставив нас, первых выпускников КУТВа, в Кызыл. Сегодня здесь мы будем торжественно встречать дорогих гостей из Советского Союза.

Издали донесся приглушенный расстоянием басовитый голос паровой сирены, всколыхнув весь город. У каменно-

го столба, где теперь пристань Госпароходства,— не протолкаться. Собрались, что называется, и стар, и мал.

— Счастливым сегодня день!— Седип-оол от избытка чувств подхватил Шагдыр-Сюрюна, закружил его и поставил на землю, как мешок с шерстью.

— Отстань!— рассердился Шагдыр-Сюрюн.— Я тебя сейчас в воду брошу!— Он замахнулся было, но тут же остыл, рассмеялся.

— Ко-о! Ко-о-о! Кооо-о!— разнеслось над рекой.

— Подплывают! Подплывают!— закричали на берегу.

Замедляя ход, к нам приближался «Улуг-Хем». На мачте у него трепетал алый флаг. Что тут было! Ведь почти никто никогда в глаза не видел «плавающий дом».

Вот он уже совсем близко. Длинным гудком пароход приветствует встречающих. Эхо долго отдается в Догээ.

Я подумал: «Этот гудок навсегда нарушил извечный покой над Хем-Белдиром».

Река гостеприимно плескалась ласковыми волнами в борта парохода. А берег бурлил, как разбушевавшаяся река.

«Улуг-Хем» замер, попыхивая клубами черного дыма, сверкая красной полосой, проведенной вдоль корпуса. С кормы парохода, прогрохотав железной цепью, свалился в воду огромный крюк — якорь. На берег перебросили лестницу — сходни, и хлынул поток пассажиров.

Я сразу узнал одного из них. Он бежал по шаткому трапу, прогибая его, приветственно махал рукой. Это был Леонид Дмитриевич Покровский.

— Здравствуй! Здравствуй, товарищ Тока! Ну, как живете?

А на меня нахлынули воспоминания... Стою — ничего не вижу, не слышу, не обращаю внимания на протянутую руку. Спихнулся, кинулся к Покровскому, обнял его. Леонид Дмитриевич притянул меня к себе, поцеловал в лоб, взволнованно потеревил бородку, повернулся к встречавшим:

— Простите, товарищи. Позвольте представить вам: мои друзья — Александр Пальмбах, Хамид Сейфулин...

Все знакомые — наши учителя!

Этим же пароходом в Туву прибыла большая группа врачей, педагогов, специалистов сельского хозяйства и промышленности. «Улуг-Хем» доставил также много различных товаров.

В тот день над Кызылом особенно ярко светило солнце. Так светло бывает в юрте, когда солнечный луч вдруг ворвется прямо в дымоход.

Когда улеглась первая суматоха встречи и чуть приутихли взаимные расспросы, я махнул рукой Дажы. Он подогнал машину и по-русски пригласил гостей:

— Пожалуйста!

— О-о, даже автомобиль!— улыбнулся Леонид Дмитриевич.— Хорошо живете.

— Да так себе автомобиль, неважный,— мне стало неловко: расхвастался! — Садитесь, пожалуйста.

Дажы обиделся:

— Как это неважный? Новая машина!

— Ну, конечно, со старой не сравнишь! — подмигнул я Дажы.

Шофер расплылся в улыбке, вспомнив «черную быструю», и дал газ. Не разбирая дороги, прямо через кусты караганника он рванул к четырехкомнатному домику, отведенному для наших гостей.

На следующий день московских ученых принял Шагдыржап.

— Мы очень надеемся на вашу помощь. У тувинцев пока только один палец грамотный, который к бумаге прикладывают,— горько пошутил генсек.— А с отпечатками пальцев мы много не сделаем. Нам письменность нужна как воздух, как вода. Без нее люди вне политики...

Шагдыржап не раз изумлял меня цепкостью памяти и глубиной ума. Вот и сейчас он к месту припомнил ленинское выражение, которое лишь однажды услышал.

— Какие предложения имеются у ЦК?— поинтересовался Пальмбах.

— Тока этими делами всю зиму занимался. Пусть он расскажет. Кстати, и переводчик не потребуется.

Я коротко рассказал, что сделала наша комиссия. Не умолчал о разногласиях, спорах.

Ученые согласились, что с ламами нам не по пути.

— С чего же практически начнем?

— Мы будем просить вас создать письменность, какую имеют наши советские соседи — алтайцы, хакасы, казахи, киргизы. На тувинской основе.

Вместе с Покровским, Пальмбахом и Сейфуллиным мы отправились по хошунам изучать говоры тувинцев. Добрались до Ак-Дуругского сумона Дзун-Хемчикского хошуна. Буйно пошли в рост травы. С пригорка виднелся темный лес Чаа-Холя. Он так густо зеленел, что мог бы сравниться с лесными чащами Танды, до заснеженных вершин которой, казалось, совсем близко. Гости долго любовались природой, восхищенные ею.

— А здесь что — ураган был? — спросил Леонид Дмитриевич.

Мы подошли к полуразрушенным строениям. Местный старожил Докан-оол ворошил ногой груды разбросанных на земле молитвенных книг. Один лист прилип к его идику и никак не отставал, как ни дрыгал ногой Докан-оол.

— Это не ураган, — сказал он. — Это дело рук аратов. Не стерпели. Разнесли гнездо лам. Вместо их хуре скорее бы школы появились...

— Вон оно как! — удивился Покровский. — Судя по этому, можно сделать вывод, что тувинцы не питают к религии особых чувств.

— Аратов только тем и заставляли верить в бога, что пугали их. А так, честно сказать, мало кто верил. Просто боялись лам — вся власть у них была... — плюнул на развалины Докан-оол.

— А куда же теперь девались ламы?

— Разбежались кто куда. У кого высокие звания — к бандитам присоединились. А простые монахи вернулись к семьям, занимаются земледелием, скотоводством...

Невысокий, коренастый, коротко стриженный, с острой козлиной бородкой, очень спокойный, Леонид Дмитриевич внимательно слушал, делал пометки в блокноте, успевал в то же время любоваться окрестными местами.

— Удивительно красиво! Пойти бы по течению речки и выйти во-он к той тайге, а? Сколько здесь нетронутой красоты... Оросить бы эти степи, засеять. Сколько хлеба они дадут! Очень удобное место. Настоящий курорт! Село, город можно создать!

Докан-оол кашлянул:

— Вы, даргалары, приехали из далекой Москвы. Зачем будете тратить время на эти развалины. Вы приехали по нашей просьбе. Добро пожаловать в юрту...

* * *

— Александр Адольфович, не пора ли утвердить алфавит?! — по нескольку раз на день надоедал я Пальмбаху.

Он не спешил с ответом. Неторопливо «зачинивая» ногтем исписавшийся карандаш, Александр Адольфович задумчиво почесывал лысеющий затылок.

— Ваш вопрос действительно справедлив. Действительно! Я тоже об этом подумываю...

И, тут же забыв о моем существовании, погружался в размышления.

А мне не терпелось:

— Нет, вы все-таки скажите.

Пальмбах сосредоточенно чертил свою голову карандашом.

— Я советовался с товарищем Шагдыржапом, говорил с членами комиссии — Седип-оолом, Бак-Коком... Есть основания считать, что тувинский алфавит будет состоять из тридцати с небольшим букв. А как вы думаете?

Этот вопрос обезоруживал меня. Что я мог сказать?

И все-таки я дождался дня, когда Пальмбах, раскрыв тетрадь в черном клеенчатом переплете, торжественно произнес:

— Вот двадцать девять букв первого нашего проекта. Давайте вместе посмотрим и будем докладывать Центральному Комитету.

Он читал алфавит, а я шептал за ним букву за буквой. И вдруг поймал себя на том, что повторяю за ним громко эти самые буквы...

...20 июня 1930 года в Кызыльском хурен-бажыне Центрального Комитета ТНРП собрался весь состав ЦК, наша комиссия и хошунные комиссии по созданию письменности, московские ученые. Волнуясь, объявляю повестку дня:

— Товарищи, сегодня мы рассмотрим проект, разработанный советскими учеными. Слово предоставляется Александру Адольфовичу Пальмбаху.

Докладчик вышел к черной доске, широко расставил ноги, поправил складки под ремнем на изношенном френчике, растегнул верхнюю пуговицу воротника, откашлялся, взял в одну руку мел, в другую — тетрадь и начал:

— Чаа, товарищи...

Смотрю на собравшихся: все пораскрывали рты. Ждут.

— Прошу внимательно выслушать меня,— говорит Пальмбах по-тувински.— При создании нашего проекта мы учли опыт народностей СССР, до революции не имевших своей письменности. И это, я думаю, единственно верный путь. Постараюсь доказать вам. Мы учитывали, что тувинский язык имеет тюркскую основу. Поэтому взяли за образец обновленный тюрко-латинизированный алфавит, который неплохо привился в близких Туве по языку национальных районах Советского Союза. Если это не встретит возражений, то пойдем дальше...

— Продолжайте!

— Хорошо. Исследуя языковые особенности всех хошун Тувы, мы остановились на говоре тувинцев, населяющих Хемчик. Почему мы выбрали именно хемчикский говор? Поясню. К примеру, язык оюнов, салчаков, маады, чооду имеет

значительную примесь монгольского и татарского. А у жителей Хемчика и Чадана говор менее подвержен влиянию чужих языков. Мы полагаем, что с этим явлением нельзя не считаться. Посудите сами. Большинство тувинцев топор и чайник называют «балды» и «хонек», а тандинцы, салчаки и оюны эти же предметы именуют по-монгольски—«суге» и «донгуу». Следовательно, будет правильнее всего взять за основу тувинского литературного языка говор дзун-хемчикских тувинцев.

— О-о, все понятно!

— На душе полегчало!

Поднялся такой шум, все бросились к Пальмбаху жать ему руки, благодарить. Пришлось объявить короткий перерыв.

После перерыва народу еще прибавилось: всем интересно.

— Вопросы есть?— спрашиваю.

— У меня что-то вроде... Можно? Хи-хи-хи! — высунулся Даландай.

Я не сомневался, что он скажет что-нибудь не так и всем испортит праздник, но отказать ему было нельзя — член комиссии.

— Пожалуйста.

— Я никак не могу согласиться. Как это так: речь хемчикских тувинцев подходит, а оюнов-салчаков не подходит? Как это, товарищи?! Мы, оюны, тоже, кажется, люди, и салчаки тоже. Не понимаю, хи-хи-хи! Почему бы по-старому не оставить: использовать тангутскую или монгольскую письменность? — И сел.

Седип-оол вскочил:

— Даландай ничего нового не сказал. Мы эти слова слышали не только от него. Ламы и тужуметы то же самое говорили. Новая письменность будет понятна каждому тувинцу. Это главное!

— Правильно!— закричали отовсюду.

— Я полностью одобряю предложение докладчика. Обязуюсь сам быстро изучить новую письменность и обучить других. Между прочим, родом я тоже оюн...— Шагдыр-Сюрюн выпалил это и закурил.

На трибуну поднялся Бак-Кок, крепко ухватился за ее борта руками и заговорил, будто выступал перед тысячью людей:

— Товарищи! Честно говорю: проект понятен каждому. Новая письменность навечно останется в истории Тувы. Надо утвердить этот проект и поручить комиссии, чтобы она его усовершенствовала. А выступление Даландая — каждый подтвердит,— враждебное выступление!

Разговорились — не остановишь! Бюльчун выступил, при-

бывшие из хошунов Иргит Дынгыжаа, Ховалыг Дамдынчап, Оюн Биче-оол... Каждый громил Даландая и его прихлебателей. «Тангутцы» поджали хвост и не посмели больше поднимать голос. Полная победа!

— Будем еще обсуждать?

— Все ясно! Давайте голосовать!

Поднятых рук — как деревьев в лесу. Ни одного против!

Перебивая друг друга, поздравляют московских гостей, аплодируют так, что, кажется, все горы Тувы рухнут.

Пальмбах украдкой вытирает глаза — не то от слез, не то от радостного смеха.

— Чаа, товарищи! Нас очень радует, что вы теперь будете иметь свою письменность. Примите наш горячий братский привет. Приехавшие со мной из Москвы товарищи Покровский, Сейфулин и Кабо присоединяются к моим поздравлениям. Ну, а теперь не будем терять времени и приступим к изучению тувинского алфавита. Нет возражений?

Присутствующие зашелестели бумагой. Руки членов ЦК, министров, важных даргаларов неловко взяли карандаши.

Пальмбах написал на доске букву «А».

Олег САГАН-ООЛ,
Владимир ЧЕРНЫХ

ТУВА — ГНЕЗДО ОРЛОВ

Документальный киноочерк

Пустыня. Знойное марево. Подернутые рябью барханы. Медленно движется по ним стадо верблюдов. Важно покачиваются длинные шеи, сыплется из-под копыт песок. Звучит протяжная восточная мелодия.

Вы думаете, это Кара-Кумы?..

Внезапно картина резко меняется.

Угрюмое, заросшее ущелье. Полумрак. Вздываются в небо отвесные скалы. С грохотом несется по дну через камни бешеный горный поток. Музыка становится быстрой, отрывистой.

Кавказ?...

И снова все меняется.

Холмистые просторы северной тундры. Пощипывая ягель, пасутся по ней увенчанные ветвистыми рогами олени.

Якутия?..

Нет, все это снято почти в одном месте, на небольшой территории, на удивительном кусочке нашей земли, имя которому Тува.

Ее маленькому, но свободолюбивому, талантливому народу посвящаем мы этот фильм.

И на экране вспыхивает его название...

Гаснут титры.

Берег Енисея. Гора. Плеск волн... А на берегу высится обелиск: из полусферы земного шара, опутанного сеткой меридианов, вонзается в небо трехгранный каменный шпиль. Золотом горят на сером граните слова «Центр Азии».

Да, именно здесь — каменное сердце величайшего земного материка, тот фокус, в котором сходятся его самые противоречивые контрасты.

Они возникают на экране в коротких выразительных кадрах.

Пасут чабаны отары на роскошных альпийских лугах, усыпанных эдельвейсами;

люди пробираются по безжизненным каменным долинам, валят деревья в стылой, окутанной морозным туманом тайге;

роют канавы на растрескавшейся от зноя земле. Льется пот по обнаженным спинам, а рядом в палатках — телогрейки.

Здесь самый континентальный на материке климат, самые резкие колебания температур. Зимой свирепствуют пятидесятиградусные морозы, а летом — сорокаградусная жара. Но и летом, изнывая от зноя днем, вы можете мерзнуть ночью.

Здесь богатство природы уживается с ее бесплодием, вечные снега соседствуют с горячими источниками, а засушливые степи — с гнилыми болотами.

Трудная земля... Но тот, кто родился на ней, не променяет ее ни на какую другую. Почему?

ОРЛЫ НЕ МЕНЯЮТ ГНЕЗД

Среди отвесных, неприступных скал примостилось гнездо. Распластав могучие крылья, кружит над ним орел. Никто не помнит, когда он впервые появился здесь, но каждую весну он вновь и вновь прилетает сюда из жарких стран. Это — его гнездо, его владения. Здесь он живет, охотится, выводит птенцов. Отсюда он уже не уйдет. Это знает каждый биолог: орлы не бросают однажды облюбованных мест.

А кругом, куда ни помотришь, — горы, горы, горы...

Ведь сама по себе Тува — это впадина, окруженная со всех сторон высокими горами. Орлиное гнездо, заброшенное за облака. И не случайно издревле поселились на этой земле племена гордых, смелых людей.

Жестокая судьба выпала на их долю. И об этом рассказывают камни.

Бродят ученые по заросшим бурьяном валам древних городищ.

Всматриваются в каменные писаницы.

Обмеряют и раскапывают курганы.

В наши дни Тува стала Меккой археологов. Здесь обнаружено громадное количество исторических памятников. Неда-

ром в Туве работает сейчас крупнейшая в истории науки археологическая экспедиция Академии наук СССР. О чем же рассказывают ученым находки?

Раскопка одного из захоронений подходит к концу.

Под щеточками и лопаточками археологов из праха веков начинает проступать на дне кургана изображение человеческого скелета.

И, быть может, тускло блеснет в земле, как это нередко случается, тонкая пластинка изящного украшения.

Золото. Настоящее червонное золото...

Впрочем, чему тут удивляться? Территория нынешней Тувы издавна славилась своими богатствами. Здесь находили и медь, и свинец, и железо, тайга кишела непуганым зверем, а стратегическое положение в центре Азии обеспечивало важные военные преимущества. Вот почему тувинская котловина всегда привлекала к себе жадные взоры завоевателей.

Но не так-то просто было завладеть этой чашей с золотым дном.

В руках археолога — другое украшение, явно напоминающее своими очертаниями знакомую птицу.

Орел?..

Взрыв музыки.

Ученые рассматривают наскальное изображение.

Аппарат приближает его.

Опять орел?...

Новый взрыв музыки.

Художник-археолог зарисовывает пряжку в виде орла.

Перед ним на столике — множество таких же пряжек.

Случайны ли такие находки? Нет. У древних кочевых народов всегда в почете были сильные, боевые животные. Тувинские же племена особенно почитали орла. И живущие среди орлов сами становились орлами!

Раскопки кургана закончены. Перед нами останки воина, погребенного в полном боевом облачении, с конем, колчаном, стрелами. Правда, стрелы сгнили, но наконечники остались. Археолог рассматривает один из них, острый, отточенный, со специальным отверстием, издающим в полете устрашающий свист.

До наших дней дошли свидетельства летописцев о храбрости, ловкости, воинском искусстве племен, населявших в ту пору Туву.

Орлиными перьями оперяли сыны этой земли свои стрелы и разили ими без промаха. Они не только никогда не боялись

сражаться с превосходящими силами врагов, но и не раз били их.

И возникают на экране каменные изваяния.

Они стоят на фоне рек и гор, среди степей и каменистых долин.

Есть что-то наивное и жуткое в их языческой грубости и простоте.

Играет солнце на поздраватом камне, высвечивая приплюснутые лбы, широкие монгольские ноздри, невидящие глаза.

Один за другим в разных ракурсах, наездами, наплывами, укрупненными планами, под звуки тревожной музыки сменяются на экране каменные идолы.

Увы, это не памятники героям, как можно подумать. Это изваяно в честь побежденных врагов, которые сражались и умирали, как герои. Таков был древний обычай. И подобных изваяний в Туве оказалось больше, чем во всех других районах страны вместе взятых!

Но что могут сделать даже меткие стрелы и отважные сердца, если врагов неисчислимы легионы?!..

Смотрят таежные великаны в быстрые, холодные воды Енисея.

Он рождается здесь, в Туве.

Стремителен и неудержим его бег сквозь тайгу и горы к далекому океану.

Он, холодный, бьется у причала.
Катит воды светлые вперед,
В ледниках, снегах свое начало
Ручейками синими берет.

Пусть же захватит и нас в своем неодолимом движении крутая енисейская волна.

Пусть понесет мимо грозных утесов и скал, сквозь кипящие шивера и водовороты, под нависшими над водой подмытыми, падающими деревьями.

Вы видели, как гибнут они на берегах сибирских рек? Давайте же понаблюдаем, поразмыслим, помолчим...

Бежит Енисей, бьет волной в берега, с шорохом осыпается в воду земля, обнажая корни.— и все ниже, ниже клонятся к роковой стремнине березы и сосны, лиственницы и ели.

Деревья, что люди,— каждое умирает по-своему.

Одни не сопротивляются, сразу никнут, хиреют, даже как-то седеют, всем своим видом являя покорность судьбе. Еще прочно стоящие на берегу, они сами дугой изгибаются к реке,

и она задолго до конца треплет, рвет, мочалит их обреченно опущенные ветви. Потом, уже наполовину обглоданных, истерзанных, долго качает на своих волнах, пока не выбрасывает на какую-нибудь отмель. Там солнце, дожди и ветры довершают дело, оставляя от бывших красавцев только жуткие, высушенные до слепящей белизны остовы. Горький удел, незавидная участь...

Но есть и другие деревья. Обреченные, они не сдаются. Погибающие, дерутся за жизнь до конца.

Мы увидим, как живут над бездной, наперекор здравому смыслу, деревья с обнаженными, болтающимися в воздухе корнями; как не хотят падать они в реку, висят над ней уже горизонтально, вопреки всем законам земного притяжения; как от чудовищного напряжения борьбы с ним их могучие стволы раскалываются вдоль, отдавая одну свою половину смерти, чтобы жила другая...

Есть деревья, которые не сдаются даже в воде. Уже упав в реку, они каким-то чудом удерживаются в ней, вцепляются в каменистое дно и стоят так по пояс в ледяной быстрине, как развевающиеся над волнами зеленые флаги. Они будут стоять, пока безжалостное течение не изложет, не объест их нежные стволы. Но и тогда, поверженные, плывущие по реке, они будут упрямо выбрасывать из нее свои упругие, полные жизни ветви, словно посылая миру и собратьям последний, прощальный привет...

Вот так же, как эти неудержимые воды, пронеслись над тувинской землей века за веками, и, как чума, как мор, как потоп, накатывались на нее волны вражеских нашествий.

Под кронами тайги рождается мягкий, мелодичный звук.

Он слетает с волосяных струн национального музыкального инструмента.

Ему вторит голос старого тувинца-сказителя.

Сидят рядом, слушают ученые.

Не только в камнях история народа, душа его...

Крутятся диски магнитофона.

Поют, плачут струны.

Сколько видел седой Енисей! Его берега топтали свирепые орды гуннов и древних тюрков, в его волнах отражалось пламя кочевых костров уйгуров и кыргызов, его воду пили кони Чингис-хана...

Не всем народам и племенам было дано пережить ужасы чужеземного ига.

Одни сразу надламывались, покорялись судьбе,— и их на-

всегда поглощала, выбрасывала на отмель забвения, как Енисей деревья, неумолимая река времени.

Другие сопротивлялись, несмотря на очевидную безысходность борьбы.

Таковыми были предки тувинцев.

Издавна славилась они своей гордостью, непокорством. Летописцы рассказывают, что даже во время грозы люди этих племен не прятались, как другие, в шалашах, а выбегали из них и посылали в сверкающее молниями, грохочущее небо свои стрелы.

Они бросали вызов судьбе. Их многочисленные восстания захватчики подавляли огнем и мечом, буквально топили в крови, но они поднимались вновь и вновь. Чтобы сломить сопротивление непокорных племен, их не раз насильно переселяли с родной земли далеко на чужбину. Но сменялись властители, миновали лихие времена. и внуки, правнуки тех, кто когда-то был изгнан, опять возвращались в старое гнездо. Как орлы по весне...

Плещут тревожные отсветы огня на быстрой енисейской волне.

Сидят на берегу у костра археологи, рассматривая находки.

У одного из них в руках кривая ржавая сабля.

Сотни лет пролежала она в земле.

Пламя отражается на изломах дамасской стали.

Сквозь треск костра возникает вдруг отдаленный гул сражения — топот, ржанье, ляг рубки.

Самым известным было восстание Самбажыка в прошлом веке.

Шестьдесят героев подняли оружие против жесточайшего маньчжурского ига. Всего шестьдесят... Такая борьба не могла не завершиться трагически.

Смолкают звуки боя. Сквозь языки огня возникает картина художника, показывающая эпилог восстания.

Поле под мрачными, тяжелыми тучами. Бредет по нему убитая горем женщина. А на фоне неба вырисовываются насаженные на шести головы казненных повстанцев. Лишь над горизонтом виднеется яркий просвет.

Они были храбрыми воинами. Но их было слишком мало. Чтобы обрести свободу, им нужен был сильный и верный друг. Вот почему еще несколько веков назад взоры тувинцев впервые обратились на север.

Горит, пылает над Енисеем заря.

Там, за Саянами, лежала Россия — могущественная и бес-

сильная, богатая и нищая царская империя. Это было солнце, покрытое черными пятнами. Оно слабо грело в ту пору. Но это была надежда...

ОРЛЫ СМОТРЯТ НА СОЛНЦЕ

Утро.

Восходит над горами слепящий огненный диск.

А на скале сидит и смотрит на него орел.

Говорят, только орлы могут вот так, не мигая, смотреть прямо на солнце...

Да, слабо грело тогда солнце России. Приходили из нее жадные, злые люди, торговцы-живодеры, которые грели руки на народной беде, спаивали, грабили доверчивых аратов. Но были и другие. Они тоже приходили с севера. И было их больше.

Тропа, глухая, заброшенная... Она вьется между гор, забегает в чащи, прижимается к отвесным скалам.

Вот по таким неведомым тропам пробирались через Саяны в поисках лучшей доли русские люди — те, кого гнали нужда, голод и царский закон. Но вместо земли обетованной открывалась им за Саянами жизнь страшная...

Она возникает перед нами в сменяющих друг друга документальных фотографиях, рисунках.

Тувинский охотник. Под ним худая лошаденка, за плечами кремневое ружье и стрелы, с которыми охотились еще деды и прадеды, но взгляд прямой, смелый.

И вдруг — другой взгляд. В нем боль и гнев.

И видим мы арата, сидящего на земле, закованного в кандалы;

руки, выставленные на мороз, скрюченные, почерневшие, на которых уже не тает снег;

ящик, из которого торчит человеческая голова...

Они всегда были смелыми, гордыми, сыны Саян, всегда любили свободу, и только так — заковав, словно зверя, в железо, отморозив руки, чтобы не могли они взять меч или пусть стрелу, замуровав в ящик, чтобы человек гнил в нем заживо, — только так удавалось врагам заставить их смириться.

На экране — дырявые берестяные чумы с копошащимися у входа оборванными, полуголыми людьми, прижавшиеся друг к другу заморенные ребяташки.

И тут же — увешанные красивыми коврами, сверкающие

дорогими безделушками юрты, золотые молитвенники ламаистских монастырей, лоснящиеся жиром и довольством лица правителей — нойонов.

Тува в начале XX века находилась еще на ранней стадии феодального развития. Здесь царили самая настоящая дикость, варварство, быт почти каменного века. Здесь властвовали наделенные неограниченной властью, опившиеся народной кровью князьки и ламы.

Арата можно было безнаказанно убить, ограбить, замучить. В ходу были самые страшные средневековые пытки. В стране свирепствовали болезни и эпидемии. Нищета народа была неопишима. От голода поголовно вымирали целые селения.

Русских людей поразило то, что они увидели. Им, самим бежавшим от голода и нищеты, близки и понятны были страдания тувинского народа, и они стали помогать ему, чем могли.

Бежит по зеленой, ласковой долине извилистый Каа-Хем. Смотрят в тихие заводы белоствольные кудрявые березки. Совсем как в России.

И среди этой красоты бредет за тощей лошаденкой арат с деревянной сохой; тувинка гоняет по снопам привязанных к столбу коров; человек ссыпает в яму зерно...

Здесь было где приложить руки, были бы они свободными. А тувинцы до сих пор царапали землю заостренной палкой. От русских они впервые узнали, что такое плуг.

Они многое узнали впервые от своих новых друзей. И что обмолачивать снопы можно не только коровами, а хранить зерно — не только в земле...

Прииск в тайге. Моют золото русские бородачи, им помогают тувинцы.

...и что такое рабочий класс и классовое самосознание, классовая борьба.

Так родилась эта дружба. Дружба двух народов, большого и маленького. Она крепла, росла год от года. И когда забушевала над Россией великая очистительная буря Октября, ее свежий ветер перелетел через Саяны.

И зашумел над древней землей...

Во главе первых органов народной власти в Туве вместе с тувинцами стали русские коммунисты Беспалов и Крюков.

Учитель из Сибири и топограф с берегов Волги, они приехали в далекую Туву, чтобы помочь ее народу навсегда сбросить вековое иго угнетателей, утвердить на своей земле новую жизнь. И пали в борьбе...

Стоит в центре Уюка памятник. На нем барельефы.

Степан Беспалов. Он стал первым председателем краевого Совета рабочих и крестьян.

Никифор Крюков. Им был подписан циркуляр, по которому вся земля края передавалась в руки тувинской бедноты.

Но разве могли примириться с этим местные кулаки, богатей? Они подняли контрреволюционный мятеж.

Окраина Уюка. Дорога, плетни, горы.

Сюда Крюков и Беспалов поехали к телефонной линии на рассвете 4 мая 1918 года, чтобы сообщить в центр о восстании. Но не успели.

Амбар кулака Микешина.

Отсюда в спину им прогремели выстрелы кулацких обрестов.

И покатались плетни и горы.

Горы... Они многое видели и помнят. Борьба только начиналась.

Помнят горы героический переход через Саяны отряда мало-енисейских партизан под командованием Алексея Квитного.

С фотографии смотрит на нас молодое русское лицо лихого парня в солдатской фуражке.

Крестьянин-батрак, участник русско-японской войны, вольнодумец и бунтарь, он дважды бежал из тюрем, куда бросали его царские сатрапы. Оказавшись после второго побега в Туве, он и здесь взбунтовался против контрреволюционеров.

Сколько боев и походов провел со своим отрядом Алексей Квитный!

С волнением всматривается в его фотографию пожилая женщина.

Когда-то Елена Алексеевна Воронина была связной отряда. Пусть же вспомнит она с экрана о своей молодости, о том, как шли партизаны через Саяны, по пояс в снегу, в пятидесятиградусные морозы, штыками прокладывая себе путь сквозь вражеские заставы, как всегда рядом с Алексеем сражался его адъютант — тувинец, человек беззаветной верности и храбрости, не раз спасавший жизнь своему командиру.

Бегут по утрам дети в Бояровскую школу имени Алексея Квитного.

Растет в селе черемуха, посаженная его руками.

Ровная поляна на взгорье за околицей. Ни холмика, ни кустика. Шумит у подножья бугра могучий тополь.

Он был совсем маленьким, когда где-то здесь хоронили героя...

Не забыли в Туве и Павла Баранова.

Партизан-разведчик, он был схвачен врагами и подвергся зверским пыткам.

Двор одного из домов в Туране.

Здесь метались, плясали, кружились перед ним, словно в горячечном бреду, заборы, сараи, крыши. Он молчал. И тогда шесть штыков вошли в живое тело героя и подняли его к небу, к далеким облакам.

Он умер на штыках...

Сыплется, падает на объектив аппарата земля. Все меньше и меньше света. И наступает мрак.

Тувинский боец Санча Кол задохнулся в земле. Враги закопали его живьем...

Разрывается мрак, плывет на экране земля Тувы.

Где спишь ты, бесстрашный Санча? Нам не осталось даже твоей фотокарточки. Мы не знаем твоего лица. Только подвиг да имя. Они долговечнее монументов.

Другой пейзаж. Место Тарлашкынского боя. Холмы, дорога, лесок вдали.

Памятник.

Он стоит неподалеку от села. На камне имена шести погребенных здесь бойцов.

Русские и тувинцы, они лежат там же, где сражались и пали, — в чистом поле, в последнем братском, смертном объятии.

Четверо из этих шести были из Атамановки.

Вот она, бывшая Атамановка, — село в топкой низине, кузница партизанских кадров, давшая Туве партизанского вожака Сергея Кочетова (село теперь и называется Кочетово). Здесь в 1921 году свернул себе шею генерал Бакич, шедший с отрядом из Монголии.

Дом на улице села. Старый, потемневший. Между окон бежит мемориальная доска.

Здесь размещался штаб объединенного партизанского отряда Сергея Кочетова.

Он смотрит на нас с фотокарточки на стене, молодой, перепоясанный ремнями и портупеей, и есть что-то лихое в его ладной, подтянутой фигуре, гордом постанове головы. Рядом — верный конь и боевые товарищи.

Здесь, за таким же длинным столом, они заседали всем штабом, обсуждая планы операций.

Фотокопия решения Реввоенсовета республики о награждении Сергея Кочетова орденом Красного Знамени рассказы-

вает, чем закончился его знаменитый бой с Бакичем.

Это было последнее крупное сражение гражданской войны в Туве.

Другой документ. В рамке, под стеклом.

Он рассказывает о важном событии, которое не случайно произошло именно в этом доме. Здесь в августе 1921 года собравшийся вскоре после победы Всетувинский Учредительный Хурал провозгласил образование Тувинской Народной Республики. Она была объявлена независимым, суверенным государством, находящимся под покровительством и защитой Советской России.

Тувинский народ обрел, наконец, желанную свободу и независимость. Перед ним открывалась дорога к новой, счастливой жизни. Но своей революционной, марксистской партии у тувинцев еще не было. Ее надо было создать.

Фотография. Одна-единственная. Только она доносит до нас облик того, кто явился основателем такой партии. На снимке много людей. Впереди — упитанные, ожиревшие феодалы (в ту пору работать приходилось среди них — тайных, замаскированных врагов), а в самом дальнем ряду этой самодовольной толпы, в полутемном проеме двери стоит совсем незаметный, скромный человек. Худощавое, бледное лицо. На голове вязаная аратская шапочка. Глаза прищуренные, умные. Таким он был и в жизни. Незаметным. В тени. Но трудовые аратские массы знали и любили своего вожака Оюна Курседи.

Наплывами, наездами сменяются фотографии собраний аратской бедноты. Сидят в тулупах, халатах, в избах и юртах, кто на чем. И в исхудалых лицах, запавших глазах — что-то новое, светлое, решительное.

Трудно было создать партию. Однажды феодалы, пробравшиеся к власти, даже распустили ее, уже родившуюся. Но Курседи не отступал. И народ шел за ним.

Под стройными березками в Туране стоит дом. Обшитый тесом, со ставнями и светлыми наличниками, с высоким крыльцом. Он такой же, каким был тогда. Народ бережет его свято.

В этом доме в марте 1922 года было провозглашено создание Тувинской народно-революционной партии. Оюн Курседи стал ее первым генеральным секретарем.

Документы. Ветхие, пожелтевшие от времени, на непонятном монгольском языке. Под одним из них подпись. Она укрупняется.

Началась работа. Будничная, героическая. Но тогда не

было еще секретарей и стенографисток. Мы не знаем ни одной речи, нам не осталось ни одного подлинного документа Оюна Курседи. Ничего, кроме подписи. Одной-единственной, как и та фотография...

Портрет Оюна Курседи сменяется широкой панорамой долины Элегеста. Пологие, поросшие травой холмы, изви- вающаяся в лозняках рска.

Здесь он родился, здесь кочевал, бедствовал в своей ды- рявой, продуваемой насквозь бедняцкой юрте. И где-то здесь навеки приняла его в свои объятия тувинская земля.

Ушел Курседи. Но осталась, жила, боролась созданная им партия.

Заседание одной из первых партийных ячеек. Сидит на земле, поджав ноги, секретарь, босой, полуголый, в темной руке зажат листок бумаги. А вокруг — такие же босые, кое- как одетые люди.

Но не улыбку вызывает этот снимок — волнение. Сидят араты, первые тувинские коммунисты. Думают о своей судь- бе. Это они — вот такие — решили, что путь Тувы может быть только один — от феодализма к социализму, минуя ка- пitalизм. И повели по этому пути свой народ.

Новая жизнь... Она начиналась с нового быта. Уникаль- ные фото- и кинодокументы перенесут нас в то необыкно- венное время.

Вот тувинка умывается под простым железным рукомой- ником. На ее лице детское удивление: она впервые видит та- кое чудо.

Идут девушки, чистые, сияющие. Они впервые в жизни помылись в бане. В старой Туве не знали такого.

Тувинка с ребенком на койке родильного дома. В ее гла- зах растерянность: ей все кажется, что это сон. Всю жизнь она рожала в грязной юрте, на гнилом тряпье. А тут — бело- снежная простыня, подушка, мягкий матрац...

И снова, как в годы тяжелых испытаний, рядом с ту- винцами были их верные, бескорыстные друзья.

Русский врач. Он стал первым человеком в Туве, которая вообще не знала раньше медицины. Не щадя себя, работали советские медики, устраивая больницы, принимая роды, объезжая стойбища, чтобы сделать прививки населению. Именами русских врачей называли тувинцы своих детей.

Советские люди помогали аратам закладывать первые колхозы, зажигать первые лампочки Ильича, проводить но- вые оросительные каналы.

Тувинцы учились у русских печь хлеб и делать колбасу,

ловить и обрабатывать рыбу, сплавливать лес и строить дома. Потомственные скотоводы овладевали множеством новых, незнакомых им ранее профессий: пимокатчика, тракториста, авторемонтника, дорожника, кожевника...

В 1930 году благодаря помощи советских ученых была создана тувинская письменность. Это явилось огромным событием в жизни молодой республики. Вся Тува ссла за парты. Вышли первые газеты и книги на родном языке. В республике началась культурная революция.

Кадры старой кинохроники, рассказывающие о первых социальных преобразованиях в Туве, идут на фоне отдаленного, гортанного пения. Оно нарастает, приближается. И вот мы видим поющего.

Едет по степи всадник-тувинец.

Поет...

Но это не обычное пение. Из горла человека вылетают сразу два звука: один чистый, высокий, звонкий, а другой — хрипловатый, низкий, напряженный, как заоблачный клеток.

Тувинцы, пожалуй, — единственный в мире народ двухголосных певцов. Из рода в род, из поколения в поколение передают они свое удивительное искусство: хомей, сыгыт, каргыра.

Неторопливо едет по дороге всадник.

Мягко переступают в пыли копыта лошади.

А кругом степь да степь.

Плывет над нею протяжная, гортанная, как заоблачный клеток, песня.

Новая жизнь шла по древней тувинской земле. Впервые за много веков воцарились на ней тишина и покой. Казалось бы, живи и радуйся. И какое дело до того, что где-то на Западе поднял голову фашизм, что далеко отсюда началась большая война? Что до того маленькому, мирному народу?!

Но это народ орлов. А вы знаете цену орлиной любви?..

ОРЛЫ УМИРАЮТ СО СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ

Выстрел за экраном.

Медленно кружатся, падают с неба перья.

Потом возникает курган с сидящим на нем орлом.

Мы видим его в разное время дня, при различном освещении — на восходе и заходе солнца, в яркий полдень и сумерки.

Он сидит неподвижно, как изваяние. Только ветер шевелит его перья.

На этом фоне звучит негромкий голос.

...Убил однажды охотник орлицу. Затаился и стал ждать. Вскоре прилетел орел. Долго кружил он над мертвой подружкой, потом бережно поднял ее тело и, тяжело махая крыльями, полетел на одинокий степной курган. Там он положил орлицу, сел рядом и замер, словно окаменев. Он сидел так день, второй, третий. Вставало и опускалось над степью солнце, а орел все сидел...

Когда через много дней измученный жалостью и раскаянием охотник подполз к нему, чтобы накормить, он увидел, что орел мертв. С тех пор этот человек больше не охотился...

Такова была.

Так любят орлы.

Их цена за любовь — жизнь.

Взрыв.

Взметается на экране земля.

По охваченным пламенем дорогам войны движутся на восток немецкие полчища.

На рассвете 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

И в этот же день, в то же страшное утро, Великий Хурал Тувинской Народной Республики принял специальное постановление.

Оно возникает перед нами сквозь клубящийся пороховой дым.

В нем говорилось, что тувинский народ считает себя мобилизованным на борьбу с общим врагом, что он готов отдать советским братьям во имя победы над фашизмом все свои силы, всю свою кровь и жизнь.

Это была клятва. Клятва любви и верности. И она не была пустым звуком.

Фотографии, кадры военной кинохроники подтверждают это.

Сорок тысяч боевых коней передали тувинцы фронту, пять эшелонов подарков послали бойцам в действующую армию, на собранные ими средства была построена целая эскадрилья самолетов-истребителей. До 75 процентов своего личного скота безвозмездно отдавали араты в фонд обороны!

Но этого им казалось мало. Тувинцы не забыли, сколько крови пролили за их свободу русские друзья. И они хотели отплатить им тем же. Они рвались на фронт.

Документы.

Это переписка между Кызылом и Москвой по вопросу об

участии тувинских добровольцев в Великой Отечественной войне.

Не сразу решилось Советское правительство принять такую жертву.

Первыми ушли русские парни — уроженцы Тувы. И быстро доказали в боях, что не зря родились в этой горной стране.

Братья Шумовы. Василий, Александр, Лука, Авксентий, Иван, Семен...

Их минометный расчет гремел по всему Ленинградскому фронту, наводя ужас на врагов.

Михаил Бухтуев... Механик-водитель. Комсомолец. Девятнадцать лет... Совершил беспримерный подвиг, протаранив своим танком фашистский бронепоезд. Присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

А как же тувинцы?..

Они продолжали настаивать, требовать.

Им в конце концов уступили.

Их послали на фронт. Им вручили оружие.

Бегут в атаку солдаты, прочерчивают дымное небо самолеты, взмывает взрывами обугленная земля.

Пулеметчики, кавалеристы, танкисты — сыны Саянских гор сражались, как львы. Весь свой веками накопленный боевой опыт отдавали они борьбе. Их мужество и стойкость не знали предела. Они дрались до последнего патрона, до последнего человека, не отступая ни на шаг без приказа командования. Но, умирая, каждый тувинец уносил с собой в могилу десятков врагов.

И шли в Туву письма с фронта.

Их читали на стойбищах всем миром.

Одно из них было прислано полковником Поповым. Мы видим строчки из него, слышим закадровый голос: «Я бесконечно благодарен своему командованию за то, что оно мне доверило командовать этими славными орлами Саянских хребтов... Своим мужеством, героизмом и бесстрашием, беспредельной преданностью своему народу тувинские добровольцы с честью оправдали почетное звание конногвардейцев».

Другое письмо. Его читает другой голос:

«...Они погибли, но ни на шаг не отошли, сражаясь до последнего патрона. Свыше 100 вражеских трупов было насчитано перед горсткой храбрецов».

Сплетаются строки и голоса.

Наплывами возникают на экране обветренные, потемневшие лица тувинских фронтовиков, обтягивающие крепкие плечи гимнастерки, увешанные орденами и медалями.

Они сдержали свою клятву с честью. Где-то они сейчас?.. Одна из фотографий оживает.

Из дверей конторы совхоза «Тес-Хем» выходит уже немолодой, худощавый, неприметный человек.

Да, это он — тот самый доброволец Хомушку Чургуй-оол. Скромная у него теперь должность, хотя и важная — инспектор по кадрам. Везде надо побывать, все посмотреть, позаботиться, чтобы каждый был на месте и доволен работой, чтобы люди не уходили из совхоза, а приезжали в него.

Идет по полю Хомушку, всматриваясь по привычке в работающие тракторы. Где что засло, у кого что неладно — подойдет, разберется, поможет.

И пусть в такой момент кто-то из механизаторов попросит его опробовать забарахлившую машину. Как-никак бывший танкист...

Поднимется Хомушку в кабину, возьмется за рычаги, зорко, с прищуром, взглянет вперед.

И двинется машина.

Понесется навстречу земля...

Вот так же зорко, с прищуром, смотрел он много лет назад сквозь узкую прорезь брони.

И пусть она возникнет на экране, эта узкая смотровая щель танка. И пусть, как тогда, понесутся в ней навстречу земля, надолбы, рвы...

Неудержимо мчалась его тридцатьчетверка в огне и дыму войны по дорогам Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии. Однажды, застряв с танком во рву, Хомушку долго отбивался от врага в полном окружении, не дав взорвать боевую машину. В другой раз он в паре с другим танковым экипажем захватил немецкий аэродром с десятками самолетов. Ни один из них не поднялся в воздух.

Тронет рука рычаг.

Остановится трактор.

Герой Советского Союза Хомушку Чургуй-оол сойдет на землю...

И снова пойдет по полю.

Так выдержали сыны Саян самое жестокое испытание на дружбу и верность — испытание огнем и кровью.

Одного героя наплывом сменяет другой.

Его зовут Лопсанчап.

Старейший, знаменитый тувинский чабан, Герой Социалистического Труда, он был одним из тех, кому доверил народ отвезти в Москву историческую декларацию о своем желании добровольно войти в братскую семью народов СССР.

Не будем заранее решать, где и как снять этого человека: пусть оператор снимает сам в той естественной обстановке, в какой застанет.

И пусть простыми, естественными словами расскажет немногословный Лопсанчап, почему и как произошло в жизни его народа такое великое событие.

Мы видим чабана среди участников памятного заседания Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассматривалась и была удовлетворена просьба Тувы о принятии ее в состав Советского Союза.

Возникают строки важнейшего государственного акта.

Это произошло, когда еще шла война,— 11 октября 1944 года.

Давнее, заветное чаяние тувинского народа сбылось...

ОРЛЫ ПАРЯТ ВЫШЕ ГОР

Высоко над горами парит птица. Широкий размах ее крыльев, могуч и плавен полет.

Долго были связаны крылья тувинского орла. Долго не мог он взлететь.

Но вот — свободны крылья. Лети!

И орел полетел...

Плывут внизу горы.

Потом мы видим их из движущейся машины.

Бежит под колеса дорога, гудит мотор.

Мы долго ездили по Туве. И, признаться, сначала искали экзотику, старое. Ведь Тува — самая молодая из советских республик. Не могло, казалось нам, так быстро исчезнуть в ней старое, которое должно было еще сильнее оттенить новое.

Так думали мы. И ошиблись.

Машина пробирается по таежной дороге.

С грохотом низвергается со скалистого уступа водопад. Толкется возле него веселая ребятня с рюкзаками.

Не задымленные чумы — пионеров-туристов встречали мы в самых глухих уголках Тувы.

Проносится над вершинами деревьев вертолет.

Снижается на поляне среди тайги.

Врач-тувинец принимает на борт больного.

А давно ли в этих местах единственным врачеванием были иступленные камлания шаманов.

Машина мчится по зеленой улице, мимо добротных домов.

Они впервые появились здесь только в середине двадцатого века!

Постукивают по асфальту каблучки-шпильки. Идет девушка-тувинка, изящная, в модном платье, с высокой прической.

Урянхайцами называли в прежние времена тувинцев, что в буквальном переводе означало — оборванцы, негодные. Где они, урянхи? Кто? Не эта ли девушка?

Особняк Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кабинет. Склонился над рукописью человек.

...Или ученый-историк Владимир Очур, заканчивающий докторскую диссертацию?

Другой человек над рукописью в домашнем кабинете.

...А может быть, писатель Степан Сарыг-оол, чьи книги изданы в стране уже в сотнях тысяч экземпляров?

Ученый, писатель... Ведь и слов-то таких не знали тувинцы, не имевшие до тридцатых годов даже своей письменности!

В общем, все было давно знакомым, родным, советским. Мы не нашли в Туве пресловутой старой экзотики.

Впрочем, простите. Нашли. В школьных музеях... Только там можно теперь увидеть выдолбленную из дерева, гнутую из бересты убогую утварь, шаманьи тряпки и колотушки, сшитую из кое-как выделанных звериных шкур обувь и прочие диковинные вещи, ощутить пропитывающий их тяжкий, едкий, неистребимый запах нищеты.

Бедные ребятишки. Им нелегко приходится в поисках этих последних обломков старины...

Да, все было давно знакомым, привычным. Словно не двадцать с лишним, а все пятьдесят лет провела Тува в семье советских республик. Таков был ее взлет. Крутой, орлиный. И летит она все выше и выше. А в полете всегда ветер.

ВЕТЕР, ВЕТЕР...

Буря.

Сквозь его седые космы бредет человек. Не один — с отарой.

Впрочем, овец почти не видно из-за летящего снега.

Белая мгла и вой.

А человек идет.

На вид он жуток. Весь залепленный снегом, заиндевелый, в сосульках. Кажется, проморожен насквозь. Но взгляните в темное, продубленное всеми ветрами лицо — и увидите улыбку.

Обычный день, обычная работа...

Бесится, воеет буран.

Чем раньше был арат против такой разгулявшейся, злой стихии? Игрушкой. Ничем. В один такой день он мог потерять всех своих овец, а то и вовсе замерзнуть вместе с ними. И никто в целом мире не пришел бы ему на помощь. Никто! А теперь?..

Человек в степи остановился, прислушался.

Идет по дороге машина, пробиваясь сквозь снежные вихри. Впереди белая мгла.

Шофер отчаянно крутит баранку, натужно ревет мотор. Но вот впереди в открытой степи показалось несколько домиков, обнесенных аккуратным штакетником.

Это — центр чабанской бригады Александра Кармаа из совхоза «Тес-Хем».

Здесь идет привычная жизнь.

Механик возится с подогревателем у колодца.

Жена бригадира моет в бане ребятишек.

Автолавка въезжает в усадьбу бригады.

Здесь хорошо. Два добротных жилых дома с аллеей молодых березок, аккуратные постройки бани, хозяйственных служб, невдалеке — полузанесенная снегом кошара, стога сена. Во всем чувствуется хозяйственность, крестьянская основательность.

Вместе с приехавшими входим в квартиру бригадира — и с бурана, мороза внезапно попадаем в обстановку домашности, уюта, городского комфорта.

Хозяйка принимается за покупки.

Что приобретет она на сей раз? Костюмы для ребятишек? Холодильник? А может, транзисторный приемник? Не будем гадать: это должно быть снято репортажно. Думаем, однако, купит она немало хорошего. Что ж, когда месячный заработок обоих за триста, можно позволить себе и раскошелиться!

А в степи воеет буран.

Идет сквозь него со своей отарой Александр Кармаа. Полузасыпанные снегом пасутся привычные к любой непогоде овцы.

Большое хозяйство на плечах у бригадира. Восемь тысяч овец в его бригаде, двенадцать чабанских точек. И на каждой — добротный жилой дом для чабанов, баня, теплая кошара, на многих — электричество, запасы кормов. Разве могли раньше мечтать о таком араты?!

Буран не стихает. Но на душе у бригадира спокойно.

Он еще с вечера все предусмотрел. Ведь в его распоряже-

нии мощная техника. Он знает, что на одной из чабанских точек большие заносы, овцам трудно добраться до травы. Туда послан трактор.

Он идет сквозь сугробы с тяжелым угольником, расчищая участок пастбища.

На другой точке трудно с кормами.

Туда идет груженная сеном машина.

Метет в степи. Кармаа плотнее запахивает тулуп.

Его родители были так бедны, что не имели даже собственного скота, мыкались по найму. Они умерли рано — от болезней, которых некому было лечить. Что ждало его, нищего, безродного сироту, в старые времена?! Теперь он спокоен и за себя, и за детей. Восемь их у него. Одна дочка уже взрослая, четверо учатся в совхозной школе-интернате на полном государственном обеспечении, а трое, совсем маленьких — с ним. Недавно усыновил еще и девятого. А что, пусть растет!..

Беснуется буран.

Заиндевелый, облепленный снегом, упрямо шагает Александр Кармаа.

Заслуженный чабан республики. Коммунист. Хороший человек...

Гнутя под порывами ветра молодые березки на усадьбе бригады.

А в центре ее высится четырехгранный, грубо вытесанный из камня столб.

Его поставили в этой степи древние предки тувинцев. Что означал он для них? Культовый знак? Памятник? Кто знает... Седая старина и светлая новь Тувы — они сошлись здесь, в одной точке!

Несется над степью, застилая солнце, непроницаемая туча земли и пыли.

Едва светятся сквозь нее фары ныряющей по увалам машины.

Вой и черная мгла.

Целина...

Да, и в Туве была своя целина. И здесь ехали на нее со всех концов республики и даже из-за Саян те, кому по душе «и снег, и ветер, и звезд ночной полет»...

Было трудно. Налетали ветры, жгла сушь. Стаями бродили по дикой земле волки. Выли в ночи. Но люди не отступали.

Бушует в степи черная буря.

Кони, кони...

Спугнутые ветром, несутся они по степи.

Гудит земля, летят из-под копыт черные комья.

Мелькают в пыли морды, ноги, хвосты.

Сквозь тучи пыли пробивается и машина-водовоз.

Вода...

Ее здесь всегда не хватало. Не хватает и сейчас. Ее попросту нет. Есть раскаленная степь и солнце, готовое мгновенно слизнуть огненным языком любую лужицу.

Все живое здесь жаждет воды. Как поставить при ее нехватке крупное животноводческое хозяйство?!

Поставили.

Правда, пока пробурены только четыре глубоких скважины на 100 тысяч гектаров угодий. Но в любую погоду и по любым дорогам идут от них по степи водовозы.

Машина подъезжает к одной из отар. Ее встречает Дажи-Серен Куулар. У него добрые глаза и застенчивая улыбка, руки большие, сильные.

Вы знаете, что значит выращивать в засушливой степи, при нехватке воды и помещений 120 ягнят от каждой сотни овец? Для этого мало любить свой труд — надо иметь большое сердце. И о любви Дажи-Серена к животным, о том, как он ухаживает за ягнятами, словно за малыми детьми, ходят по степи трогательные рассказы. Не на таких ли, как он, и держится овцеводство Тувы? И не потому ли, в частности, только за последние двенадцать лет поголовье овец в республике возросло в два раза?!

Жадно пьют воду овцы.

Другая машина-водовоз подъезжает к молочному стаду.

Льется вода в корыта.

Пьют коровы.

Пьют свиньи.

Пьют лошади.

Льется вода.

Течет по лицу человека.

Ветер срывает ее тяжелыми сверкающими каплями.

Ветер, ветер...

Он раздувает рубахи людей на лесах, гасит огонь в руках прикуривающих.

Он уносит звонкую щепу и легкую стружку из-под рубанков и пил.

Араты осели. У каждого теперь в поселке совхоза или колхоза свой дом, надежный кров над головой, место на земле. А юрта? Что ж, она осталась, как рабочее жилище на летний период, легкое и удобное для переброски с места на место во время пастбы.

Строят...

Вонзаются в бревна топоры.

Молотки вгоняют в дерево гвозди.

Кирпич ложится на кирпич.

Всего за несколько лет на тувинской целине построены целые улицы жилых домов, кошары, мощная машинно-тракторная мастерская, скотные дворы и много других объектов.

Строят не только на целине. По всей Туве стучат сейчас топоры. Ведь сколько построено за один только год!

Впервые пынце зимовали в новых помещениях животноводы Мергенской фермы колхоза «14 лет Октября».

Мы видим эту ферму на берегах прозрачного, студеного Мергена. В густой зелени долины белеют прекрасные скотные дворы. Войдем в новый коровник. Здесь автопоение, механическая раздача кормов, электродойка, скребковый транспортер для уборки навоза, универсальный кормоизмельчитель, механизированная кормокухня, своя скважина с подогревом воды.

И года еще не прошло, как справили новоселье в своих коттеджах — иначе их не назовешь! — колхозники Бояровка.

Они стоят, эти одноквартирные коттеджи, на фоне лесистых гор, ровно, словно по линейке, сверкая свежим тесом, под шифером, с просторными застекленными верандами.

Лишь первый год проводят вечера в своих новых Домах культуры колхозники Медведовки, рабочие совхоза «Элегест».

Мы видим эти клубы — каменные, двухэтажные, с широкими окнами, колоннами.

И снова леса стройки.

Такой же Дом культуры возводится сейчас и в целинном совхозе «Победа». Кроме того, в нынешнем году здесь должны быть построены десятки жилых домов, полевые станы, первоклассная ферма, которая не уступит Мергенской, котельная. Скоро на тувинской целине будут даже центральное паровое отопление, горячая вода!

Летают мастерки в руках каменщиков.

Снуют по лесам девчата-подсобницы.

Ветер теребит чубы, треплет на головах косынки.

Ветер, ветер...

Колышутся под ним густые травы, заросли кукурузы, клевера, овса, могоара, пырея.

Это — новые для Тувы культуры. Здесь раньше почти не заготавливали кормов. Скот круглый год находился на естественных пастбищах, довольствуясь тем, что бог посылал. А не посылал — ложился и помирал. Отношение к природе было чисто потребительским: объедали один участок — переходили

на другой. Но можно ли на такой дедовской основе развивать современное животноводство? Теперь только в целинном совхозе кормовые культуры занимают свыше трех с половиной тысяч гектаров. Без кормов в засушливой степи — как без воды.

Ветер гонит волны по бескрайнему морю хлебов.

Это именно море. Оно разлилось здесь на десятках тысяч гектаров. Оно звенит тяжелым, наливным колосом, взбегаёт на крутые холмы, заполняет низины.

Так сейчас по всей Туве. Ведь только за последние десять лет за счет освоения целинных земель площадь пашни в республике возросла на треть миллиона гектаров!

Жара. Палит немилосердно солнце.

С ним здесь научились бороться. Как и с ветром. Глубокая безотвальная пахота, обилие чистых, хорошо возделанных паров, полосная система земледелия — все брошено в бой против засухи и черных бурь. И целинники выигрывают эту битву.

Жатва.

Идут по полям машины. Вернее, не по полям, а по вздымающемуся каменными волнами степному морю.

Работать трудно. Трактористам и комбайнерам приходится быть своего рода альпинистами. Машины кренятся на крутых склонах, как корабли в сильную качку. Бывает, опрокидываются...

Прошли те времена, когда тувинцы, потомственные животноводы, постигали азы хлеборобской науки. Теперь среди них выросли настоящие мастера.

Плывут по хлебному морю колонны мощных машин.

Ревут, взбираясь на гребни увалов.

Мелькают гусеницы, мотовила, напряженные лица механизаторов.

Двигается по полям железная армада.

Если до установления Советской власти на всю республику приходилось лишь несколько десятков тракторов, то теперь только в этом совхозе их 200 да еще 125 комбайнов!

На одном из тракторов работает загорелый механизатор. Михаил Пюрбю. Это он привел в Туву первый комбайн!

И возникает фотография. Молодой парень в белой рубашке на мостике комбайна. Руки на штурвале, глаза смотрят прямо в аппарат.

Да, это он — Михаил. Двадцать лет назад, когда вел через Саяны, по головокружительному Усинскому тракту тот пер-

вый комбайн. На нем и работал потом много лет в совхозе «Элегест». Имел хороший заработок, дом. И вот не усидел, приехал на целину. Романтики остаются романтиками...

Ведет по полю свой «Беларусь» Михаил Пюрбю.

На комбайне стало трудно работать, пришлось уйти. Ничего. Есть смена. Крепкие ребята.

И мы видим за рулем самоходного комбайна другого Михаила — Монгуша. Он темноволос, не улыбочив, в неизменной вязаной шапочке.

В работе неистов, в разговоре скуп. Лишнего слова не выжмешь. Комсомолец. На целину приехал совсем мальчуганом. Теперь — механизатор широкого профиля, мастер высшего класса. Ежедневная двойная норма для него — обычное дело. Недавно награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ко всему прочему — учится заочно на четвертом курсе сельскохозяйственного института...

Наполнен еще один бункер.

К комбайну подъезжает машина, забирает зерно.

Совхозный ток. Он огромен, как площадь. Здесь буквально горы, холмы, курганы хлеба.

А машины все везут и везут новый.

Автопогрузчики подхватывают их и с легкостью опрокидывают.

Гудят мощные многоэтажные зерноочистители. Водопадами низвергаются золотые потоки.

Хлеб Тувы... Давно ли она только потребляла зерно — теперь производит. И немало. Только за последние годы производство зерна в республике увеличилось более чем в три раза и достигло 13 миллионов пудов. А вы знаете, что такое тувинский хлеб? Плодородные, богатые минеральными веществами почвы, обилие солнечных дней, которых здесь не меньше, чем на Кавказе, и другие особенности климата создают в зерне, несмотря на недостаток влаги, повышенное содержание клейковины, белка. Качество твердых тувинских пшениц несравненно!

Одна за другой выкатываются из ворот тока тяжело нагруженные машины и устремляются в степь.

Они идут нескончаемо, сплошной лавиной. Смерчем клубится над дорогами пыль.

Руки водителей привычно сжимают баранки, глаза всматриваются вдаль.

Шоферы, шоферы, беззаветные труженики тувинских дорог... Вы везете хлеб и металл, мебель и горючее, гигантские котлы и медикаменты, книги и елочные украшения — все, что

нужно людям для жизни и труда. В Туве нет железных дорог, мало просто хороших дорог. Все на вас, шоферы. Людям надо жить, и значит — надо везти...

Руки на руле, глаза на дороге.

Бегут машины, бегут «конгартонны». Вы не знаете, что такое «конгартон»?..

И поныне живет в целинном совхозе это слово. Оно родилось еще в тридцатые годы, когда на этом месте был маломощный госхоз. Мало что от него теперь осталось.

Каменные развалины каких-то строений на берегу ручья. Пустота, полусгнившие столбы, ветер гремит ржавым железом...

В ту пору и появился здесь первый шофер. И поселился в одном из первых домов.

Он стоит у дороги, этот дом. Старый, осевший, без крыши, заросший сверху бурьяном.

Таких домов теперь нет. Не строят. И хотя поднялся уже прямо через дорогу целый микрорайон двухэтажных каменных домов, — этот домик, наверное, оставят. Как память о человеке, которого нельзя забыть...

Звали того шофера Иргит Конгар. И водил он обычную полуторку тех далеких времен. Угловатую, нескладную, дребезжащую, с кабиной, открытой всем ветрам. Но на этой машине, на Конгаре держался весь колхоз. Их почти не видели врозь. Их невозможно было отделить друг от друга. Они стали одним существом. И стала машина в народе зваться не полуторкой, а «конгартонкой».

Тувинские шоферы тридцатых годов... Только фотографии могут раскрыть ваш подвиг.

Не было дорог, не было резины, сломанные машины нечем было чинить. А вы ездили. Непонятно, как и на чем, но ездили. Разбивались, гибли, но ездили...

Ездил и Конгар на своем «конгартоне». Бессонно, бесшумно. Бедствовал, застывал на дорогах, мерз в открытой кабине. Так он простудился, заболел и умер. Ему было тогда лишь сорок лет.

Стоит у дороги дом. Страшный, покосившийся. Но его, наверное, оставят...

И сидит за рулем сын, Александр. Наследник, продолжатель. И значит, — живет старый шофер, живет его «конгартон»!..

Руки на руле, глаза на дороге.

Мчится по городу автобус. Обычный автобус, каких много. И ведет его обычный шофер.

Он уже не молод, этот шофер. У него натруженные руки и усталые глаза.

Эх, если бы знали пассажиры, кто их везет!

Не знают. Сидят, толкаются, судачат.

Летит навстречу дорога. Асфальт.

А сколько было других! Ведь этот человек — один из первых тувишских водителей. Тридцать один год сидит он за баранкой, всю Туву изъездил вдоль и поперек, все типы машин перепробовал, миллионами тонно- и пассажиро-километров нечисляется его работа.

Мчится по городу ничем не примечательный автобус.

Привычно смотрят вперед внимательные глаза.

Советский парламентарий, депутат Верховного Совета СССР Ондар Хунажик-Комбу совершает свой обычный рабочий рейс.

А по одной из трудных трасс ведет свою машину другой.

Ветер, ветер...

Он свистит за стенками кабины, врывается в нее, холодит лицо. Ветер дальних странствий.

Идут по Туве машины.

Их тысячи. Республика на колесах!..

И пусть возникнет она перед нами в неодолимом движении бесчисленных грузовиков, самосвалов, легковушек, рефрижераторов.

Они с ревом карабкаются на заоблачные перевалы, ныряют по немыслимым ухабам Тоджи, пробираются сквозь болота, пески, солонцы; скрещиваются в ночи лучи их фар; заезженные колеи сменяются асфальтом; «дворники» очищают с ветровых стекол то дождь, то снег.

Руки на руле, глаза на дороге.

Она стремительно бежит навстречу.

Свист и рев.

Дробно барабанят по днищу машины камни.

КАМЕНЬ, КАМЕНЬ...

Он здесь всюду.

По камням катятся шины.

По камням ступают ноги.

По камням струятся реки.

Каменная страна...

Здесь поля усыпаны валунами, а дворы и палисадники — галькой.

Здесь из озер поднимаются каменные острова, а загорать можно только на галечных пляжах.

Камень разрывает степь острыми пиками подземных хребтов, нависает над дорогой тысячетонными осыпями, громоздится скалами, горами, утесами.

Камень, камень...

Шумят нежными кронами молодые березки. Весело шумят.

Но опустите глаза вниз — и вы увидите чудо: березки растут прямо из камня. Он плотен, тверд, блестящ, как мрамор. Он мертв. Но именно из него, мертвого, наперекор всему, как символ торжествующей жизни, тянутся к солнцу белые кудрявые стволы. И шумят...

Сквозь шелест листы снега возникает гортанное, двухголосное пение. Как заоблачный клетот. Как голос веков.

Аппарат приближается к камню. Белому, блестящему.

И входит в него резец.

Дымится трубка, всматриваются в камень внимательные старческие глаза.

Точны, уверенны движения камнереза.

И рождается на наших глазах красота.

А хрипловатый, гортанный голос все выводит свою двухголосную мелодию...

Вот так веками оживал камень под руками прославленных тувинских резчиков. Так побеждал маленький талантливый народ его извечную косность. И другого применения камню не знал.

Ведет резец сильная, загрубелая рука.

Такая же сильная, мозолистая рука резко переводит рычаг экскаватора.

Его ковш с ревом зачерпывает камень.

И пошла, пошла работа.

Ухает, раскалываясь, земля.

Рыча, снуют по откосам глубоких карьеров тяжелые самосвалы.

Комбинат «Туваасбест»... Здесь люди воюют с камнем.

Его взрывают, крошат, долбят.

В него вонзаются жала перфораторов, буров, отбойных молотков.

Только при Советской власти началось создание в Туве тяжелой промышленности. И вот ее первенец — крупнейший горнорудный комбинат союзного значения!

Введена в строй его первая очередь.

Сыплются в бункеры глыбы асбестовой руды.

Их подхватывают бесконечные транспортеры, перемалывают гигантские дробилки.

Громадное здание обогатительной фабрики содрогается от ураганных потоков воздуха.

Они вырываются из компрессоров, несутся по трубопроводам, бушуют в мощных циклонах, отрывая волокна асбеста от камня. Свист и рев. Голосов не слышно. Но людей здесь почти и нет, все механизировано.

А рядом кипит новая стройка.

На лесах, в котловинах, среди переплетений стальной арматуры работают сотни людей.

Воздвигается вторая очередь комбината, еще более грандиозная.

Сверкают брызги электросварки.

Льется бетон.

Бесстрашно работают на высоте верхолазы.

В 1970 году, после введения комбината в Ак-Довураке на полную мощность, он будет давать асбеста втрое больше, чем все капиталистические страны Европы вместе взятые, и в четыре раза больше нынешнего производства его в Соединенных Штатах Америки! Тувинский асбест выйдет на мировой рынок.

Хотите посмотреть, как будет выглядеть комбинат тогда?

Что ж, пожалуйста...

Лежит среди гор комплекс промышленных корпусов. Их формы строго современны. А в центре возвышается настоящий небоскреб, сверкающий исполинскими гранями стекла и бетона, прозрачный и легкий, как воздушный замок.

Картина эта висит в кабинете директора комбината Чимита Ондара. Он сидит за батареей телефонов, совсем еще молодой, круглолицый.

Выпускник Ленинградского политехнического института, Ондар лишь несколько лет работает здесь директором, но уже успел заслужить орден «Знак Почета».

Асбест будет. Много асбеста. Запасы его в недрах тувинских гор исчисляются сотнями миллионов тонн! Но как доставлять его на железную дорогу? Везти каждую машину в обход по Усинскому тракту? Это — 770 километров тяжелейшего пути. Дорого, долго, невыгодно. Есть и другой выход: построить дорогу втрое короче — напрямую, на Абазу. Но для этого нужно прорубиться через главный Саянский хребет.

И люди прорубаются.

Горы... Они белеют вечными снегами, сжимаются в ущелья, встают на пути отвесными скалами. И между ними, пет-

ляя по карнизам пропастей, ныряя в каменные щели, про-
скальзывая над бурными горными реками, идет дорога.

О ней почти не писали в газетах. Ее не называли трассой
мужества. О ней не слагали песен. Но те, кто приехал сюда
со знаменитой стройки Абакан — Тайшет, говорят, что тут не
легче.

Здесь перевалы круты и коварны.

Здесь машины идут, зарываясь в облака.

Здесь гложут их стальные сердца.

А люди идут и идут вперед.

Работают над пропастями экскаваторщики.

Растаскивают камни на карнизах бульдозеристы.

Валят и корчуют тайгу лесорубы.

Участок дороги. Несколько километров. Его не могли прой-
ти два года. Вечная мерзлота, как бездонная хлябь, погло-
щала все.

Другой участок. Здесь путь преградили лавины гигантских
обкатанных валунов. Их невозможно было ни выбрать, ни
взорвать.

Скрежещут о камень ковши экскаваторов.

Поддевают его ножи бульдозеров.

Прыгают по нему колеса машин.

Камень, камень...

Люди идут сквозь Саяны, прорубая в них второе окно Тувы.

А навстречу идет в Туву другая дорога — электрическая.
Строится высоковольтная ЛЭП Назаровская ГРЭС — Ак-
Довурак.

Ставятся опоры.

Карабкаются по ним бесстрашные монтажники.

Повисают на гирляндах и проводах.

А кругом шумит тайга...

Она плывет перед объективом аппарата. С близкого рас-
стояния мы видим мохнатые ветви, причудливые сучки.

Шел однажды по тайге человек с ружьишком, но не стре-
лял, забыв о нем, замороженный красотой. Его глаза видели
то, чего не видят другие. Он был немного мечтателем и ху-
дожником, этот человек.

И наедет аппарат на спрятавшуюся в чаще необычную
веточку.

И наплывом превратится она в четыре ножки, а над ними
окажутся вырезанные из той же ветки стройная шея и изящ-
ная головка трепетной лани.

Стоит эта лань на столе в комнате у своего хозяина.

Стеллаж. На нем среди других вещей — фигурка нимфы, тоже вырезанная из цельного куска дерева, многочисленные книги и альбомы по искусству, рисунки, эскизы.

А на стене — портрет женщины. Его трудно забыть: молодое прекрасное лицо и седые волосы...

Почему? Что таится в этом грустном, невысказанном взгляде? И вообще, кто хозяин квартиры? Где он?

Он сидит с этюдником на природе и жадно, торопливо бросает на картон краски.

Познакомьтесь. Главный инженер комбината «Тувакобальт» Дадар-оол Сангыр-оолович Монгуш. Впрочем, таким полным именем его редко кто называет. Слишком молод. Ему всего тридцать лет. Он тоже окончил Ленинградский политехнический институт. А вы знаете, что доверено этому молодому тувинскому инженеру?

Комбинат «Тувакобальт»... Он возникает перед нами, как плывущий среди гор огромный, многопалубный корабль.

Это — второе важнейшее предприятие тяжелой индустрии Тувы.

Штольни... Они темными тоннелями уходят в склоны гор. Шахт нет. Прямо с поверхности попадаешь под землю, в гущу работ. Идет подготовка забоев к эксплуатации.

Без кобальта нет современного ракетостроения, электроники, точного машиностроения и других отраслей новейшей техники. А здесь, под склонами лесистых гор, в толще крепчайшего камня, оказалось совершенно уникальное месторождение. Достаточно сказать, что по содержанию кобальта в руде оно богаче других известных месторождений в несколько десятков раз!

Гидрометаллургический цех... Слово готовые к старту ракеты, выстроились перед ним сверкающие абсорбционные колонны. А в самом цехе с поднявшейся ввысь двенадцатиэтажной башней полным ходом идет монтаж оборудования.

Предприятие строится с учетом новейших достижений мирового технического прогресса.

Двигутся под сводами цеха тяжелые мостовые краны, переноса части аппаратуры и механизмов.

Оборудование комбината будет тоже уникальным, изготовленным по специальному заказу. Здесь впервые устанавливаются гигантские пятидесятитонные автоклавы, вертикальные центрифуги, насосы высокого давления. Словом, это будет самое совершенное предприятие такого рода в стране. По достижении проектной мощности комбинат войдет в число крупнейших производителей советского кобальта.

Вот какое хозяйство лежит на плечах молодого инженера Дадар-оола Монгуша. Потому-то и любит он отдыхать с этюдником на природе, когда надо отвлечься, успокоиться, собраться с мыслями, когда трудно. И как это здорово, что тувинскую тяжелую индустрию поднимают такие, как он, — инженеры с душой художников!

Вгрызаются в блестящие глыбы каменного угля зубья экскаваторов.

Бьет в пласты золотоносной породы тугая струя гидромонитора.

Бурят землю поисковики.

Богатства тувинских недр неисчислимы. Коксующиеся угли, железная руда, миллиарды тонн известняков создают в республике хорошую базу для развития металлургической и химической промышленности. Здесь есть золото, медь, свинец, большие запасы ртути и ценных полиметаллов. Как теперь выяснилось, Тува является исключительным по своим минеральным богатствам районом страны. Ее будущее впереди. Оно только начинается.

Шагают по глухим тропам геологи с тяжелыми рюкзаками.

Пробиваются на танкетках по бездорожью.

Врубаются в таежные чащи.

А кругом горы, горы...

Они вздымаются к небу мощными хребтами.

Они пересекают тувинскую впадину на ряд котловин.

Одна из них называется Тоджей.

Ее главное богатство — тайга.

ТАЙГА, ТАЙГА...

Мрачное, дикое ущелье Бий-Хема.

Вздымаются из воды отвесные каменные громады.

Хутинский порог... С размаху врезаются в его белопенные буруны бревна плотов. Они трещат, выгибаются, как спички, кажется, вот-вот разлетятся, как щепки. Но нет, ничего, выдерживают.

Хорошие бревна, добрый лес!

И пока будешь подниматься по Бий-Хему в Тоджу, будут плыть навстречу по реке бесконечные плоты сплаваемого леса.

Здравствуй, Тоджа! Таежный, соболиный край. Пушной цех Тувы.

А лес уже не плывет. Он покачивается на волнах сплотов-

ных рейдов, высится на берегах громадными штабелями, ухает, стонет, скрипит в безжалостных объятиях стальных канатов.

Бревна катятся в воду, громоздятся друг на друга, выстраиваются в плоты.

Семьдесят процентов всего заготавливаемого в Туве леса дает Тоджа.

Тайга, тайга...

Она всюду в Тодже, куда ни глянь. Она густо покрывает склоны гор, обступает поля и пастбища, делает приветливым и красивым самый угрюмый уголок.

Тайга взбегают на улицы селений, заглядывает в окна домов.

Тайга темной стеной стоит по берегам рек, смотрится в прозрачные зеркала озер.

Здесь много рек, озер и вообще воды. Часты дожди. По утрам подолгу цепляются за вершины деревьев седые клочья тумана. Совсем другая страна...

Тайга испокон веков кормит, поит, одевает тоджинцев.

Зимой почти все они охотники, летом — животноводы.

Пасет в эту пору свое стадо коров и Эрестол Даржаа. С виду — простой пастух, в потрепанном пиджачишке, стоптанных сапогах. Одно только обращает внимание в его облике — глаза. Они у него необычные. Узкие, пронзительно острые, холодные, налитые какой-то прозрачной свежестью.

Спокойно пасутся коровы.

Эрестол присаживается на пенек, и пронзительные глаза его привычно начинают бегать по вершинам деревьев.

Как пастуха Эрестола никто не знает, — как охотника его знает вся Тува.

У Эрестола Даржаа поистине орлиные, поразительной зоркости глаза.

Пусть же аппарат заглянет в эти удивительные глаза, — и, когда он отъедет, мы увидим заснеженные ветви деревьев и Эрестола, сидящего уже на пне зимней, белой тайги.

Утро. Костер на стойбище охотников. Они расстаются до вечера, отправляясь на белкование, увозя с собой собак. И только Эрестол отправляется в тайгу один.

Привычно, быстро скользит он на лыжах по тайге.

Вот приметил в сторонке группу деревьев. Незаметно, бесшумно подходит к ним.

Среди ветвей прыгают белки.

Охотник не спешит стрелять. Присматривается, наблюдает.

Зачем ему собака? Его еще ни разу не подвели глаза...

Гремят в тайге выстрелы.

Двигается по тайге увешанный белками Эрестол.

Нет в Тодже, да и во всей Туве, охотника, равного ему. С 15 лет ходит он по тайге, бьет зверя. Ему удавалось добывать за сезон до 1200 белок и 60 соболей! И все сдавались только первым сортом.

Лицо Эрестола наплывом превращается в фотографию.

Она висит на стене одного из павильонов Выставки достижений народного хозяйства СССР. На груди охотника горят орден Ленина и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

А рядом — образцы добываемой в Туве пушнины.

Русские меха... Они переливаются мягкими, нежнейшими волнами, словно окутанные волшебной дымкой. Соболю, горностай, белка, колонок...

Вот оно, мягкое таежное золото! Более трети всей пушнины России добывает маленькая Тува. И главная заслуга в этом — охотников Тоджи.

Работник выставки осматривает одну из шкур.

Она трепещет в его руках, как живая.

Метнулся зверек между ветвями кедрача.

Тайга, тайга...

Двигается по ней сквозь чащобы и дебри всадник с ружьем, сумкой, притороченными к седлу свертками.

Почтальон. Его путь далек. Не один уже день он едет так, ночуя в тайге, пробираясь звериными тропами все дальше и дальше на север. Там, за сотни километров от ближайшего селения, на суровых горных плато у границы вечных снегов, пасутся олени — одно из главных богатств Тоджи.

Высокогорная тундра. Лениво щиплют ягель уже успевшие нагулять жир оленихи, рядом резвятся тонконогие оленята.

Они родились недавно, и сейчас за ними нужен глаз да глаз. На ноги встали, а глупы еще. Чуть недосмотришь — беда. И волк может оказаться за большим валуном, и утонуть в коварном озерке недолго. А болезни, дожди, непогода?! Ох, нелегко получить по 98 оленят на каждые сто оленематок! Но Бараан Дембирин из колхоза «Советская Тува» получает...

Внимательно наблюдают его глаза за стадом.

Оленеводы живут тут летом, как полярники на дрейфующей льдине. И приезд к ним почтальона — как прилет самолета с Большой земли.

Шутки, смех. Идут по рукам письма, жадно раскрываются газеты, журналы, развертываются покупки.

На одного из оленеводов мы обратим внимание зрителей. Пусть запомнят.

Примечательна стоянка оленеводов. Это уже не кучка задымленных чумов. Их заменили многоместные палатки. В каждой—мягкие кровати, ковры, постельное белье. Из одной доносятся звуки радиоприемника, из другой—стрекотанье швейной машинки. Есть на стоянке библиотечка, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь; сюда добираются из колхоза даже кинопередвижка и агитбригады с концертами. Словом, жизнь как жизнь. А ведь еще недавно здесь царилла самая беспросветная дикость.

Но короток привал колхозного почтальона. Посидел у костра, погрел душу чайком—и снова в путь, на другие стоянки.

И опять тайга, тайга...

Ее стена вдруг расступается.

Гарь... Подняв к небу черные обугленные стволы, стоят мертвые деревья. Тишина. Ни зверя, ни птицы. Только ветер свистит над таежным кладбищем.

Где-то здесь был до революции сумон Хоюк. В 1915 году он весь—до единого человека!—вымер от голода и болезней. Лесной пожар стер последние следы разыгравшейся здесь трагедии.

Стоит среди цветущей тайги страшное дерево. Его ствол обожжен молнией и наполовину снесен, вонзаясь в небо острым, как кость, обломком, уродливые обрубки сучьев изгибаются, словно в конвульсиях.

Такой была раньше жизнь тоджинцев. Они были обречены на вымирание. Их спас лишь Великий Октябрь.

Другое дерево в той же тайге. Царь-дерево. Оно поражает. Его ствол состоит из множества других, сросшихся вместе, а крона вздымается на высоту доброго десятка этажей. На сотни метров вокруг не растет больше ничего: все высасывают из земли могучие корни гигантской лиственницы.

Пришла в тайгу новая жизнь,—и, как все тувинцы, как эти сросшиеся стволы дерева-великана, тоджинцы тоже объединились в коллективные хозяйства. Говорят, даже решение об этом они приняли, собравшись под такой вот символичной лиственницей.

Новая жизнь... Она здесь во всем. Ведь Тоджа отрезана высокими горами не только от всего мира, но даже от самой Тувы. Это была самая отсталая ее часть.

Будет медленно плыть на экране тайга, будет звучать над ней протяжная лирическая песня. И вдруг чуждые, резкие удары бубна ворвутся в нее, заглушат, разорвут.

Костер с жаровней. Полумрак. Грязные, закопченные стены берестяного чума. Едкий дым, звериные шкуры под потолком. Отблески огня играют на лицах сидящих людей.

У костра человек. Он стар. Седой ежик волос, слезящиеся глаза, толстые, плотоядно вывернутые губы...

Человек смотрит в огонь.

Все быстрее, неистовее удары бубна. В них слышатся какие-то отдаленные вопли, завывания.

И в языках костра начинают вдруг проступать на экране мелькающие в дикой пляске ленты, монисты, руки, что-то кружащееся, косматое, живое.

А человек все смотрит в огонь.

Может, вспомнилось ему прошлое?..

Сейчас он просто колхозник. Пенсионер. Зимой работает сторожем. А когда-то Яндай Кол был шаманом. Настоящим, потомственным. Мало кто знает теперь об этом.

Не сразу привыкаешь к полутьме, убожеству, всей первобытной дикости чума. А когда осваиваешься, замечаешь в нем необычную деталь: на жердях черной, задымленной стены висит под стеклом фотокарточка парня-тувинца в солдатской гимнастерке, краснозвездной пилотке.

Сын. Помните того оленевода, на которого мы обратили ваше внимание на пастбище? Он тоже должен был стать шаманом. По наследству. Не стал...

В дверь чума, как в темную, смрадную нору, заглядывает с улицы прелестный мальчуган в матроске.

Внук. Бориска. И ему суждена была бы в старое время судьба шамана. И детям его, и внукам. Так велела традиция. Кем теперь ты станешь, Бориска?..

Трещит костер. Шипит, булькает на жаровне жир. Старческие, костлявые руки помешивают его. Клубы дыма поднимаются к потолку, сквозь отверстие которого видно высокое, чистое небо.

Выскакиваешь из чума, как из мрачного, сырого подземелья. Солнце. Тепло. Жизнь! Вот она перед глазами — наша, советская, а не та, средневековая, что осталась за спиной.

Прямые, стройные улицы поселка Алыр-Кежиг. Здесь, на центральной усадьбе колхоза «Советская Тува» — большая школа с отделным зданием интерната, несколько магазинов, ясли и детский сад, почта, сберкасса, столовая, медпункт с родильным отделением. На афише клуба — название нового фильма.

Что особенного, спросите вы? Да ничего, разумеется. Если

не считать того, что еще пару десятилетий назад все население Тоджи жило в таких же страшных чумах, как тот, в котором мы только что побывали...

Другой поселок — Ий.

Он еще более красив на фоне близких лесистых гор.

Интересно, что начинался поселок с электростанции и школы. Такова была воля колхозников. Люди еще жили в чумах, бедствовали, но мечтали о лампочке Ильича и источнике знаний. Лишь потом начали строить жилье.

А за селом, в прекрасном березняке среди гор, стоит построенная колхозом «Первое мая» санаторно-лесная школа. Ее аккуратные домики утопают в зелени.

Здесь, среди чудесной природы, на свежем, настоенном на таежном аромате воздухе, будут жить, учиться, набираться сил ослабленные ребяташки.

Пусто и непривычно тихо в широких коридорах, светлых классах, спальнях школы.

Где ее обитатели?

Едут. Со всей Тувы едут...

ЛЕТИТЕ, ОРЛЫ...

Они едут по тайге верхом на оленях и лошадях.

Плывут по рекам на моторных лодках.

Летят над горами на самолетах.

Они едут любым транспортом и по любым дорогам...

Каждый год в конце лета начинается в Туве это великое переселение детей. Тысячи их расстаются на всю долгую, суровую зиму с родителями и отправляются из самых отдаленных уголков республики в городские и сельские школы-интернаты.

Там ребят уже ждут учителя, — те, кто сами когда-то вот так же отправлялись в поход за знаниями, только еще дальше — за Саяны, в Россию. Ведь в старой Туве профессии учителя вообще не было. Как и школ.

В одном из интернатов детей встречает невысокая худенькая женщина. И для каждого ребенка находится у нее частичка душевного тепла. Одного согреет взглядом, другого приласкает, третьему поправит сбившийся галстук.

И когда она это делает, наплывом возникает старая фотография: на шею девочки-тувинки повязывают перед строем пионерский галстук.

Еще фотографии далеких тридцатых годов.

Тувинские ревсомольцы-добровольцы — в обмотках, бу-

деновках, рванье, но преисполненные гордой решимости.

Плот на Енисее, битком набитый молодежью, отплывающей на учебу в Советский Союз.

Так было и с ней. Круглая сирота, одна из первых тувинских пионерок и ревсомолок, она тоже, как они, явилась однажды в ревком и заявила упрямо и твердо: «Хочу учиться!» И уже ничто не могло остановить. Помнится, босиком добиралась до железной дороги. А затем — Москва, Коммунистический университет трудящихся Востока. Членом партии, учительницей вернулась в родную Туву. Потом, уже в зрелые годы, желая углубить знания, поступила в педагогический институт и успешно закончила его.

Бушует ребячий прибой вокруг Зои Даниловны Сапоговой — педагога с двумя вузовскими дипломами, заслуженной учительницы школы РСФСР, обычной женщины-тувинки с обычной судьбой...

Радушно встречает своих хозяев и школа-интернат № 2 в Кызыле.

Соскучившиеся за лето по своему второму дому ребята разбежались по нему, кто куда. Пройдемся по монументальному, белоколонному зданию и мы.

Это настоящее ребячье царство, с просторными классами и залами, уютными спальнями, столовой, хорошо оборудованными кабинетами, мастерскими...

Таких учебных заведений, где дети находятся на полном обеспечении государства, в Туве особенно много. 90 процентов выпускников средних школ республики являются воспитанниками интернатов!

На одной из тихих городских улочек стоит в глубине двора бревенчатый, старый, но еще добротный дом.

Много зелени. Среди нее под грибочками в песке возятся малыши.

Сейчас они хозяева этого дома. А знаете, что было здесь раньше?

Дом превращается в фотографию. Он такой же на ней, только рядом стоит крытая белым войлоком юрта.

Здесь размещалось первое правительство молодой Тувинской республики. Это было его первое здание. В доме министры работали, в юрте — жили. И глубоко символично, что это историческое здание отдано теперь во власть детворы. Фотография избы наплывом превращается в нынешнее здание Совета Министров и обкома партии Тувы.

Войдем в него.

Обычный рабочий день.

В такой вот день давайте и попросим у первого секретаря обкома товарища Тока разрешения поприсутствовать в его кабинете во время работы.

Пусть увидим мы его не в официальной, парадной обстановке, где человек чувствует себя более или менее скованно, а в самых повседневных, прозаических буднях. Пусть он занимается реальными, настоящими делами, отвечает на телефонные звонки, пишет, принимает посетителей, радуется и хмурится, что-то обсуждает, с кем-то спорит, пусть даже кого-то — распекает...

Что ж, он такой, Салчак Тока. Сын бедного арата, старейшина тувинских коммунистов, это он подхватил знамя, выпавшее когда-то из рук Оюна Курседи, и вот уже тридцать пять лет бесшестидесятилетно руководит партийной организацией республики. На своих плечах вынес Салчак Калбакхорекович всю тяжесть борьбы за новую, счастливую Туву. Так ему ли прощать нерадивцев и бездельников?

Звонки, телефоны, люди... А за окном шумит город. Видны многоэтажные здания, асфальтированные улицы, тенистые аллеи бульваров и скверов.

И выйдем мы на улицы зеленого, красивого, солнечного города.

И ударит фортепьяно.

И начнется поэма...

Поэма без слов о Кызыле — столице республики, ее сердце, ее политическом и культурном центре.

Это должны быть динамичные, репортажные зарисовки того, что характеризует кипучую жизнь крупного современного города.

И не нужно слов. Пусть звучат только мощные аккорды фортепьяно, и пусть глаза тувинца, впившиеся в доску со сложными математическими формулами, руки его, сжимающие скальпель или ведущие смычок скрипки, вдохновение его, воплощенное в камень, линии, звуки — пусть все это без слов (и лучше слов) расскажет о том, на какие высоты культуры и творчества поднялись нынче сыны и дочери Саянских хребтов, и что может сделать в кратчайший исторический срок наша родная, Советская власть...

А потом заволнуются, зашумят, загудят на экране тысячные толпы людей, собравшихся на большой праздник.

Заполощутся флаги, засверкают улыбки, запестреют цветы.

Снова зазвучит знакомый хриповатый, гортанный голос.

И словно выплеснется на экран неподвластная времени душа народная, с ее безудержной удалью, мужеством, красотой.

Закружатся на подмостках танцоры.
Понесутся в бешеной скачке всадники.
Засвистят меткие стрелы лучников.

Сплетутся мускулистые тела участников состязаний по национальной борьбе хуреш.

Они выходят на схватку, исполняя традиционный таец орла.

И когда выйдет очередная пара, когда взмахнет руками боец, ...сорвется со скалы и взлетит над горами орел.

Он будет забирать все выше и выше, рассекая воздух мощными взмахами крыльев, и торжествующий клекот его зазвучит в унисон с хриповатым, гортанным пением.

Будет плыть внизу в медленном, величавом движении земля.

Будут смотреть вдаль зоркие глаза.

Движения сильных рук сольются со взмахами крыльев.

И скажем мы:

— Живи, будь счастлива, лети высоко, Тува!

Соболиный край.

Колыбель Енисея.

Гнездо орлов...

Степан САРЫГ-ООЛ

В ХЕМ-БЕЛДИР

Дядя Баран-оол, как всегда, живет на своем зимнике Тург-Бары до первых весенних побегов. Там хорошо сохраняются подножные корма и никогда не перемерзает родник, в предгорье затишье и скоту теплее.

Вот и в этом году снег уже сошел, а мы еще на зимнике. Началось бурное веселье горных речек. Это самое беспокойное время для пастуха, особенно беда с молодняком: козлята, как эти горные ручьи, ошалело скачут, карабкаются, скользят и частенько срываются в круговерти половодья.

А я, в своей неизменной шубейке, ошетилившейся шерстью в бесчисленные дыры, мечусь за этими мохнатыми проказниками. Но отогнать от опасности животных почти невозможно. Весна в разгаре. Все веселится, все торжествует — зима позади, трудности пережиты. Солнце с любопытством заглядывает всюду: на солицепеки, на поляны, в лес. Всюду бродить одно удовольствие — лес защищает от ветра, солнце ласкает теплом, а речки влекут своей стремительностью. Весь лес, от тоненьких прутьев ивы до вековых тополей, оттаяв, становится упругим и гибким. Особенно березы и черемуха, стоя на пригреве, умытые густым теплым воздухом, расчесывают косы и украшаются сережками.

Весь птичий мир, простуженный за зиму, теперь пробует свои голоса. А работяги-дятлы так внимательно проверяют здоровье каждого дерева, что перестук их сливается в единый дружный звук. Вон первые журавли и турпаны торжественной песней встречают свою родную землю. Яркие бабочки пока заменяют глазу цветы — все это сообщает и мне о наступлении лучших времен и о том, что старое, тяжелое ушло. Настойчиво напоминают и новые песни, залетающие даже сюда, на дальний зимник. Ничего, что вокруг еще серая вес-

на, зато в сердце у меня все живет, играет, как в лучшие дни лета.

В один из этих вечеров к нам пожаловал гость — отец дядиной жены. Мужчины вели какой-то взволнованный разговор, дядя рассказывал своему тестю:

— Получил письменную бумагу из района. В ней сказано, что я должен прибыть в Хем-Белдир. Что случилось?! Не могу понять. Как поступить? Вот и сижу в тревоге и в нерешительности. И откуда в такую даль лошадь раздобуду?..

— Ну, что тут толковать. Знаешь поговорку: «Когда зовут — хорошо, когда посылают — плохо»? Все ваши «партии» не сидят на месте.— Старик упрямо называл партийных — партией.— Чего тебе беспокоиться? У тебя тоже билет имеется. Нечего и раздумывать, ехать надо. Это именно партийное приглашение. Ведь Хем-Белдир — это самый центр вашего нома — партии.

Так гость успокоил и подбодрил зятя и дочь. После разговора пошел спокойней, а дядя подтвердил свое решение:

— Конечно, раз вызывают, то ехать надо. Попусту не стали бы требовать человека из такой дали.

Утром после чая дядя неожиданно заговорил со мной:

— Ну, Ангыр, тебе придется слетать к тюлюштерскому Сарыг-демчи — сумонному чиновнику. Он живет в Калбак-Чира, знаешь? Попросишь у него лошадь напрокат. Скажешь ему: «Мой дядя Баран-оол из райцентра получил предписание с хошунской печатью—явиться в Хем-Белдир. А лошади для поездки у него нет. Без лошади неприлично человеку появиться в таком высоком месте. Дядя сказал, что дорогой будет беречь коня. А когда возвратится, то не забудет о поте этого коня, расплатится. Вот так и скажи ему, как я тебе говорю.

Я просто обалдел. Хоть бы он прежде спросил меня, смогу ли я туда поехать и сумею ли выполнить такое поручение. Пришлось взгромоздиться на старого товарища — Синего быка и спешить во всю его неуклюжую прыть, так что копыта щелкали на все голоса.

«Хем-Белдир—это значит центр всех номов, там-то и находятся все главные. Все, у кого красный билет, туда и призываются? Наверное, это интересная сторона. А хорошо было бы, если бы вдруг сбылись мои думы — взял бы дядя да сказал: «Поедем, Ангыр, вместе с тобой. Там за лошадью присмотришь». А я бы там хоть чуть-чуть глазком одним посмотрел на все.

А ведь это совсем неспроста, что именно меня к самому

демчи посылают: или дядя нарочно меня впереди себя толкает—мол, пусть, если что-то случится, так с парнишки меньше спрос. А может, я уже достиг возраста, когда о делах даже с чиновниками разговор могу вести?» Такие мысли сопровождали меня до самого аала начальника.

Я издала заметил большую белую юрту, стоявшую особняком в сторонке, недалеко жались друг к другу две серенькие юртенки. Весь аал расположился на берегу речушки возле большого старого ивняка. Своего Синего я привязал подальше от юрт. Оглядев себя, я еще раз почувствовал на себе всю правоту нашей пословицы: «Седло плохое—аал далеко, обувь худая — дверь далеко». Одного взгляда довольно, чтоб увидеть, что все на мне с чужого плеча. Для поездки дядя дал мне свою рабочую короткую шубейку, в которую я весь целиком провалился, на ноги надели мне стоптанные теткинны идьки. Но что поделаешь, надо идти. Я подбадривал себя: «Ничего, пусть будет, что будет».

Без лишних расспросов я направился прямо в белую юрту. Внутреннее убранство этой юрты, ее уют и чистота заставили меня дольше положенного осматриваться. На почетном месте, напротив двери, сидел светлый человек, еще не опоясанный после сна, волосы его недавно сбриты вокруг косы на макушке, а коса заброшена назад за плечи. У кровати с затейливой резьбой, поджав ноги, сидела молодая красивая женщина, лицо ее, нежное и бледное, говорило о том, что она совсем недавно окурена артышом после родов. Я несмело поздоровался и сел у входа на корточки, продолжая осматривать убранство юрты, стараясь отдалить момент ответственного разговора. А мысли бежали: «Этот богатый человек стережет свою красавицу-жену и ухаживает, наверное, за ней. А я тут совсем не ко времени ворвался».

Хозяин долго молчал, а мне ни по положению, ни по возрасту первым заговаривать не положено. Немного погодя, хозяин, отставив чашку с недопитым чаем, заговорил:

— Ча-а, откуда и куда путь держишь, паренек?

Тут и я решил показать, что тоже умею разговаривать с такими важными чинами, как этот хозяин юрты: почтительно поклонившись, протараторил все свои давно заготовленные слова. Мне показалось, что хозяин подумал обо мне: «Смотри-ка, да он не простой воробушек». Его взгляд впервые остановился на моем лице.

— Ага,— неопределенно изрек он и тут же взялся за кисет и трубку с мундштуком из какого-то дорогого камня, весело взглянул на жену, удивленный моим деловым взрослым раз-

говором. А я все продолжал оглядывать убранство: от фигурок божков на шире до метелки у двери; было слышно, как новорожденный тихо дышит в люльке. Особенно меня привлекли висевшие на стенке юрты русские часы, вещь, которую я еще ни разу не видел в юртах, и мне подумалось: «Оказывается, часы для юрты вполне подходящая вещь. Пожалуй, тут они даже красивее. Только вот как они пойдут зимой, когда будет холодно здесь? Что же про это думают сидящие с ними рядом боги?»

Когда мне приходилось случайно заглядывать к богатым, я часто задавал себе вопрос: «Какая судьба приносит некоторым людям такую переполненную жизнь? Как это все начинается, с чего?» Мысли мои прервали слова хозяина:

— Та-ак. Значит, та-ак... Во-первых, у меня сейчас и лошади готовой нет. Ну, что же поделаешь? Ладно, так и быть: вот стоит среди коров быстроходный бык светлой масти, поймай его и отведи своему дяде. Только, может, он посчитает, что в Хем-Белдир на быке ехать неудобно?— На лице его мелькнула хитрая улыбка. А мне ничего не оставалось, как ответить согласием.

— Ладно. Скажу так. Только как же я ловить его стану? Не поймать бы по ошибке другого!— сказал я, почему-то обращаясь к женщине.

— Может, есть там кто, наверное, укажут,— взглянув на мужа, совсем детским голоском ответила жена. А я совсем смутился. Демчи поднялся и, на ходу надевая халат, вышел. Я последовал за ним.

— Вон тот,— указал он на быка, пасшегося среди стада возле двух юрт.

— Попроси хозяина вон той юрты, чтоб он помог тебе его поймать.

Я побежал к своему Синему с мыслью: «Ну что ж, хотя и не лошадь дали, а быка, но все же моя поездка прошла не даром». Своего быка я тут же отпустил, сняв с него мундштук с поводком, и пошел к указанной юрте.

Этот молодой светлошерстный бык был до того резвый, просто как дикий марал.

— Хотя я сам обучал его для езды, но, скажу тебе,— это не коровой рожденный теленок, а настоящий Эрлик-хан (царь преисподней). Теперь-то что-о! Он стал совсем раб поводка, а было...

Табунщик, помогавший ловить, расхваливал ездового быка. А я думал: «Хотя не просто разговаривать с чиновником,

но я все же выполнил наказ дяди. Да, хитер чин. Дать-то дал, но такого еще обучать да обучать надо».

Этот бык и правда оказался очень ходким. На нем я быстро добрался домой. Тетка обрадовалась, что я привел быка, а дядя высказался так:

— Ничего, значит правильно демчи разгадал мои мысли, и, конечно, подумал он так: «Раз захотел быть партийным, так и от быка не откажешься, чтоб ехать в Хем-Белдир». Ему тоже известно, что для поездок на партийные собрания используются лошади богачей. А к тому же этот демчи и сам метит пролезть в партию. Дав мне быка, он хотел показать, что вполне сочувствующий партии человек.

Дядя помолчал, потом заговорил с теткой о своих сборах. А я раздумывал: «Значит, в Хем-Белдире идут какие-то важные дела, все еще враждуют партийные — но с кем? Наверное, много очень интересного узнает там дядя Баран-оол».

С нетерпением я дожидался его возвращения. Но, возвращаясь, дядя, конечно, ничего не говорил мне о своей поездке, правда, я мельком слышал, как он сказал взрослым: «Да, был я на большом собрании». Как-то в другой раз еще услышал я его разговор:

«Совсем не могу понять, что делается: кто революционный человек, а кто старый чиновник, кто кого заменил? Странно, вот всем известный нойон Буян-Бадырғы, все к нему обращаются по-старому, называя его чазак—правитель. На этом съезде много было старых чагырыкчы—чиновников. Много было и простонародья, как я. Нелегко нам было разговаривать с ними. Мы же ведь темные, неграмотные люди. И ничего удивительного, что мы терялись перед ними, не зная, как себя вести. Ведь раньше светлейшему нойону надо было поклониться до земли, а перед чиновником падать на колени. Чтоб не попасть не в свое седло, мы просто избегали встречи с ними.

Один раз я пошел в лес, чтоб посмотреть на своего быка, и вдруг вижу на толстом упавшем стволе старого тополя, кто-то лежит отдыхает, раскинув руки в стороны, в дорогой мерлушковой шубе, крытой китайским шелком. Взглянул на него и обомлел. Это же Буян-Бадырғы, черт его возьми! Как же мне быть? Не падать же перед ним вниз лицом, как бывало, ведь я же партийный! У меня даже ручейком пот побежал между лопатками. Про себя я крепко выругался: «Нечистая сила принесла его сюда!» Но так и не решил, как мне быть, поспешно отвел глаза и незаметно удалился».

Понизив голос, дядя заговорил уже о другом:

— Отправляясь в Хем-Белдир, я ведь не мог не думать,

что еду по большому делу. Кто знает, как там отнесутся к тому, что я немало поездил с оружием в руках. Может, скажут: «Отвечай, за кого воевал ты?»

Эти мысли меня неотступно преследовали, и потому на всех собраниях я старался отыскать пошире спину и сесть подальше. Вьюк этих мыслей свалился с меня только под конец. А уже в дороге пришли храбрые думки: «Э-ээ, чего это я боялся и почему сам не высказался перед ними?»

Дядя Баран-оол — человек очень любознательный. Он не только подмечал все, что видел, но и любил рассказать об этом.

— В Хем-Белдире, — говорил дядя, — я увидел на берегу Улуг-Хема огромную круглую пилу. Это такая штука: сама вертится и без человека самостоятельно режет бревно, как нож масло. Да-а, друзья, это инструмент так инструмент. За-амечательный! Мне хотелось получше рассмотреть, откуда она берет такую силу. Да побоялся подойти поближе. Уж очень грозно она выла и скрежетала.

Обратная дорога прошла тоже не без событий. В Усть-Элегесте нас встретила большая вода весеннего разлива. Ждали дня четыре, когда спадет вода, но так и не дождались. Пришлось смастерить салик из сухостойных тополей, а лошадей и быков вплавь пустили. Но сами-то на этом тополевым блюдечке чуть навсегда там не остались. Прибило плотик к крутому берегу, а там упавший тополь под нами, ну и перевернулась наша посудина вверх дном, а мы, перепуганные, промокшие, еле выкарабкались на берег.

Много времени спустя дядя все еще вспоминал о своей поездке и не забывал поругивать себя: «Э-эх, пустая голова! Тебя послали на важное собрание, а ты со своими опасениями и страхами так и провел его, ни в чем не разобравшись по-настоящему-то. Вот уж теперь бы этого со мной не случилось».

НА БЕРЕГУ РЕКИ

После сева дядя Баран-оол откочевал на ближайший чайлаг в верховья Амырака. Там уже было поставлено несколько юрт.

Меня привлекали эти места не только своей живописностью, но больше всего тем, что в реке водилась рыба. Особенно удобной была рыбалка по берегам маленьких притоков. Сначала я основательно изучал все углубления и ямы, где могла кормиться рыба, а потом уж принимался за ловлю.

Если берег был крутой, а вода близко, я ложился на живот и, вытянув к воде руки, неподвижно ждал. Едва замечу движение среди затонувших коряг, как весь замру, а сердце стремительно забьёт в грудную клетку, кровь прихлынет к голове. Мгновенье, и, если удачно захватишь рыбину за жабры, она—твоя добыча. Порой попадались такие красавцы-хариусы, не описать — бирюзовые, синие, розовато-красные. Особенно хороши они были, когда спокойно паслись в тихой яме, куда проникали лучи солнца, тогда расцветка рыб играла ярче самой радуги.

Я видел немало прекрасных козлов и горных баранов, козель и маралов. Они, как стрела из лука, мелькали в прыжке с одной скалы на другую или когда, прислушиваясь, замирали где-нибудь на такой немислимой круче под небесами — не оторвешь взора. Но вот спокойно помахивающий плавником хариус, меняющий при каждом движении цвет, несравним ни с чем по своей красоте!

Любил я эту «охоту» за рыбой не только потому, что она наполняла мой пустой живот, но больше всего за ее увлекательные волнения, которые уносили меня в иной мир, который существовал только в моих мечтах. Да и как не размечтаться на берегу шумного Амырака, на этой цветущей поляне, которая крутым обрывом сбегала к самому Амыраку с его многочисленными рукавами, островками и заливчиками, с множеством речушек и ручейков, спешащих отдать свои прозрачные говорливые воды этой реке.

Говорить о моих рыбачьих успехах приходилось не всегда. Порой случалось только полюбоваться на рыб, а то и побыть в их стихии, уподобившись ульбезеку—куличку, бегающему по дну реки, как влюбленная утопленница. Но ведь и снасти-то мои рыболовные были собственного изготовления — петли из конского волоса или просто голые руки и все. Но нередко на моем кожаном поясе висело по пять-шесть рыбешек.

Как-то утром, поймав несколько мелких харнусов да одного здоровяка, я брел по берегу, всматриваясь в воду, и вдруг, совсем неожиданно, набрел на самогонщицу.

Женщина еще не видела меня, пока снимала с очага готовую араку. Я сразу же узнал ее. Это была жена Менний-оола, местного мейрена — сумонного чиновника. Их юрта стояла немного выше нашего аала.

Я успел снять с пояса прутик с нанизанным уловом и спрятать в траве, прежде чем она меня заметила. Был я, как всегда, босой и потому шагов не было слышно. Мое появле-

ние для этой женщины было неожиданностью, и она испуганно вскрикнула:

— Ойт! Откуда бредешь? Перепугал меня.

— Так просто, тетенька. Шел по течению реки, она и привела меня сюда к вам.

— Зачем тебе река, что ты в ней делаешь?

— Так, подражаю всем мальчишкам, смотрю в воду, чтоб рыб увидеть.

— А ну-ка, насобирай мне хорошую оханку хвороста,— распорядилась женщина, паливая новую порцию хойтпака в чашу.

«Вот растяпа, чего это я к ней притащился? Ведь знаю же — она всегда найдет работу и обязательно заставит что-нибудь да сделать для нее. Но едва ли догадается налить мне чашечку этой простокваши». Такие мысли не помешали мне быстро справиться с приказом.

— Вот и ладно,— бросила она, взглянув на принесенную мной большую оханку,— положи у костра,— приказала она, даже не скользнув взглядом по мне.

В сторонке стоял кувшин со сметаной, только что снятой с хойтпака. Я не мог оторвать глаз от холодной густой сметаны и почтительно заговорил:

— Какая густая сметана, наверное, еще совсем свежая?

Но в ответ она резко буркнула:

— Не знаю.

И тут же дала новое поручение:

— Чего стоишь? Подложи дров в костер.

Я молча исполнил. И все еще надеялся на угощение. Но хозяйка занялась переливанием араки, перестав обращать на меня внимание. А я посидел-посидел на корточках у огня, взял незаметно горящую головешку и так же тихо ушел, опасаясь, как бы женщина не заметила моего ухода и не отняла бы весь мой улов, как это она проделывала уже не раз со мной, говоря: «А ну-ка, неси сюда, поджарим ее. Мой муж любит жареную рыбку».

А от нее никогда ничего не дождешься. Не зря ее прозвали «каменный кулак».

Назло этой скупердяйке я развел костер на берегу заличика, нанизал большого хариуса на вертел и, в ожидании вкусного шашлыка, пустился в обычные рассуждения с самим собой. «Вот она, моя самая щедрая матушка, ласковая и добрая Амырак, ничего не жалеет для своих детей, таких, как я, кормит и радуется красотой своей».

Я люблю воду не только за рыбалку, но и утоление жаж-

ды, а порой и голода. Люблю, склонившись низко с берега к воде, рассматривать на дне цветные камушки, а то отпущу лицо в воду, а она нежно, ласково погладит струйками по щеке. Я даже зимой не могу пройти мимо родника или проруби, чтоб не напиться в них. Особенно вкусна вода в серебрястых родниках. Бьет из горячего сердца земли, а вокруг пар подымается. Деревья по берегам таких незамерзающих источников стоят, отягощенные богатым узором инея. Стоит наклониться ближе и посмотретья, как в чистое зеркало, или набрать пригоршню этой воды и напиться всласть, а потом умыть лицо и руки, и они запылают, как от костра. Ни у кого не надо спрашивать разрешения, пей, сколько душе угодно. Тут даже можно вслух обругать злых обидчиков или успокоить себя каким-нибудь изреченьем моей бабушки, вроде: «Пусть лучше озеро обезрыбится, чем скупого одарит».

* * *

На следующее утро после рыбалки я заканчивал толочь тару, а стадо овец все дальше и дальше уходило, и вот оно слилось в маленькое облачко и растаяло за далекой зеленой поляной. Я тревожился, что трудно будет их отыскать, и все чаще смотрел в ту сторону, куда ушли овцы.

Вдруг на этой поляне показался всадник, вскоре я смог рассмотреть кто это. Еще не видя лица, я догадался—это наш сосед мейрен Менний-оол важно, как истукан, восседает на лошади. Подъехав к нашей юрте, он не торопясь вошел в нее. А я довеивал последнюю порцию тары в деревянном корытце. Вдруг услышал возбужденный теткин голос:

— Он хоть и круглый сирота и бродяжничает везде, но ни от кого не слыхивали, чтоб он где-нибудь остаток нитки из иглы взял себе.

Я понял, говорили обо мне. Но о чем это они? А тетка с возмущением спрашивала:

— Куда, к чему мальчишке твоя чаша понадобилась? Ты что думаешь, из этой твоей вонючей посуды можно мертвых оживлять или разжечь потухшую искру? А может быть, думаешь, мне в хозяйство принес ее он? Не это ли хотел сказать уважаемый мейрен?! А вот мои ребятишки, видишь, еще голыми после сна бегают. Стало быть, куда еще не отлучались. Да знаешь ли ты, что такое справедливость? — Тетка все смелее наступала на непрошеного гостя.— Где тебе это понять! Хотя и носил ты на своей башке знак отличия — ши-

щечку мейрена, но есть ли в ней столько мозга, сколько в этом шарике?

— Погоди, погоди... — пытался вставить слово мейрен, но тетка так разошлась, что унять ее было трудно. Она уже не говорила, а громко ругала оскорбителя.

— Не-ет, наверное твой перегонный аппарат, с которого исчезла эта твоя свиная посуда, в тысячу раз умней твоей башки.

— Да не кричи, одумайся, жена! Подтяни поводья своего языка.— Теперь уже дядя унимал жену. Но она, до визга повысив голос, не переводя дыханья, кричала. А дядя будто и вправду хотел остановить ее, но в его тоненьком, высоком голосе звучало удовлетворение и полное согласие с женой.

А у меня замерло сердце. Я верил и не верил своим ушам, замирая от ужаса и удивления. Меня позвал дядя:

— Ангыр-оол, иди в юрту. Неси тару.

Я вошел и увидел лицо Менний-оола, оно было как пожухшая осенняя крапива, а его сидевшие глубоко глаза напоминали взгляд раненой совы. Казалось, что его глаза дымятся. Я замер, забыв опустить корыто с тарой. Стою, объятый ужасом, словно увидел гадюку, которая вот-вот бросится на меня и ужалит,— таким отвратительным и страшным показался мне этот человек.

— Я не затем пришел, чтоб выслушивать оскорбления. У кого потеря, у того и тысяча подозрений,— задыхаясь от гнева, проговорил мейрен.

— Люди видели, что к нашему костру никто, кроме этого парнишки, не подходил. А он и подойти-то сумел совсем незаметно да так же крадучись ушел. А ночью исчезла моя чаша. Мне ясно, у кого она. Я пришел предупредить. Берегитесь! Я хочу, чтоб и ему и вам легче было отвечать.— Уже не сдерживая гнева, обвинитель перешел на крик.

Дядя многозначительно посмотрел на меня и спросил:

— Слышал? Зачем ты сегодня ночью стащил у мейрена чашу? Видишь, говорят, что днем тебя там видели.

А я вдруг расхрабрился, как бывало при встрече со змеей: схватывал камень и бил ее. Наверное, гнев и незаслуженная обида придали мне силы:

— Неужели вы думаете, что я совсем глупый зверек? Да если бы сама хозяйка мне сказала: «На, возьми эту чашу себе», так и тогда я бы ее не взял. Пусть лучше руки мои отсохнут, чем брать чужое. Да и к чему она мне? Я не успел подойти, как ваша хозяйка заставила меня работать. Я старался как можно лучше все сделать и думал, что она хотя

бы горстку творога даст мне. Но нет, ничего я от нее не дождался. А что же мне целый день так и быть у нее на побегушках бесплатным батраком?

А разве аал ваш закрыт для других ребят? Да там не только наши, но и все улуг-шольские парнишки рыбачат,— доказывал я горячо, но слезы готовы были вот-вот залить мою смелость. Я смолк.

Теперь опять заговорил дядя:

— Слышал, мейрен?

Но тетка успела воспользоваться минутой молчания мужчины и вновь принялась швырять острые колючки слов в обрюзгшее лицо незваного гостя, словно они у нее давно были заготовлены на такой случай.

— Ты, мейрен, твой брат и сын твоего брата — большие чины, вы все законы знаете, как их повернуть себе на пользу. Значит, твоя жена говорит, что парень подошел к ней и исчез. Что означают ее слова? Ведь не собака же перед ней пробежала...

— Хватит! Вижу, что тут взялись тревожить не только мое имя, а имена всех моих родственников. Посмотрим, правда выявится!— угрожающе завопил Менний-оол, удирая из юрты, как молодой козел. Так же бодро вскочил на своего коня и умчался.

А наш Костюкпен, будто тоже поняв оскорбление, долго бежал за скакавшим всадником, остервенело лая.

А дядя упрекал тетку:

— Зачем тебе понадобилось вспоминать его родню?

— Так ему и надо! Пусть теперь идет и жалуется, кому хочет. А за свои слова я сама и отвечу. Да ты разве не соображаешь, зачем он к нам пришел? Он же только про то и думает, как бы все ближайшие юрты с этого чайлага выжить. Удрал толстый черт. А надо было еще кое-что ему подсыпать. Не успела...

Дядя, серьезно посмотрев на меня, спросил:

— А ты правду сказал, что не брал?

— Эх, если бы я знал, что они так наврут на меня, так угастил бы эту поганую посудину куда-нибудь подальше да запрятал так, чтоб год не нашли. Я знаю, он пришел оскорбить меня: у меня даже посуды для варки пищи нет. Жалко, что я от обиды не нашел хорошего ответа этому скунцу.

— Ну, перестань, все это ерунда. От воровства еще никто не нажился.

— Не-ет, дядя, не в этом дело. Воруют ведь у тех, кто

скупой и черные мысли имеет против соседей. Я же знаю, кайгалы—смельчаки нарочно воруют у таких скверных людишек, не считай меня несмышленишем, дядя.

— Ну, ладно. Потолковали и хватит. Все это не наше дело. Лишь бы ты был чистый. Иди. А то овец потеряешь. Их уже совсем не видно.

ПРИЕЗД ПОСЫЛЬНОГО

После шумного ухода Менший-оола двое суток в аале стояла тишина. Но вот утром, во время дойки коров, к юрте подъехал всадник:

— Обильного удоя вам.

— Спасибо. Пусть ваша поездка благополучно завершится,— ответила тетя.

— Укажите мне, где тут юрта Баран-оола?

— Вот, перед вами.

— А хозяин дома?

— Он в юрте сидит.

Человек спешился, привязал лошадь и вошел в юрту.

Тетка, закончив свое дело, тоже ушла в юрту, а у меня еще возня с телятами — всех их надо привязать, чтоб не погнались за коровами, а коров выгнать на пастьбу. Я торопился. Мне не терпелось поскорее справиться с делами да убежать на реку рыбачить.

Отогнав скот, я забежал в юрту за своими силками и уже готов был уйти, как дядя дал поручение:

— Поймай и приведи лошадь, да тут поближе привяжи на приколе попастись. Видишь, к нам приехал посыльный. Нас с тобой вместе в райцентр требуют к начальству.

В голосе дяди слышались раздражение и обида. А я обомлел и, пятясь, вышел, повторяя про себя: в район поедем... Зачем же я-то? Значит, это туда, где хранится гербовая печать? Где продают много всяких товаров?

Выполнив поручение, я вернулся в юрту. Тетка неожиданно быстро подала мне чашку с едой, сказав добрым голосом:

— Поешь покрепче. В райцентр поедешь. Но ничего не бойся. Бояться тебе нет причин. Быстро же наябедничал Менний-оол. Из-за какой-то дрянной чаши людей тревожит. Ну, да ничего. Узнаешь в лицо самого хошунного начальника,— говорила тетка. Я понимал, что речь ее больше предназначалась для приезжего.

Дядя сказал посыльному:

— Вы, наверное, спешите? А мы за вами не поспеем вдвоем на одной лошади.

— Да, да. Мне еще заехать надо по делу в соседний аал. Только вы не задерживайтесь долго. Вам, сегодня же надо быть на месте. Если не придете к сроку, пошлют вторично посыльного, тогда за прогон лошади платить будете вдвойне,— предупредил приезжий и поспешно уехал.

Мои сборы были невелики. Имущество мое всегда при мне: старенькая ситцевая рубашонка без воротника да коротенькие кожаные штанишки. Я сел позади дяди на лошадь и мы поехали.

Когда смотришь с верховья Амырака в сторону Шагонара, видишь густой синий воздух, а если бросишь взгляд дальше за Улуг-Хем, то увидишь гору Буура, которая, как седоволосая старуха, разморенная жарой, обволоклась горячим воздухом. Мы спускаемся ниже и все сильнее ощущаем зной.

— Расскажите, дядя, толком, куда мы едем?

— В местечке Утгуг-Дыт сильно много комаров. На лето начальники на Адриевскую стоянку перебрались.

— Ага, вспомнил я! Это то место, о котором наша молодежь поет на ночных гуляньях.

— Ну, а что поют на этих гуляньях, расскажи, Ангыр.

— Поют они вот так:

Бурлива река Шаганарыг,
Доведется ли там пожить.
Непомерно скупой Хемчик-оол,
Стану ли подчиняться ему?

Дядя выслушал мое пение, а потом заметил строго:

— Нет, браток, эта песня не годится сейчас. Раньше про чиновников так пели, так все они богачи были. А теперь новое время и у власти люди из народа. Так петь про них нехорошо.

— Ну, а Сонам-Баир раньше был шишкой и теперь остался,— рассуждал я. И, немного подумав, с тревогой спросил дядю:

— Раз он там остался, так, наверное, и по-старому судить будет...

— Не-ет, Ангыр, теперь пытки отменены. Это я хорошо знаю. Не положено теперь величать их. И шишек на шапках у них теперь нет.

Дальше дядя говорил уже больше сам с собой.

— А вот почему при новых временах в хошун попали старые чиновники, это трудно понять. На партийных собраниях

не раз люди спрашивали об этом. В ответ слышали: «Сонам-Баир бросил старое, он в революционном движении участвовал и заслужил этот пост».

Ну, а насколько он революционный, увидим. Народ разберется.

Дядя еще много рассказывал и давал советы, как отвечать на предстоящем допросе.

— Главное, не болтай лишнего, раз не брал, так и отвечай: «Не брал, не видел».

Из-за поворота показалось около десятка юрт, разбросанных на лугу возле зарослей ивняка. Мне вдруг припомнилось виденное в детстве в овюрском Амыраке страшное судилище. Но дядя, заговорив, оборвал жуткое видение прошлого.

— Во-он,— указал он рукояткой плетки на большой белый шатер, стоявший особняком,— видишь, у коновязи сколько оседланных лошадей? Это и есть юрта главного. Посыльный к начальнику сам нас доставит, когда потребуют.

На поляне и в юртах с откинутыми пологами виднелись группы людей. Несмотря на жарышу, все они были чинно одеты: в халатах с туго затянутыми опоясками и все до единого в шапках. Некоторые одеты в нарядные дорогие халаты из чесучи и шелка. Мы подошли к одной такой группе, я невольно сравнил свою одежду с ихней и показался сам себе черным линючим козленком среди белой отары овец. Про этих людей я думал не очень лестно: они мне напоминали тяжело нагруженных верблюдов. Вот как закон навьючил на них груз одежды и дел. А я тоже отягощен грузом невеселых дум и обрывками своей одежки.

Посыльный был среди этих важных людей. Он сразу заметил нас и тут же повел к шатру чизана. Но вошел туда один, а нам махнул, чтоб ожидали.

Углы шатра со всех сторон были приподняты, чтоб ветерок свободней гулял. Изнутри слышался говор и смех. И я подумал: «Смеются, значит и правда, судят теперь по-новому, не сдирают с живых людей кожу, как это было на том судилище, в Амыраке...»

Я перевел взгляд на дядю, он стоял с поднятой головой, оглядывая далекие горы, молчал, а в пальцах были сломленные травинки, на шее заметно вздулась голубая вена. Он тоже волновался, и у меня невольно задрожали руки, а ноги будто увязли в топь.

Посыльный вышел, строго произнес:

— Велено войти.

Дядя, поравнявшись с ним, тихо спросил:

— А главные там?

— Все там,— важно ответил тот.

Дверная кошма шатра была из-за жары тоже откинута. Дядя вошел первым, за ним шагнул и я.

— Амыр,— приветствовал всех дядя.

— Меиде,— ответил кто-то, остальные промолчали, сурово оглядывая нас. Потом наступило продолжительное молчание, и, наконец, послышалось не приглашение, а приказ:

— Садитесь.

Пока мы ожидали этого «приглашения», мне показалось, что все сидящие здесь сверлили нас враждебным взглядом.

Тишину разрезал голос писаря, сидящего на одной ноге, а на коленке другой у него лежала бумага на дощечке. Он произнес:

— Как твое имя?

— Баран-оол,— ответил дядя.

— Говорить положено полное имя, Тюлюш Баран-оол.

Дядя подтвердил его слова.

— А это что, тот самый твой племянник, который воровал?

— Да, вот он... — смешался дядя.

— Вот так и пиши,— приказал чиновник писарю. Но дядя заговорил без вопросов:

— Да что он воровал? Вот он, перед вами, как есть.

— Подожди,— прервал допрашивающий.— Как его звать?

— Ангыр-оолом,— ответил дядя.

— Лет сколько, парень?

Я молчал, мысли мои разлетелись, как вспугнутые воробьи. Я взглянул на дядю, ища у него помощи, а он, как глухому, громко повторил:

— Сколько тебе лет, спрашивают.

— Пятнадцать,— пролепетал я.

— Ну-у, так ты уж взрослый,— заговорил почти ласково Сонам-Баир.— Говори, да только всю правду. Если неправду скажешь, будет очень плохо. Да и не только тебе, вот и ему, твоему дяде, тоже. Ты не торопись, паренек, хорошенько подумай. А все твои накопленные мысли, вроде «не признаюсь, не сдамся, устою», выкинь из головы. Мне такого лучше и не говори, не огорчай меня, а то придется поссориться нам с тобой. Ссора — дело плохое, понял, Ангыр-оол?

Он смотрел на меня, не моргая, своими белесыми глазами.

— Да, понял,— ответил я тихонько.

— Ну!

— Да, я уже говорил правду, еще там тете, дяде и мей-

рену говорил — не брал я. Зачем она мне?— почти выкрикнул я последние слова. Но меня сразу же прервали.

— Кто тебя научил так говорить? Это же явно не твои слова. Может, это дядя тебя так учил, так тоже говори,— уже совсем другим голосом заговорил этот «мягкий» чип. И весь он сразу изменился, будто волчью шкуру на себя надел.

— Ну, если человек не брал чаши, так как же можно еще после вашего справедливого предупреждения отвечать? А дядя мне ничего не говорил, чтоб я кого-нибудь обманывал. Он всегда от меня требовал говорить правду, а не врать людям.

— Ты отвечаешь так, будто и в самом деле все отлично понимаешь. Только тебе следует еще хорошенько все припомнить. Иди подумай.

— Нечего мне думать и добавлять нечего. Я же объяснил — не брал я...

Но мне не дали больше высказаться, вывели. Дядя остался. Его держали там долго-долго. Туда же вошел вскоре Менний-оол с рыбьими холодными глазами. Меня снова потребовали в шатер.

Войдя, увидел на самом почетном месте этого скверного мейрена. Он, развалясь, курил трубку.

Теперь допрашивать меня принялся пожилой чиновник. Он обратился к Менний-оолу:

— Этот самый, кто украл вашу собственность?

— Да, он самый, уважаемый начальник,— с радостью подтвердил мой обвинитель, даже не взглянув в мою сторону.

— А вот этот Ангыр-оол совсем другое говорит,— продолжал тот же старый чиновник вести допрос.— Может быть, у вас есть свидетель, который поможет разобраться в содеянном? — спрашивал он Менний-оола. Тот мельком взглянул в сторону дяди, потом поерзал на сиденье, откашлялся и загнурил:

— О каких еще свидетелях речь вести? Это же всем ясно. Дело это не миновало его рук. Костер тот только он один и видел. Он же приходил туда днем, а ночью исчезла моя чаша...

— Значит, свидетелей нет, кто бы мог подтвердить виновность этого паренька?

— Так видела же моя жена, когда он днем приходил к костру.

— Свидетелей нет. Так и запишите,— спокойно вел допрос пожилой.

— Ну, а следы вы там проверили?

— Нет, не сверяли. Да ведь и так известно, что он там

был. Ну, и место это такое, что многие топчутся там.— Так объяснял мейрен.

— Значит, следов много и их не проверяли. А вот вначале вы говорили другое, что костер этот видел только он один, а теперь рассказываете, что «многие там топчутся».

— Так это же нежилое место, а просто крутой берег,— толковал Менний-оол.

— Значит, место нежилое, а туда может пройти рыбак?

— Конечно, может,— подтвердил Менний-оол.

— Мальчик этот говорит, что когда он подошел к костру, то жена ваша заставила его там работать. Правда ли это?

— Может, и заставила. Как же не заставить мальчишку помочь?

Но тут сам Сонам-Баир прервал пожилого чиновника и принялся допрашивать сородича Менний-оола, расспрашивая про меня и про всех моих родственников. Мне показалось, что он в чем-то обвиняет всех, кто живет в Западном и в Южном Амыраке. Менний-оол молча слушал, заглядывая в рот Сонам-Баиру. А когда смолк властный голос, Менний-оол словно вскачь помчался — принялся расписывать меня и всю нашу родню, заявив в заключение:

— Таким совсем верить нельзя.

Больше Сонам-Баир ничего не спросил, а приказав пожилому продолжать, встал, отряхнул полы халата и быстро вышел из шатра. Все сидевшие чиновники тоже встали, как только поднялся главный, и сели только тогда, когда он отошел далеко.

Допрос продолжался.

— Что еще можете сказать?

— Все уже сказано,— важно произнес Менний-оол.

— Ну, Ангыр-оол, ты подумал? Расскажи нам по порядку все, как было.

— Я все обдумал, а понять никак не могу, почему мейрен меня считает вором? Это же неправда, несправедливо! Как он может быть мейреном, если невиновного вором обзывает. Или ему надо, чтоб мой дядя уплатил ему за потерянную чашу, или проучить меня хочет за то, что я осмелился подойти к его костру.

Чиновник тотчас меня прервал:

— Ты, парень, далеко в сторону заехал. Скажи, мог ли кто-нибудь подойти к этому костру, кроме тебя?

— Так ведь уже сам мейрен говорил об этом. Не черти же там топчутся.— Писарь расхохотался, а молчаливый красивый молодой чиновник, рассмеявшись, произнес:

— А ведь парень толково говорит.

Я, ободренный смехом, принялся выкладывать все про ненавистного Менний-оола.

— Этот мейрен всегда со всеми соседями в ссоре, все у него плохие, всех он постоянно подозревает. Об этом не только взрослые говорят, но и молодежь песни про него поет.

— А ну, расскажи, парень, какие песни они поют? — заинтересовался пожилой. И остальные поддержали в один голос. Ну, я и выложил:

Хотя глухая глушь Туглак-Алак.
Но на коне можно пробраться,
А вот от заповошного Менний-оола
Никогда не отвязаться...

— Ха-ха-ха! — разнеслось дружно. — А еще не знаешь песен, Ангыр-оол?

Я не заставил себя долго ждать, еще прибавил порцию крепких частушек про скверные дела нашего мейрена. Меня спросили:

— Что они прямо в его присутствии поют так? А как он им отвечает?

— Наша молодежь про всех поет, кто чего заслужил. Она никого не боится. Как поравняются с юртой Менний-оола, так и запоют во все горло. А он выскакивает из юрты и всех своих голодных собак на этих певцов натравливает. А было, что он даже из дробовика в них палил. Он каждое утро придумывает очередную каверзу.

— Ну, что, например, наговаривает? — опять весело подбивал меня красивый.

— А вот, к примеру: едет утром и кричит на весь аал: «Это ваши дети на коне ночью гоняли? Треног потерялся. Теперь платите за него». Ну и пойдет потеха, — рассказывал я, стводя душу.

Старый чиновник уже не смеялся, а спросил серьезным тоном Менний-оола:

— Было такое?

— Вот то-то и оно, житья от них нет, от этих амыракских чернопрожженных.

— Объясните нам, что такое?

Менний-оол, кажется, охотно растолковывал свои ругательства:

— А то, что живут они все в старых, черных, прожженных юртенках. Им никогда не дотянуться до самостоятельного хозяйства.

Я без всякого спроса вдруг выплеснул, что накопело:

— Это только мейрен так называет всех бедных. Он хочет, чтоб все откочевали подальше от его стоянки. А ведь теперь новые времена настали. И правительство теперь тоже наше, бедняцкое. Так почему оно за нас не заступает, а слушает наговоры Менний-оола? А он всем подряд беспрестанно угрожает. Вот и попал в частушки.

— Не торопись, браток,— остановил меня пожилой чиновник,— лучше еще расскажи про ваши песни.

— Всех-то их я не запомнил, но вот так поют:

Давайте расскажем аратской власти
Про злые наветы жадного Менний-оола,
Пусть наши верные партийцы
Узнают все правду...

— Это же настоящая революционная песня!— воскликнул красивый чиновник. Но старый, который допрашивал, опять перевел на эту злосчастную чашу. Опять спрашивал меня дядя, не своровал ли я.

Менний-оол ощерился в бессильной ярости: «Мальчишка сам выболтал, как они там честят меня. Он тоже участник всех тамошних пакостей, хоть такой маленький да серенький, а вон как режет».

— Ну, пока идите. Дело ваше еще требует разбора. Как нужны будете, крикнем,— выпроводил нас пожилой чиновник.

Мы подошли к юрте. Там было много людей, нас обступили и принялись расспрашивать:

— Как ваше дело, кто что говорил?..

Дядя Баран-оол, немножко загордясь, отвечал:

— Я напрасно боялся, что мой Ангыр-оол ничего не сообщит или сболтнет лишнее. А он так расхрабрился да как начал резать правду. Чиновники то хохотали, то сочувственно кивали головами. Под конец наш парень объявил протест нашего аала против Менний-оола. Видал наших?

Один из наших овюрских кайгалов похвалил меня:

— Молодец, Ангыр-оол! Если ты не виноват, то так и надо поступать. Теперь им не старые времена одурачивать народ.

С этими словами мой земляк опустил свою здоровенную ручищу на мою голову, будто шапкой накрыл ее всю. Его слушали, а он все сильнее и сильнее горячился, чуть оттолкнув меня, стал размахивать с угрозой:

— Не те времена и для вас, «революционные» чагырыкчы! И шишки с их шапок снимали. Язык-то им тоже приходится здорово ломать, другим он стал, не то что во време-

на девяти пыток. Вся справедливость пришла от Ленина. Какая славная мать родила такого человека?! У меня заветное желанье — когда-нибудь, хоть чуть-чуть коснуться лбом его колена своей старой головой, вместо любого бога и царя. Сперва я подумал, что Ленин — это Иннокентий из Хем-Белдира, и хотел даже поскакать к этому большевику Сафьянову, чтоб поклониться за новое хорошее, справедливое.

Дядя рассуждал о допросе:

— Да-а, вот именно, новое имеет большой глубокий смысл, это видно было даже в поведении Сонам-Баира: он поправлял своего родича, когда тот путал бедных с ворами. Жизнь поворачивается к нам лицом.

ВСТУПИЛ В РЕВСОМОЛ

После моего возвращения от Сонам-Баира я стал местной знаменитостью, обо мне толковала вся округа:

«Представляете, он был у самого Сонам-Баира. Говорят, что этот большой начальник на суде вынужден был выступить даже против своего родственника Менний-оола в защиту нашего парня».

Некоторые даже завидовали: «Жил у такого богатого и важного лица, в полном довольстве, как рыба в море плавал. Видите, окреп, поправился. И никакого воровства ему не приписали. Обелили начисто. А сыновья-то Сонам-Баира, говорят, провожали его на быке и при расставании плакали».

Все эти толки меня радовали, главное, я понял, что никакого пятна на мне не лежит в их сердцах. Признаться, что и я сам невольно своими рассказами об этой поездке способствовал таким слухам моих земляков. Посторонним я говорил, что я просто жил в семье Сонам-Баира, когда с меня сняли это ложное обвинение, что я познакомился с многими важными людьми. И только близким открыл истинные причины, для чего я понадобился в той богатой юрте, сколько нелегкой и черной работы лежало там на моих худых плечах.

Но, пожалуй, я не остался внакладе. Там я увидел многое, с людьми познакомился, немало наслышался от разных людей. А ведь недаром говорят, что нового знакомого встретишь — глаза дальше видят, уши ясней слышат. А там приходилось встречаться не только с приезжими из разных уголков.

Больше всех была довольна результатами суда моя тетушка. Она захлеб рассказывала всем о посрамлении своего давнего противника Менний-оола. А говорить-то она большая

мастерица, от ее рассказов все заразительно смеялись и разделявали скверного соседа.

Для меня было открытием, что простой наш люд смотрит дружелюбно, даже и тогда, когда ты попадешь в беду, одними и теми же глазами, как смотрят звезды с неба что зимой, что летом.

В моей речи теперь все чаще мелькали слова: «партийцы», «революция». Мне нравилось их необычное звучание и я чувствовал себя выше ростом и старше.

Как-то летним днем верховой проскакал по близлежащим аалам с объявлением о собрании молодежи. Он громко говорил: «К нам прибыли из ЦК Союза революционной молодежи и из хошунного комитета два представителя. Собрание назначено ровно в полдень. Кто не явится в срок, особого посылного пришлют»,— важно закончил он и, взмахнув плеткой, ускакал к другому аалу.

А что мне стоит прибыть вовремя — пара моих собственных ног всегда домчит, куда надо. Но, когда я добрался, было уже много прибывших, а на привязи томились лошади. Все разодеты, словно на большой наадым явились. Прискакали не только парни, но и девушек много. Всех пригласили пройти подальше от юрт, под тень ветвистых берез. Все расселись и пошел негромкий разговор:

— Смотрите, вон тот, в черном шелковом халате и блестящих хромовых сапогах, и есть посланец ЦК. Видите, без косы, по-русски коротко подстрижен.

Рядом с приезжим я узнал хошунного сургакчы Алдын-оола. Он был тоже в красивом зеленом шелковом халате, опоясанном желтым кушаком, в русских сапогах и без косы. Они привлекли внимание всех своей молодостью и чистой одеждой. Девушки смотрели на приезжих во все глаза, тихонько хихикая, подталкивая одна другую локтем.

Главный сургакчы говорил по-монгольски и по-тувински быстро, словно вода лилась, и не совсем понятно. За ним сразу же взял слово Алдын-оол. Многое из его слов я хорошо запомнил.

У нас, в Западном Амыраке, много молодежи, которая может стать членами Союза молодежи. Он перечислил многих парней и девушек и, к моему удивлению, назвал среди других и меня.

«Вот как! Значит, те, кто может стать членом ревсомола, уже в бумаги писучие попали. Неужели этот Тюлюш Ангыр-оол я и есть?»

Как только произнесли мое имя, я уже не мог хорошо слушать, отвлекли нахлынувшие мысли: «Что же теперь со мной будет? Неужели и я когда-нибудь стану таким же, как эти сургакчы, буду так же красиво одет, научусь красиво, как они, говорить? А может, еще и писать научусь?».

От этих докладов у меня хорошо осталось в памяти: «Член ревсомола должен жизни не щадить, борясь за дело аратской революционной партии. До мозгов и сердца приблизить учение Маркса—Энгельса—Ленина. Должен смело говорить правду». Однако больше всего мне были по душе слова: «Ревсомольца никто не имеет права унижать!» Я с трепетом размышлял: «Неужели я смогу все узнать? Наверное, много, много времени на все понадобится. Попробуй дойти до таких высоких званий и до такой одежды, как у них».

Когда доклад кончился, сказали: «Что кому непонятно, спрашивайте». Все молчали. Наконец, видно, самый храбрый спросил:

— Что такое компартия?

Потом посыпались разные вопросы. Раздался женский голос:

— А девушек тоже примут в ревсомол?

И у меня вертелся свой вопрос: «А как поступить, если ревсомольца оскорбит важный богатый чин?» И учеба меня занимала, по как лучше задать вопрос про это? Я вдруг выдвинулся вперед и спросил разрешения.

— Можно, можно,— ответил Алдын-оол и тут же спросил:

— Тебя, кажется, Ангыр-оолом звать?

Рядом послышалось:

— Да, да, это тот самый Ангыр-оол, который...

— Давай, спрашивай. Чего до сих пор молчал?— улыбкой поощрял меня сургакчы. И я выпалил:

— Вы говорили, член ревсомола должен грамоту постичь. Где учиться? Кто заплатит? Кто учить станет?

Не задал я только своего большого вопроса: насчет обид, оскорблений и требований работать бесплатно. Но всех удивил мой последний вопрос:

— Вы называли наше правительство аратским, народным, а может богатый, со знатным происхождением в нем править?

— Ой, халак!

Такие возгласы послышались с разных сторон. Я сел и уж потом почувствовал, что вспотел и дрожу.

А Алдын-оол, будто даже обрадованно, произнес:

— Вот видите, хорошие вопросы парень задал. Спрашивайте, спрашивайте еще,— поощрял он собрание.

Отвечал на вопросы товарищ из ЦК. А я, зардевшись от похвалы Алдын-оола, поспешил сесть повыше.

Потом говорили о приеме в ревсомол. Сначала снова перечислили, которых уже прочитали вначале, а потом спрашивали:

— Можно ли принять? Кто против?

Но против никто не говорил и все вверх поднимали руки. Поднимал и я. Прошли все, кто попал в списки. Собрание закончилось.

Было сказано:

— Всем, кто стал членом ревсомола, остаться.

Нам дали мягкие бумаги, написанные красными линиями по-монгольски. Сказали: «Держите и храните, потом получите взамен этих книжки с печатью».

Так в 1925 году я стал членом ревсомола. У меня сразу прибавилось много забот, чтоб хранить эту бумагу, не испортить и не потерять ее. Я ее завертывал в тряпки и прятал глубоко за пазухой. Но, когда оставался наедине, часто вынимал ее и подолгу рассматривал. Конечно, прочитать ее я не мог. Любовался я там особенно одной строкой, которая сильно напоминала по форме извилину моей родной реки Амырак. Позднее я запрятал эту бумагу в бересту, а потом пришел ее как карман для хранения этой первой дорогой бумаги, моей главной собственности.

ЭТО — ЛЮБОВЬ

(Главы из повести)

* * *

Хеймерек пришел утром. Сестры спали. Родители завтракали. Хеймерек, увидев мать, удивился и обрадовался.

— Здравствуй, мама! Когда приехала?— он сел между отцом и матерью.

Для матери все дети одинаковы, всех она любит. Хеймерек — «чертов подарок», единственный сын. Поэтому она любила его больше, чем других. Вырос сын, возмужал, даже за девками стал бегать. Но все еще нежит его мать, как и двадцать лет назад. Никогда она Хеймерека не бранила, никогда не била, а наоборот, всегда защищала и заступалась за него. Бывало, обидится на что-нибудь, раскричится, но как только увидит сына, сразу успокоится, подберет. Приласкает его, как овечка своего ягненка, погладит головку, с наслаждением понюхает его. «Ласковый мой, единственный...» Эти слова не сходят с ее языка. Хеймерек был счастлив, что мать так нежна с ним.

Чаш-уруг безграмотна. Единственная ее забота — домашнее хозяйство. Лишь бы скот был в сохранности да дети сыты и одеты. Больше ничего на свете ее не беспокоит.

Кочевому человеку выгодно скорее женить сыновей. Чаш-уруг тоже так думала. Когда создавался колхоз и араты сдавали скот, инвентарь, Чаш-уруг, заставив мужа поверить в ее правоту, переписала на имя сына овечек, коз, коров, даже лошадь. Ясно, что с каждым годом росло поголовье скота. Хеймерек, от которого не очень-то много было пользы, мог бы привести в дом девушку. Она смогла бы облегчить ее заботы по хозяйству.

Чаш-уруг хотела женить Хеймерека еще три-четыре года

назад, но сын и слушать об этом не захотел. «А теперь — ишь ты! — решил жениться на русской. Разве она сможет ухаживать за скотиной?.. Умеет ли доить коров, взбивать масло? Я по-русски не понимаю, она — по-тувински. Будем смотреть друг на друга, как каменные бабы в степи. Нет, не согласна...»

Двое суток тревожные мысли не давали покоя Чаш-уруг. Она уже придумала, с чего начать разговор с сыном.

Как только он зашел, она запричитала ласково:

— Родной мой, единственный мой! Что же это с тобой? Похудел-то как. Даже подбородок вытянулся. Наверное, ничего не ешь?

— Что ты, мама. Здесь никто так много не ест, как я.

— Так в чем же дело?

— Тебе просто кажется, мама, — засмеялся Хеймерек, потом спросил: — Видно, по важным делам приехала?

— Соскучилась я, сынок. Думаю, как-то они там без меня? Беспокоюсь, как бы глупостей не наделали.

«О чем это она?» — подумал Хеймерек и насторожился. Он внимательно посмотрел на мать, и она вопросительно взглянула на сына, будто хотела спросить: «Ну как, дошло до тебя? Что ответишь?» Хеймерек прервал разговор, снял пальто и шапку, бросил на кровать, взял пиалу и стал пить чай.

— Ешь, вот мясо, — сказала мать и показала на кастрюлю, стоящую на печке. Она привезла детям вареного мяса. Хеймерек приподнял крышку и увидел бедренную кость и два ребрышка. Закрыв кастрюлю.

— Не хочешь?

— Сыт, мама. Только что поел. Я думал, ты привезла колбасы из бараньей крови.

— Какой ты смешной. Откуда все время быть хану? Недавно же я отправляла вам, — улыбнулась мать и внезапно спросила:

— А ты где наелся?

— Я... — Хеймерек растерялся. — Я... вон у этих... у дяди Кара-оола. Ночевал у них. Они справляли именины дочери.

Чаш-уруг поняла, что сын хитрит. Нисколько непохоже, что он был на гулянке. Мать решила поговорить начистоту.

— Вот что, сынок, дошла до меня неприятная весть. Вот я и поторопилась сюда. Говорят, что ты связался с русской учительницей. Не станет же народ выдумывать. Осенью ты, кажется, обманул меня, провел, как говорят. Это нехорошо. Разве можно обманывать мать? Это правда? Ты твердо решил, да?

Хеймерек промолчал.

— Что же ты насупился? Надо же посоветоваться с родителями. Женись на ком хочешь, но ведь она не только с тобой будет жить, а и с нами, стариками.

Хеймерек опять ни слова.

— Ну что, сынок, дичишься? Ты хоть с отцом говорил?..— Мать, не дождавшись ответа, обратилась к мужу:— Говорил ты с ним, отец?

— Нет.

— Нет, нет!—передразнила его Чаш-уруг.— Так когда же ты будешь говорить?

— Не знаю...

Хеймерек долго думал над тем, что ответить. На этот раз отрицать нельзя: мать не поверит. Но и сознаваться во всем еще рановато. У него с Марией еще не было разговора о свадьбе.

Чаш-уруг ждала ответа. А Хеймерек безмолствовал, словно воды в рот набрал. Калчан-оол, торопясь на работу, сказал сыну:

— Не заставляй ожидать мать.

— Да, я встречаюсь с учительницей.

— Так... ты, значит, решил жить с ней, сынок?—спросила Чаш-уруг.

— Наверное, да.

— Ой, сынок, миленький мой, единственный мой! Разве это возможно? А как же я, отец?.. Неужели ты нас оставишь?

— Что ты, мама? Почему я вас должен оставить? Будем жить, как жили.

— Да нет, сынок. Я хочу вот о чем сказать. Нам трудно будет с нею ужиться, ведь мы-то русский язык не знаем. Разве согласится она жить с нами в юрте? Может, и не зайдет к нам, побрезгует, ведь у нас на стойбище пыль, навоз... Если так, то какая она невестка будет? Или только издалека на нее смотреть придется? По-моему, не стоит с нею связываться.

— Ничего тут страшного нет. Поживем — увидим,— безразличным тоном произнес Хеймерек.

— Увидим, говоришь? Откладывать нельзя. Потом поздно будет.

— Ты предлагаешь поссориться с нею?

— Конечно, сынок, так лучше. Подумай только. Как мы старались, чтобы вырастить тебя. А ты не слушаешься нас, не советуешься с нами. Нельзя так. Скота у нас еще много. Кто будет за ним ухаживать? Что с ним делать?

— Буду резать и есть.

— Нельзя же думать только о еде, сынок. Надо же и помогать нам.

— Так что же я должен делать? Оставить работу и идти к вам пасти овец? — вспыхнул Хеймерек.

— Да нет, сынок, я же не говорю об этом. Молодой ты, должен работать для блага государства, однако.

— Ну и что же? — прервал ее Хеймерек.

— Найди жену мне по душе.

Хеймерек вздохнул, посмотрел на часы и стал молча одеваться.

— Куда идешь? — забеспокоилась мать.

— Что, значит, куда? Должен я работать или нет?

— Постой, сынок, не спеши, — сказала мать. — Я же не могу долго быть здесь. Сейчас уедем. Оставили все без присмотра. Не огорчай мать. Подумай о будущем... Если она бросит тебя?

— Да ну, глупости, — отмахнулся Хеймерек и стал будить спящую сестренку. — Тоня, вставай! Пора в школу.

Хеймерек ушел, так и не сказав ничего определенного. Не поведал Чаш-уруг. Калчан-оол был уверен, что все так и кончится. Когда сын вышел, он сказал:

— Бесполезно отговаривать. Он сделает то, что хочет.

Чаш-уруг почему-то не теряла надежды. Сын должен послушаться ее. Прикрикнула на мужа:

— Ты сиди! На сына лучше подействуй. Честное слово, я не выдержу этого. — У нее задрожали сухие губы, по морщинистым щекам потекли слезы.

Первую половину дня Хеймерек провел в школе на ногах: не мог сидеть и что-либо делать.

«Где это видано, чтобы родители, вместо того чтобы радоваться, поддерживать, препятствовали сыну, который нашел желанную его сердцу девушку. Теперь не старое время. Молодежь сама решает свою судьбу. Почему мать запрещает любить ее?..»

Много дум теснилось в его голове. В полдень вышел на улицу, осмотрелся. Плотный утренний туман, стоявший над Хемчиком, исчезал бесследно. В поселке, который расположен по ту сторону реки, из высокой трубы электростанции поднимались черные клубы дыма.

Хеймерек оглянулся и окинул взглядом горы Алаша. За ними возвышались высокие хребты Ака. Вершины их сверкали под лучами зимнего солнца.

Воскресенье... Мария Ивановна вспомнила, что успела посетить дома только двоих учащихся. А с родителями остальных не беседовала, не познакомилась с домашними условиями жизни большинства своих учеников. Оделась потеплее и начала обходить небольшие, как спичечные коробки, низенькие дома с дымящимися трубами, у которых нет ни крыши, ни забора, и черные юрты, похожие на копны. Взяла с собой Алашоола, сына председателя, как переводчика и защитника от злых собак.

Всюду родители принимали учительницу с большим уважением, правда, некоторые — с удивлением, другие — растерянно, но в основном — с уважением. До обеда она обошла почти всех. Осталось примерно домов шесть. Там жили Хеймерек, председатель колхоза, зоотехник, секретарь парторганизации, агроном...

Мария Ивановна увидела за день то, чего раньше никогда не видела. В одном доме жарили ячмень. А в юрте ученик, сняв рубашку, толоч в деревянной ступке пшено, запорошенный белой пылью он еле-еле поднимал бала¹. В другой семье, где хозяева были молодые люди, зарезали черную козу с огромными рогами. Стайка ребят, шмыгая носами, толпилась вокруг окровавленной туши... Понравилось ей, как седой старик играл на чадагане. В одном дворе видела, как потувински подковывают лошадь. В юрте, которая стояла на окраине села, мужчины и женщины пили араку.

— Алаш-оол, ты иди, отдохни... К остальным я схожу сама.

Мария Ивановна, решив отдохнуть и пообедать, зашагала домой усталая, но довольная. Мимо нее в обратную сторону прошли две девушки. Проехал старик на сани, в которые была запряжена белая лошадь с черной гривой. Галопом промчались, помахивая бичами, двое парней на конях, один — на гнедом, другой — на вороном. Держались в седлах они неуверенно и громко переговаривались между собой. Мария Ивановна услышала имя Хеймерека. Видимо, они говорили: «Вот, мол, та, с которой гуляет Хеймерек». По улице и дворам бродил скот. Одна рыжая корова с подтянутым животом прошла совсем рядом, задев ее теплым боком... Мария Ивановна подняла воротник и правой рукой прикрыла им от морозного ветра лицо. Левую руку сунула под пальто. «Вот она какова здешняя жизнь. Надо вникать в нее, узнавать. Вообще, что я знаю о жизни односельчан-тувинцев? Почти ничего... Плохо... Очень плохо»...

¹ Бала — пест.

Небо ясное. Только на севере стоит одинокое облачко, похожее на человека с ружьем. Куда ни помотришь — горы, горы и горы. Высокие и низкие. Некоторые из них настолько вызубрены ветрами и временем, что напоминают железные пилы. Вершины одних гор сияли снежными шапками, а вершины других казались мрачными и были похожи на хмурых людей, объятых тяжелой думой.

Когда она подходила к дому Хеймерека, солнце уже зашло и село погружалось в темноту. Учительница обошла всех. Остался один этот дом. Он связан с ее будущим. Это дом ее счастья. Входить в него и радостно и тревожно. Неизвестно, кто там сейчас, как встретит Хеймерек, что скажет. После ссоры они ни разу больше не говорили. Вчера, вообще, он на работе не был. Говорили, что из интерната ушли в свои аалы двое мальчиков, он поехал за ними.

Остановилась у дверей. Сердце забилось гулко и часто. Женщины, жившие по-соседству, вышли во дворы и с любопытством разглядывали ее. Это еще больше смутило Марию Ивановну. Она торопливо вошла в дом. Тоня сидела за столом. На полу, упершись головой в стену, лежал старик. Во рту у него дымилась длинная трубка. Его бородатое лицо, лысая голова, нахмуренный лоб и большие глубоко запавшие глаза были неприветливы. Тоня чуть слышно ответила на ее приветствие и осторожно поставила стул около стола, будто боялась, что он развалится. Старик медленно приподнялся на локтях и, временами искоса поглядывая на учительницу, продолжал курить.

Дом однокомнатный, как большинство здешних домов. Обставлена комната неважно: две койки, стол, два стула, печь, ведро, немного посуды. Вот и все. Шкафов нет. Стены давно не белены. На них нет ни портретов, ни картин. Потолок почернел от дыма. Нельзя же сидеть просто так! И Мария Ивановна приступила к своим обязанностям.

— Выполнила задание, Тоня? Покажи.

Девочка подала тетрадь. Скрипнула дверь, и в комнату вошли женщины, девушки: кто был одет в пальто, кто — в шубу. Каждая входившая становилась у стены. И все молча смотрели на Марию Ивановну. Она растерялась.

— В чем дело? — спросила она дрожащим от волнения голосом.

Никто не ответил, никто даже не пошевелился. Ей стало неловко. Разве можно работать в такой обстановке? Сидеть здесь она больше не могла. Вернула тетрадь Тоне и выбежала.

На улице темно. Светились окна. Мария Ивановна сперва

бежала. Ей казалось, что женщины преследуют ее. Несколько раз оглядывалась, но никого сзади не было. Успокоилась, пошла шагом. Она никак не могла понять, зачем пришли эти женщины.

Волновалась она зря. Женщины были близкими и дальними родственницами Хеймерека. Разумеется, у них не было какой-то тайной цели. Пришли просто из любопытства. Старик был дома. Хотелось посмотреть, как он встретит невесту сына, о чем будет с ней говорить. И все.

Подходя к своему дому, неподалеку от которого стояла юрта, Мария Ивановна услышала шум. Кто-то играл на баяне. Пели женщины. Из темноты вырос парень и преградил ей дорогу. Он был пьян.

— Что вам нужно? — испуганно отстранилась учительница.

— Башкы, извините меня,— начал он, смешивая русские и тувинские слова,— пропали вы... вы... вам...

Лицо Марии Ивановны вспыхнуло. Минувя свой дом, она прибежала к директору. Тот колот дрова. Учительница заплакала.

— Что случилось, Мария Ивановна?

— Здесь что-то задумали против меня. Боюсь...— она рассказала о случившемся.

— Аа! Вы не так поняли, Мария Ивановна. Я тоже пришел оттуда. Этот парень встретился мне. Хотел вам правду, наверное, сказать... Там пируют по той причине, что...— начал объяснять директор.

— Вот как? А Хеймерек где? Тоже там?

— Нет. Он уехал за ребятами.

— Он знает об этом?

— Вряд ли. Мне кажется, они скрывают от него. Мать его все выдумывает.

— Понятно, Монгуш Борбак-оолович, как вы думаете, что ответит на это Хеймерек?

— Не знаю. Не должен он согласиться.

— И что он с этой девушкой будет делать?

— Скажу честно, не знаю.

Домой Мария Ивановна шла, охваченная противоречивыми и тревожными мыслями. Утром, когда она пришла в школу, в коридоре ее встретила Аганак.

— Слышала новость?— с таинственным видом шепнула она.

— Какую?— Мария Ивановна сделала вид, что ничего не знает.

— Для Хеймерека сватали девушку. Говорила же я, что мужчины всегда так...

— Меня это не интересует,— сухо отрезала Мария Ивановна и прошла в учительскую.

* * *

Приближался Новый год. Проводились контрольные работы за четверть. Когда у Марии Ивановны закончились уроки, она с ребятами пошла на прогулку к реке. Мальчики и девочки этому очень радовались. Веселые голоса их были похожи на чирикающие воробьев. Каждый хотел идти рядом с учительницей, рассказать ей о чем-нибудь или послушать ее.

День выдался морозный. Небо ясное, но с севера дул холодный ветер.

Зимний Хемчик, обдавая леденящим дыханием, отдыхал под снежным покровом. Он был похож на былинного богатыря, который, накапливая силы, готовился к свершению великих дел. Каждый год зима нападает на него, старается сковать его толстым льдом. Но Хемчик не сдаётся, не даёт преградить себе дорогу и не прекращает работу. Пробьет где-нибудь ледяной панцирь, вырвется наружу и, выдыхая клубы белого пара, продолжает петь свою нескончаемую песню.

Да, хорош зимой Хемчик! А летом он еще прекраснее.

Маленькая Ооржак Орукмаа сказала:

— Башки, у меня есть брат. В его блокноте я нашла стихотворение о Хемчике. Правда, оно еще не оконченное...

— Интересно. Ну-ка, прочти.

— Хорошо. Я прочту. Слушайте:

У каждой волны свой особый звук,
Словно у струн чадагана;
У каждой реки много песен, друг,
Как чаек у океана.
Пой, Хемчик! Пой звонче и веселей!
Пой, Хемчик! От песен на сердце светлей.

— Чудесные слова! — воскликнула Мария Ивановна.

— Напечатают в газете, башки? — поинтересовался один мальчик. Мария Ивановна засмеялась, взяла его за руку и сказала:

— Должны напечатать... И тогда мы все стихотворение прочитаем.

Ребята сначала мерзли, но от быстрой ходьбы постепенно согрелись. Мальчики сходили с дороги, прыгали в сугробы, боролись, показывая свою ловкость. Лица и одежда у них были в снегу. Один из мальчиков крикнул:

— Башкы, смотрите, волчьи следы!

Все столпились вокруг него. На снегу были отчетливо видны крупные следы растопыренных когтистых лап.

— Да ну-у, какой там волк! Собачьи следы! — закричал самый рослый из одноклассников Семис-оол. — Как быть волку возле села?

Действительно, следы были собачьи. На снегу много всевозможных следов. Сразу заметишь, где прошли человек, лошадь, корова.

Вскоре школьники свернули с дороги и пошли по глубокому снегу, доходившему до колен. Каждый старался найти новые следы.

— А это кто? Кошка? — сказал Монгуш-оол, наклонившись.

Ребята молчали: они еще как следует не исследовали следы. В этом отношении и Марии Ивановне нечем похвалиться. Она родилась в городе. Сейчас ребята увлекли ее. Она завидовала им. Спорила с ними, как равная, забывая о том, что она их учительница. Но точно определить следы она не могла, наоборот сама спрашивала:

— Разве бывает такая огромная кошка, ребята?

В это время прибежал Семис-оол, отошедший от них в сторону, и объяснил:

— Здесь прошла, башкы, лиса. Хитрая лиса.

Учительница похвалила его:

— Молодец, Семис-оол. Ты как настоящий охотник.

Семис-оол, довольный похвалой, убежал вперед и крикнул:

— Идите сюда! Здесь следы. Угадайте! Особые следы!

Все прибежали туда и увидели, что к ним снизу кто-то скачет на вороной лошади. Это был Хеймерек. Не останавливая лошадь, он проехал мимо, как-будто не замечая их. Мария Ивановна крикнула:

— Ооржак Калчан-оолович! Куда спешите? Езжайте сюда! Хеймерек сразу же повернул коня, сел боком на седле и, помахая бичом, подъехал.

— Что за зверь тут прошел, Ооржак Калчан-оолович? — спросила учительница, показывая ему следы, похожие на треугольник.

— Вы думаете, что я не знаю? Или испытываете меня?

— Нет, в самом деле, скажите, какой зверь?

— Это косолапый заяц.

— А это? — засмеялась Мария Ивановна, сделав несколько шагов. За ней засмеялись и ученики. Хеймерек, не вытер-

пев, тоже засмеялся. Оказывается, она указывала на коровьи следы. Хеймерек не сводил с Марии Ивановны глаз.

Он с первой же встречи восхищался ее красотой, сравнивал ее в душе с красавицей-царевной из сказки. Теперь он понял, что ошибался. Ни с кем нельзя сравнить Марию Ивановну! Быть может, нарисовать только можно. На морозе лицо ее раздумянилось так, словно по нему переливались алые цвета радуги. Брови и ресницы покрылись инеем, на них поблескивали, словно крохотные бусы, мелкие белые крупинки. Пуховый серый платок, выбившиеся из-под него золотистые волосы на висках тоже белели в инее, глаза сверкали радостью. Вообще, вся она сияла и была чиста, как первый снег. Казалось, зимний день прибавил ей еще столько же красоты, сколько она уже имела.

Мария Ивановна тоже смотрела на него. Ученики заметили это, прекратили разговор и переводили взгляды с учительницы на Хеймерека. Марии Ивановне стало неловко.

— Куда едете, Ооржак Калчан-оолович?— попыталась она отвлечь его взгляд от себя.

— А? Я?.. Я-то! — овладел собой Хеймерек.— Я... я еду к пастуху.

На самом деле это было не так. Он видел, как Мария Ивановна пошла с учениками к реке, и поехал за ними. Он задумал сделать так: сначала проехать мимо, будто едет к пастуху, немного погодя вернуться и присоединиться к ним.

— Ну, ребята, идемте дальше,— сказала учительница.

Те обрадовались, с шумом и гамом бросились бежать наперегонки, как резвящиеся ягнята. А Хеймерек и Мария Ивановна стали отставать от них. Старая лошадь не спеша шла за ними, гремя уздечкой и притаптывая отвердевший на дороге снег.

— Мария Ивановна, вы все еще сердитесь на меня?— спросил Хеймерек.

— Как сказать... Да...

— Вы можете меня простить?

— Почему же нет? Живем в одном селе, работаем в одном коллективе. Как говорится, не имеем права сердиться.

— Маша, значит, ты любишь меня?

Мария Ивановна невольно засмеялась.

— Ой, господи! Сколько можно спрашивать...

Неожиданно Хеймерек закричал:

— Эй, ребята, эй! Хватит! Возвращайтесь, скоро обед!

Мария Ивановна сначала удивилась, но потом догадалась в чем дело. Хеймерек хочет остаться с ней наедине. Ре-

бята послушно, как приученные чабаном овечки, повернули назад и, оглядываясь на учителей, пошли между густым тальником вниз по реке. Учителя не торопясь следовали за ними. Они брели, как усталые охотники, едва волоча по глубокому снегу ноги. То ли от встречи с Хеймереком, то ли от прогулки на чистом воздухе Мария Ивановна была возбуждена.

— Твой дядя был у меня,— начала она.

— Правда?

Хеймерек не знал, что дядя был у нее.

— Правда.

— И зачем же он к тебе приходил?

Мария Ивановна передала разговор с Салчаком Канчыровичем. Хеймерек поднял ее, как ребенка, покружил и усадил в седло. Она ухватила обеими руками за гриву и испуганно закричала:

— Сними меня! Ой, ой. Не могу!

Мария Ивановна никогда не ездила на лошади. Можно было вволю посмеяться, увидев, как она сидит в седле: неумело прижав к бокам ноги, согнувшись в три погибели, готовая каждую секунду свалиться на землю. Но Хеймерек не смеялся. Он сел сзади, обнял Марию Ивановну, дернул за повод, и они поехали.

* * *

Мороз крепчал. Это ощущалось не только на улице, но и в домах. В кабинете первого секретаря райкома тоже было холодно. Поэтому Салчак Канчырович сидел за столом, накинув на плечи пальто. Он читал газету.

— Пришла ваша сестра. Пустить?— спросила секретарша. Он, не отрывая глаз от газеты, сказал: «Пусти». Медленно приоткрылась дверь и в кабинет неуверенно вошла Чашуруг.

— Па, как ты сюда попала, сестра?— спросил он и пошел ей навстречу. Он взял ее под руку и усадил на стул. Чашуруг была в длинной шубе, полы которой задевали носки валенок. Неаккуратно подвязалась поясом. Голову закутала так, что видны лишь нос и глаза. Она была похожа на сноп, неумело перехваченный жгутом посередине. Ему стало жалко сестру. Он стоял перед нею, покачиваясь с ноги на ногу.

Салчак Канчырович в молодости любил приручать молодых лошадей. Однажды сбросил его необъезженный трехгодовалый жеребец. При падении он сломал кость, которая при ле-

чении срослась криво. Так и осталась одна нога короче другой, поэтому он ходит, слегка покачиваясь.

— Зачем приехала, сестра?— спросил он и, застегнув пуговицы пиджака, сел рядом. Она долго не отвечала. Несмотря на то, что они дети одной матери, внешне брат и сестра не походили друг на друга. У Чаш-уруг лицо и волосы светлые, нос широкий, глаза черные. А у брата лицо смуглое, нос с горбинкой, волосы смолистые, глаза светлые.

— Сестра, почему молчишь? Или замерзла? Присядь к печке.

— Нет, нет, ничего.

— С кем приехала?

— Со стариком.

— А где зять?

— Ушел к вам.

Калчан-оол хитер. По такому делу он ни за что не пойдет к секретарю райкома, пусть даже он ему свой. По его мнению, говорить с ним об этом неудобно. Он не мог перечить жене, привез ее в райком, но, понимая это, в кабинет идти отказался.

— Что стряслось у вас?

Вопрос задан неспроста. Действительно, что-то случилось. Иначе в такой мороз сестра не поехала бы сюда. Даже в Кызыл-Мажалыке она бывает редко. Хорошо, если один раз в год соберется. Но и тогда не пройдет и полдня, как она начинает беспокоиться: «Господи, как там дети, скотина?» И сразу же уезжает домой. Кроме того, она до этих пор ни разу не открыла дверей государственных учреждений. Более того, жить в бревенчатом доме не желает. Дал колхоз им дом. Однако не провела она в нем и одной недели. Ссылаясь на головную боль, снова перешла в юрту.

— С чего же начать, брат? Я прямо-таки запуталась, — начала Чаш-уруг взволнованно и замолчала.

— О чем ты?

— Да вот. Из-за этого... Хеймерека ненормального.

— Что он натворил? Пьянствует, хулиганит?

— Нет, нет. Говорят, иногда выпивает он. Не слишком, чтобы. Работает.

— Тогда в чем же дело? Говори толком,— попросил брат.

— С русской девушкой связался...

— С какой девушкой?

— Не знаю, брат. Учительница там есть какая-то. Это она взбаламутила моего мальчика.

Секретарь встал и зашагал по кабинету взад и вперед. Несколько раз звонил телефон, но он не брал трубку. Кто-то взглянул в дверь и спросил: «Можно, дарга?» Секретарь только рукой махнул. Закурил папиросу и долго стоял, глядя в окно. Неизвестно, о чем он думал. Салчак Канчырович с начала тридцатых годов работает в партийных и государственных органах. За его плечами многолетний опыт. Работая с людьми, он давно усвоил, что на вопросы их надо отвечать неторопливо и обдуманно. Иначе можно ошибиться.

Постояв так некоторое время, он подошел к сестре и спросил:

— Значит, русская девушка и тувинский парень полюбили друг друга. А тебе это не нравится? Так что ли?

— О, господи, дорогой мой братик, не могу я с этим согласиться. Ее языка не понимаю. Не знаю ее характера. Да и из каких она краев? Кто знает, останется она жить у нас или уедет?.. Ни за что не соглашусь. Поговори с племянником. Нас он и слушать не хочет.

— А зять тоже против?

Правду сказать, мнение Калчан-оола еще неизвестно. Ни да, ни нет. Жене ответил «не знаю». Чаш-уруг это истолковала по-своему и была уверена, что муж на ее стороне. Поэтому ответила:

— Конечно, против... Подумай только, ведь он мой единственный сын, моя радость. Она же увезет его неизвестно куда.

Секретарь опять задумался:

— Вот что, сестра. Теперь я разобрался во всем. Во-первых, они еще не поженились. И неизвестно: будут они мужем и женой или просто друзьями. Не стоит пока вывода делать. Во-вторых, по-моему, ничего плохого нет, если они даже и поженятся. Это же — любовь.

Но сестра не сдавалась. Разговор окончился.

Салчак Канчырович подошел к столу и нажал кнопку. Вошла секретарша.

— Водитель здесь?

— Да, дарга.

— Передайте, пожалуйста, пусть мою сестру отвезет ко мне домой.

— Ладно, дарга.

Остановив выходящую из кабинета сестру, Салчак Канчырович сказал:

— Ты сейчас отдохни, пообедай. Переночуете у нас. Вечером продолжим разговор.

Вечером Чаш-уруг снова настаивала на своем, выставляя те же причины, произнося те же слова. Брат сказал ей: «Пусть сами решают». Старик Калчан-оол колебался. Весь вечер дымил трубкой: пусть, мол, решает старуха.

Когда все уснули, Салчак Канчырович, закурив папиросу, долго не смыкал глаз. Он был озабочен. А о чем он думал? Конечно, о Хеймереке.

«Рос парень почти на руках. Стоило ему только заплакать, отец, мать, бабушки, дедушки или еще кто-нибудь брали на руки, играли с ним, убаюкивали. Поэтому рос он изнеженным и капризным, избалованным и упрямым. Несмотря на это, каждый ласкал его: «Ласковый. Умный». Только мать Чаш-уруг упрекала их:

— Что вы ребенка так балуете? Изнеженным станет, а такой ребенок не может быть хорошим человеком. Пусть растет, как все дети.

Калчан-оол в сыне души не чаял.

— Что вы, мамаша? Пусть растет, это ведь «чертов подарок»,— говорил он, улыбаясь. Когда сын был маленький, он носил его на руках или на спине в другие аалы. Если его угощали мясом, он всегда оставлял для сына гостинец.

Сын часто требовал:

— Мяса хочу... мяса! Мяса!

Хеймерек сначала просил, потом кричал все требовательнее и требовательнее. И, наконец, ревел. Его ничем нельзя было успокоить: ни уговорами, ни едой. Его не успокоит ни шаман, ни лама. Утихомирить могло его только мясо. Родители никогда не били сына. Радовались, что их единственный сын растет крепким и здоровым, доставали все, что он просил. Одним словом, старались во всем угодить ему. Своих овец резали редко: одну-две в месяц. Не могли же через каждые три дня резать, как требовал сын. Надо было что-то другое придумывать.

И вот едет Калчан-оол в другие аалы.

— Дайте немного мяса. Сын покоя не дает.

Так рос Хеймерек.

До Хеймерека Чаш-уруг рожала девять раз, и все дети умерли, все ушли в сырую землю. Она горевала, лила слезы. В судьбе Хеймерека и остальных детей Салчак Канчырович сыграл свою роль. Калчан-оол и Чаш-уруг родились в старое время. Когда они поженились, в Туве победила революция. Но влияние лам и шаманов было сильное. Родители Хеймерека поклонялись им. Иногда открыто, иногда скрытно, как и дру-

гие араты. Но «спасители» чем могли помочь? Ничем. Только грабили их, беря у них лучший скот и лучшие вещи. Врачи были только в районном центре. Старик у со старухой даже в голову не приходила мысль, что надо обращаться к ним за помощью.

Как-то летом Салчак Канчыырович приехал к ним в отпуск. Старики с горечью рассказывали, что недавно похоронили еще одного ребенка. Вечером за ужином он сказал зятю:

— Надо бы, зять, три лошади приготовить в путь.

— Для чего?— спросил тот.

— Надо... Вы, наверное, слышали, что в Кызыл-Мажалыке есть доктор, вылечивающий любые болезни. Хочу свозить вас к нему. Надо выяснить, почему дети у вас умирают.

— Боюсь я, не вози меня к нему. Говорят, что доктор — мужчина. Как же я буду раздеваться при нем?— сразу же возразила Чаш-уруг.

Но Салчак Канчыырович уговорил сестру. Да и как она могла не послушаться его! Брат желает ей счастья, хочет, чтоб у них были дети. Во-вторых, он же дарга, окончил в Кызыле партшколу, грамотный, умный, говорит по-русски. Кого же послушаться, если не его?

Приехали к доктору. Он прибыл сюда по приглашению из СССР. Немногие знают его фамилию и имя. Араты прозвали его Кок-Баштыгом, потому что волосы у него седые. Ему уже за пятьдесят. На зубах — золотые коронки. Веселый такой.

Салчак Канчыырович объяснил ему по-русски причину их посещения. Тот, оказалось, говорил немного по-тувински.

— Чудесный у вас брат. Хочет вам добра,— сказал он Чаш-уруг.— Сейчас я послушаю вас. Идите сюда.

Чаш-уруг робко подошла. Внимательно осмотрев ее, доктор сказал, чтобы она осталась в больнице, что ей необходимо лечиться. Через три дня стали делать уколы. Выписали только через сорок дней.

Кок-Баштыг со смехом сказал:

— Зря вы боялись меня. У меня рогов нет. Я только лечу. Теперь у вас будут дети. Приезжайте рожать к нам.

И родила Чаш-уруг Хеймерека. Она думала, что всех девятых ее детей взяли злые духи, а Хеймерека оставили, поэтому он «чертов подарок». Теперь он вырос, хочет жениться. Да и время пришло. Не стоит ходить в холостяках. Пусть работает, живет!

Хеймерек привык настаивать на своем. А кто его сделал таким? Конечно, они сами. Как-будто Чаш-уруг не знает своего сына. А что я могу сделать?.. Это же — любовь. Старик,

конечно, на стороне сына. Но об этом он никому не скажет. Знаю: у него характер такой. Его слова: «Пусть решит старуха» — только отговорка, чтоб не обидеть ее. Это тоже известно... Действительно, что же я могу сделать с этой любовью?..

* * *

Чаш-уруг с наступающей темнотой добралась до селения. Ехала верхом, тихо прихлопывая ногами о чепрак, как будто боялась, что ее увидят люди. Мало ли что они подумают? «Не отвечала, когда дети звали. А тут вдруг сама явилась».

От мужа узнала, что дом отремонтирован: выбелен, выкрашены окна, пол, сложена печь. «Это не дом, а просто дворец», — восхищенно повторял Калчан-оол. Безусловно, старик порядком преувеличил. Однако, не зря он так хвалил. Чаш-уруг ужасно хотела увидеть дом. Особенно ее интересовала русская печь. Может быть, из-за того и приехала?

Она остановилась у своего дома, слезла с лошади, привязала ее к столбу, подошла к двери и прислушалась. В комнате шумели люди. «Что такое? Откуда они? Говорили, что дом пустой?»

Пошла к соседям. Ее встретили дети.

— А где родители?

— Отец не вернулся с работы. Мама ушла к вам, — ответила старшая.

— А что она там делает?

— Учится.

— Учится?! Мать твоя? — удивилась Чаш-уруг. Как же не удивляться! Соседке скоро пятьдесят. В тридцатые годы она тувинскую письменность выучила в кружке. Умеет читать и писать. И все. Больше никто не слышал, чтобы она говорила об учебе. А сейчас задумала учиться...

— Чему там учатся? Кто с ней? — спросила Чаш-уруг.

— Женщины там. Пожилые и молодые. Учатся печь хлеб.

— Хлеб?! Вот это да-а... А кто учит?

— Жена Хеймерека — Мария Ивановна.

Чаш-уруг постояла молча, потом попросила девочку сходить за Тоней и Хеймереком.

— Скажи им, что приехала мать. Пусть придут сюда.

Сама вышла и прильнула к окну. Стекла вспотели, видно плохо. Но можно узнать лица. Действительно, в доме полно женщин. Есть старые и молодые. А вот этот двухэтажный беленький домик с большой дырой впереди, видимо, и есть так называемая русская печь. Женщины сидят тихо и смотрят на печь. Мария Ивановна стоит спиной к Чаш-уруг. Чтобы уви-

деть лицо невестки, она обошла дом и стала смотреть в другое окно. Мария Ивановна в клеенчатом переднике, волосы причесала назад и собрала в узел. Губы ее шевелятся, видимо, она что-то объясняет. То заглянет в печь с большой дырой, то наложит тесто из деревянного бачка в железное корыто и за толкнет в печь...

Кому бы не хотелось жить в таком чисто убранном доме? Он пустовал. Хеймерек чуть не отдал его одному учителю, но Мария Ивановна не разрешила.

— Правильно, дом с такой печкой не должен пустовать, надо использовать его так, чтобы он принес пользу всем,— сказала она.

— Как?— не понял Хеймерек.

— Хочу организовать кружок. Надо научить женщин печь хлеб. Пусть председатель колхоза обеспечит меня дровами и посудой.

Мария Ивановна приступила к осуществлению своего плана. Кто не поддержит такое хорошее предложение? Все с радостью помогали. Желающих учиться было много. Ясно, что всех обучать сразу нельзя. Разбили по группам. Сейчас занимается первая группа.

Какое-то неприятное чувство шевельнулось в душе Чаш-уруг. Может быть, это была зависть к женщинам. А может, она осуждала себя... Больше стоять здесь она уже не могла.

Пошла к тем же соседям. Вскоре прибежала Тоня и обняла ее.

— Мама!

— Родная моя!— заговорила мать, целуя дочь и вытирая глаза. Тоня заметила, что мать всплакнула.

— Почему плачешь, мама?

— Да так, доченька, от радости, что тебя увидела. Соскучилась я по вас. Не вытерпела. Как учишься?

— Хорошо.

— Почему брат не пришел?

— Утром уехал куда-то верхом. Еще не вернулся. Не знаю, куда уехал.

— Как относится к тебе невестка? Не ругает?

— Нет.

— Говорит по-тувински?

— У-у! Еще как!

Чаш-уруг заметила, что дочь одета во все городское: демисезонное пальто, джемпер, ботинки. В темноте ощупала всю одежду дочери, приблизив глаза, рассмотрела и спросила:

— А это все кто купил? Брат?

— Нет, невестка.

— Иди сюда, доченька,— позвала Чаш-уруг Тоню, повела к лошади и подала мешочек. Он был набит чем-то.

— Возьми, доченька, гостинцы вам привезла. Там колбаса есть. Ешьте... Сейчас иди домой.

— А ты?

— Я поеду, доченька.

— Почему? Пойдем к Хеймереку!— потянула Тоня мать за руку.

— Нельзя, доченька... Его ведь нет дома.

— Ну, и что же. Маша дома.

— Миленькая, родненькая, не говори так... Приеду после...

Тоня не отпускала руку матери.

— Или переночуй у кого-нибудь. Вместе спать будем. «Вместе спать». Конечно, она тоже соскучилась по матери... Но Чаш-уруг не согласилась.

— Не надо, доченька. Невестка обидится и скажет: «Тоня оставила меня одну, как приехала мать».

Тоня взяла мешочек и заплакала.

— Не плачь, доченька. Ты уже большая, должна все понимать. Скажи брату с невесткой, что я была. Скоро мы переедем ближе, к весеннему стойбищу, тогда чаще будем навещать друг друга,— проговорила Чаш-уруг, поцеловала дочь и пошла к лошади.

Месяц осторожно выглядывал из-за гор. Чаш-уруг проворно села на коня, поправила полы шубы и отправилась навстречу красноватому месяцу.

Странная старушка: столько времени не виделась ни с кем, а тут приехала и, не повидавшись толком, быстро отправилась назад. Почему? Вообще, как понять, почему она приезжала? Хотела посмотреть на русскую печь или соскучилась по детям? Но почему не заночевала? Почему не зашла в дом, не осмотрела его? Почему сына не дождалась? Нет, вряд ли дело только в этом. Ее и мужа, хотя и жили далеко, не раз посещали знакомые. Что хорошо, то хорошо; что плохо, то плохо. Люди в этом разбираются. И они упрекали Чаш-уруг: «Зачем отказываешься от такой хорошей невестки? Зачем срамишь сына?..» Не оттого ли она стала сомневаться в своей правоте? Не потому ли она в сумерках побывала в селении? Конечно же, ей хотелось поговорить с родными и знакомыми, разузнать все. И, наверное, она решила поскорее уехать, не побеседовав с Хеймереком и Машей, по той простой причине, что уже осудила сама себя.

МЫ — СОРОКИНЫ

(Рассказ)

— Саша! Сашенька!

Он бежит навстречу, неуклюжий, как медвежонок, прыгает на руки. Она поднимает сына выше головы, потом прижимает к себе, ласкает, любит бархатистыми карими глазами, круглым личиком. Вот калитка детского сада закрылась за ними. Они идут вдвоем, постепенно ускоряя шаг, чтобы скрыться от резкого вечернего ветра за углом строящегося большого дома. Саша все время что-то лепечет, и его слова, непонятные другим, хорошо знакомы матери. Бывает, и днем, принимая больных или мчась по вызову в санитарной машине, Ирина Ивановна вдруг мягко улыбнется чему-то своему — значит, подумала о сыне...

Они входят в киоск на перекрестке. Там, кроме пожилой продавщицы, — никого.

— Мама, что мы купим? — Саша, вытаращив глазенки, так и припал к витрине, полной сладостей.

— Шоколадку и компот, сына, — отвечает Ирина Ивановна. И вот уже Саша крепко держит в руке, одетой в пушистую рукавичку, плитку в зеленой обертке с забавным медвежонок, а мать ставит в сумку баночку яблочного компота.

Продавщица улыбается, ей хочется поговорить.

— Мальчик или девочка? Какая забавная...

— Мальчик.

— Пальтишко, шапочка, шарфик — как нарочно подобраны! — продолжает восхищаться женщина. — Ваш, значит?

— Мой, — сдержанно и гордо отвечает Ирина.

Продавщица перегибается через прилавок, вытягивает шею, чуть не касаясь ирининого лица, и почему-то шепотом спрашивает:

— А папа — тувинец?

— Да, наш папа тувинец,— спокойно отвечает Ирина. Не впервые слышит она такой вопрос.

...Она ни разу не видела твоего папу, Сашенька. Она, Ира Сорокина, не только замужем не была, но и полюбить-то еще никого не успела — ни тувинца, ни русского. А вот Сашу полюбила — настоящей материнской любовью, крепче которой нет ничего.

Красно-желтый автобус несется по прямой улице. Скрипя тормозами, он останавливается недалеко от большого квартала, чьи стройные, красные здания издали напоминают каменные фигурки, вырезанные искусным мастером. Саша с матерью выходят из автобуса, поднимаются в свою квартиру.

Ирина переодевает малыша в домашний костюм, а Саша уже торопится — скорее в свой уголок, к игрушкам. Чего там только нет! Разноцветные машинки, подъемный кран, резиновый кот в сапогах, утка, заяц, пластмассовый негритенок. А у доктора Айболита сумочка на боку точно похожа на мамину, с какой она ездит по вызовам... Саше никогда не скучно.

Улыбается Ирина: растет сын. А таким ли он был три года назад...

— Ты стал настоящим мужчиной,— говорит она, а мысли уже далеко: вспоминается, как приехала в Туву, работала, как стала матерью этому малышу...

Спокойно, словно гордясь своим величием, течет Волга. Там, в городе-герое—родина Ирины. Там окончила медицинский институт. И вот — Тува.

Кунгуртуг с его тружениками, его неописуемо красивая природа прились ей по душе. Она стала желанной гостьей таежников. К чабанам за многие километры ездила, охотникам, выезжавшим на промысел на оленях с собаками на поводу, привозила лекарства.

О смуглянках-таежницах, для которых привычное дело — белку в глаз стрелять, писала домой, на Волгу. Смелости, стойкости их удивлялась.

Однажды вернулась из тайги — ездила перевязывать прямо на месте и отправлять самолетом в Кызыл охотника, раненого в поединке с медведем. Устала, да не успела еще порог своего домика переступить — зовут в больницу. Крошечного ребенка привезли, месяца еще нет, а болен тяжело, вряд ли выживет. Мать его — совсем молоденькая — от этой же болезни только что умерла. Жили далеко от поселка, в больницу обратились поздно...

Ирине страшно за маленького, жалко его, жаль и мать — восемнадцать лет было ей всего!.. День и ночь не отходит она

от детской кровати, все делает, что может. А все-таки надо везти в Кызыл, иначе — не выбраться Сашеньке. Это имя она сама ему дала, не было еще у ребенка имени.

Родителям сообщить? Но мать умерла, а где отец? Никто не знает. Бабушка есть, старенькая она... И вот сидит в самолете золотокошая Ирина, прижимает к груди сверточек — легонький, словно никого и нет там, — заглядывает в красное личико. А Саша дышит трудно, хрипло, и ротик у него разевается, как у малого птенца. Дорог он ей, как только родной сын может быть дорог матери. Потеряй она его, — кажется, жизнь немила станет.

Сашу положили в детскую больницу. Ирина могла на несколько дней задержаться в Кызыле: надо было взять в аптекоуправлении медикаменты и лекарства. Первую же ночь просидела у постели Саши. Городские врачи успокаивали:

— Полно вам, девушка, у нас такие обязательно выздоравливают. А вы свой долг выполнили...

Но она думала не о себе, а о том, все ли она, молодой врач, сделала для маленького больного, думала о Саше, о его жизни. Вернулась в Кунгуртуг, а сердцем все была с мальчиком, по радио каждый день осведомлялась о его здоровье.

Больше месяца прошло, и вот смеющегося, воркующего по своему Сашу Ирина перевела в Кунгуртугскую больницу. Все радовались его выздоровлению, а благодаря заботливому ирининому уходу здесь он стал совсем пухленьким, веселым мальчиком, словно и не болел никогда...

Сорокина сидела в кабинете главного врача. Осторожно приоткрылась дверь, в кабинет сперва заглянула, а потом вошла пожилая тувинка.

— Эмчиге келген бе? Чу аарып тур, мында олулар-ла, — быстро и четко сказал главный, и Ирина, как всегда, позавидовала: как он быстро научился языку! Ну, эти-то слова и она уже стала понимать: «Вы к врачу пришли?» — и дальше: «Что болит? Сядьте, обождите тут...»

Но женщина не села на скамейку, а стала что-то объяснять, и даже главный понял только одно: здесь у нее мальчик. Пригласили фельдшерницу Машу, в затруднительных случаях служившую переводчицей. Та, заговорив со старухой, сразу распознала: речь идет о Саше. Бабушка пришла, чтобы забрать домой внука.

Ирина вскочила с места, стала просить, чтобы малыша оставили в больнице — все же дома не будет за ним такого ухода... Но бабушка категорически настаивала на выписке.

— Сын моей дочери должен жить у меня. Я сумею о нем

позаботиться,—сказала она и унесла мальчика. С тоской смотрели ей вслед серые глаза Ирины — словно что-то потеряла девушка, очень для нее дорогое.

Время шло. Вдруг по поселку распространился слух, что та самая старуха решила отдать ребенка на усыновление чужим людям. Услышав об этом, Ирина бросилась к Маше. Вдвоем они запыхавшись вошли в избушку старого чабана.

— Бабушка, милая, отдайте Сашу мне на усыновление. Обещаю быть ему достойной матерью, ни в пище, ни в одежде не будет он нуждаться! Отдайте, пожалуйста!

Только когда Маша Седип начала переводить, Сорокина заметила, что в избушке немало народу. Пожилые люди, наверное бабушкина родня, сидели курили, внимательно слушали девушек. Стали шептаться между собой, обсуждать ириново предложение.

Долго молчала бабушка, видно, поняла, что просят ее от души, и вот сказала:

— Еще в больнице, когда я пришла туда за внуком, русская эмчи просила меня отдать его. Я слыхала, детей она любит, хорошая. Но пока не могу прямо ответить. Пусть завтра придет.

Ирина неохотно вышла. Досадно было и боязно — вдруг завтра не поладит со старухой. Да что поделаешь... Назавтра, волнуясь, она снова вместе с Машей переступила порог избушки.

— Не из-за пазухи вынула — под сердцем выносила и в муках родила этого мальчика моя доченька. Нет ее — тебе отдаю его на усыновление,— торжественно молвила старуха.— Ты благородная русская девушка, у тебя теплая душа. Я так понимаю. Говорят, лучше чужому, совсем незнакомому человеку ребенка в сыновья отдать, чем своей родне. Я верю, что ты не обидишь сироту, вырастишь его человеком.

Обрадованная Ирина не знала, как и благодарить бабушку. Маша потихоньку шепнула ей:

— Ты не знаешь наших обычаев. Надо обменяться угощением.

Поскорей вернувшись в поселок, Ирина побежала в магазин. Маша сказала, по обычаю угощение должно состоять из сладостей и вина. Самые лучшие конфеты, бутылка — темные вишенки на этикетке напомнили Ирине и сады над Волгой, и карие Сашины глаза... Радужно встретила гостей бабушка, подала ей свое, «белое угощение» — густое молоко в широкой чаше. Залпом выпила его девушка, а старая женщина погладила ее золотисто-русые волосы, привычно понюхала головку ребен-

ка, потом названной матери и передала ей Сашу. Даже не заметила Ира, как выбежала на улицу, прижимая маленького к себе.

Забот прибавилось. Купать теплой водой, пеленать в белоснежные простынки, кормить, укладывать... Ирина накупила распашонок, одеялец, перечитывала книжки по уходу за маленькими детьми... Врач, она много знала о детях, но ей все казалось, что этого недостаточно.

Она и раньше знала бессонные ночи, но то были ночи над постелями тяжелобольных, а теперь — над детской кроваткой. Старшие товарищи, опытные матери, помогали ей советом, в свободные часы забегала Маша...

А потом пришел приказ министерства. Ирину Ивановну Сорокину перевели в Кызыл, она стала работать на участке. Дали ей квартиру, малыша устроили в ясли.

Когда она собиралась уезжать из поселка, к ней в больницу пришла Сашина бабушка:

— Зайди, дочка, с сыном ко мне, чайку попьешь.

И они пошли втроем, конечно, с ними была Маша. Пили чай с густым молоком, ели ароматный хан и свежую баранину. Но лучше всех угощений были для Ирины задушевные слова старой женщины — слова радости, слова почета...

Саша играет в своем уголке. Ирина стряхивает снег с его черных валенок, кладет их вместе с рукавичками на батарею парового отопления — подсушить. Хорошие валенки, самокатные, и рукавицы самовязные — от бабушки, из Кунгуртуга подарок. Прошлым летом ездила Ирина с мальчиком к ней в гости. А теперь к своим родителям, на Волгу, сына погостить повезет.

Она идет в кухню, принимается готовить ужин. Негромко играет музыка — Ирина любит слушать радио, когда делает что-нибудь по дому. Она даже тихонько подпевает полюбившейся тувинской песне — «авай, авай». И, услышав знакомое слово, с этим же словом бежит к ней Сашенька. Опять, как в детском саду, вскидывает она его на руки:

— Как твоя фамилия, сынок?

— Со-ро-кин. Мы — Сорокины! — весело кричит мальчик.

Петр ЧЕРКАШИН

ГЛУХОЙ НЕВЕДОМОЙ ТАЙГОЮ

(Отрывок из книги «Ты взойди, солнце красное»)

РАССКАЗ СТАРОГО ПАРТИЗАНА

...Жили мы тогда на Малом Енисее, в Шане, в десяти верстах от Знаменки. Вот, братцы, времена так времена тогда были. До семнадцатого года толковали: боже, царя храни, а опомнились: боже, царя возьми, вознеси его и казни.

Да-а!.. Так мы тогда четыре брата и жили. Не из трусливого десятка были. Наша родня на печи не дрожит, да мы и сами на полу спим и не падаем. Вот так!.. По фамилии мы Таракановы. Я — Макар, старшой сын Евдокима. По крови своей мы красные. Потому и партизанством занимались. Не зря нас белобандиты краснопузиками величали.

Летом, бывало в воскресенье, каплю медовушки хватишь — и на плот к воде. Внутренний жар тушить. А ребятишки, как чертенята, из реки выскакивают, кричат: «Дядя Макар, расскажи, как в гражданскую воевал, как иконы шашкой порубал?»

Ну, куда тут деваться? Приходится отчитываться за биографию.

— Эх, милые вы мои, — говорю им, — разбойники огородные, я не только святых угодников — у белых христовцев головы кой-кому отсекал... — И выкладывал за рассказом рассказ.

На тувинской земле, а по-тогдашнему в Урянхайском крае, в конце 1919 года ужасное было безвластие и запутанная анархия. Людишки жили всяк по себе и кто во что горазд. Комиссар — управляющий господин Турчанинов, по прозвищу «малый Колчак», от партизанской армии Кравченко и Щеткина вспорхнул и полетел с казенным золотишком в Тоджу. Мечтал, должно, Амыльской тропой в минусинские земли скрыться. Да вот — не вышло. Свои же душехранители заха-

пали у него богатство. Его, говорят, убили, а тело бросили в тайге зверям для подкормки...

В сентябре, значит, сибирские партизаны ушли за Саяны. И в столице края — Белоцарске (раньше так Кызыл называли) начались шатания всякие. Одни убежали от белых, другие от красных. А двуликие — розовые, пользуясь смутой, обдирали дома, грабили барахлишко. По деревням многие из нашего брата в свою, так назвать, науку ударились: изобретали один хитрее другого самогонные аппараты — и пошел хлебушко на сивуху. Идешь, бывало, по улице, а гарь спиртоносная так и въедается в нос. Пьяными были не только грешные обитатели наши, а и кони с коровами — сосали барду из колод.

В то-то самое время монгольский хан из столицы Урги увидел вдруг, что чехарда у нас поехала. Приказал своему военному начальнику Хатон-Батор-Вану захватить Тянну-Урянхайскую Монголию. Так они называли Туву. Всех, дескать, русских по шапке и в Усинский край. На правый берег Енисея. С потрохами переселить! Потому-де, что граница на вечные времена ляжет по Большой реке. Тут должен я сказать вам, кто такой был Хатон-Батор-Ван, зачем пришел он к нам, на землю урянхайскую. Не путайте монголов с беломонголами. Народной революции в Монголии в ту пору еще не было. Феодалы да баи ихние делами там вершили. Они и в Урянхай свои отряды прислали. А Хатон-Батор-Ван был командиром тех монгольских солдат, что пришли непрошенными на нашу землю.

Так вот и лютовали монгольские феодалы в Туве. Русских, говорю, всех за Енисей выдворить хотели, а кто останется, — мол, покорись штабу Хатон-Батор-Вана. Сдай оружие и выплачивай контрибуцию. С каждого двора — пять пудов муки, просеянной, пшеничной, сено да маральи рога и пушнину. Тувинским арадам тоже на калачи отламывалось — обеспечь коней, сдай мясное и молочное, подчиняйся во всем...

И китайский император не дремал. Узнал, что в наших местах русской власти нет, — послал солдат с комиссаром Ян Ши-чао. Тут, братцы, разыгралась, как в цирке, международная заваруха. Кто кого хотел покорить — без бутылки не разберешься.

В переполохе повылазили из берлог, зарычали наши доморощенные банды Мелегина и Сафронова с белоказацкими офицерами. Прицеливались изничтожить оставшихся большевиков. Для этой самой цели и с монгольскими феодалами снюхались...

А у нас в Бояровке и Знаменке находился небольшой партизанский отряд. Алексей Квитных — командир, Сергей Хлеб-

ников — заместитель. Обратились они с воззванием к народу: не сдавать беломонголам хлеб, долой незаконную контрибуцию! Все поднимайтесь против грабителей — врагов русской и тувинской бедноты.

Прочитав партизанское сочинение, Хатон-Батор-Ван и вожаки русских белых банд придумали ловушку: собрать в Верхне-Никольске съезд представителей русских поселков, схватить командира нашего Квитного и других активистов, а там уж, рассчитывали, все пойдет, как по маслу. И создали-таки этот съезд. Сам сайт — начальник отряда восседал в президиуме, требовал от малоенисейских партизан сложить свое оружие.

— Да, мы все имеем грозное оружие,— отвечал беломонголам Хлебников.— Получили новенькие трехлинейки и патроны, пулеметы и бомбы — от штаба Кравченко и Щетинкина. Но от имени всех партизан заявляю: оккупантам оружие мы никогда не сдадим!

Удалой парень был этот, Хлебников. Оружия-то не было, можно сказать, у нас, так он для устрашения это сказал, а сам ночью, пока не арестовали, оседлал коня—и лови в поле ветер.

Зима в этот год была особенной. Снегом — хоть завались и морозы сильные. Мужики-партизаны и иные безразличные — из Бояровка и Знаменки, Федоровки и Зубовки, из Медведевки и Шана — съехались для тайных переговоров. Сергей Хлебников, наш делегат, выложил о «съезде» все. Тогда командир отряда Квитный спрыгнул с коня и, передав кому-то повод, речь стал держать...

Любили мы нашего Алексея Петровича. Голова был мужик. Он и в тюрьмах мыкался, он и в ссылке страдал. Как бунтовщик-большевик прятался от ареста. А потом, в восемнадцатом, народ избрал его в Урянхайский краевой Совдеп. Кравченко и Щетинкин приказ ему объявили: держать самообрану народом, руководить на Малом Енисее партизанскими делами.

С наружного виду он внушительный мужчина был. Высокий, приятный и станом крепок. На оспенном лице борода небольшая, но густая и курчавая. Старовер не старовер, а табачищем не наслаждался. Характер держал спокойный, но был настойчив и шутник. Где плакать надо, а он все свое: «О чем это плакать? Нехай враги наши плачут». Выговаривал с украинским уклоном, заметно было, что «хохол». Ходил в черных катанках с отворотами, в черном полушубке и в мерлушчатой папахе. А сбоку здоровущий маузер в деревянной кобуре.

— Усиленно требуют явиться к Хатон-Батор-Вану в штаб,— сказал Квитный.— Но мы не пойдем в их капкан. И встречать их здесь не собираемся. Для чего? Чтобы разружили!? Превратили в рабов!? Нас мало и оружия нет. Надо в Усинское уходить.

— Собираться!

— Сегодня же отступать!

— К усинским партизанам в гости!..

— Мужики!— перскрыл всех голос Федора Шарыпова, председателя Совета из Бояровка.— Засядят вас блохи с тараканами — нам всем скрываться надо! Не будем же на колени вставать? Целовать у вражьиx винтовок дула? Пакостно унижаться?!

Кое-кто, особенно бородачи, молчали. Как воды в рот набрали. И, видно, думку какую-то про себя гаили.

— Махнем, ребята, в Усинск! Соединимся с тамошним отрядом, поживем с ними и снова вернемся к своим берлогам.— Алексей Петрович почесал бородку, улыбнулся, обвел всех добрым задушевым взглядом.— А ежели кто не желает собираться и отступать, отправляйтесь восвояси. Ваша воля, а наше поле: биться не хотим и поля не отдадим.

Решено отступать.

Тут прибегают к нам наши тувинские друзья-араты, прямо к Хлебникову. Опытный воин он был, девять лет в царской армии отслужил. Рассказывают:

— На Терзиг орда монгольских цириков нагрянула. На хороших конях. В Зубовке — также, с винтовками... Болтают: всех красных переловим на арканы.

А мы-то не очень и побаивались их. Своих земляков из белой банды опасались.

Вечером ввалился к нам наш деревенский Андрей-большак. Он все больше к белым склонялся. И давай спрашивать да потихоньку намеками разубеждать: дескать, не ездите. Наши ребята — Шарыпов да Кириллов — подпоили его и давай дубасить: «Ты зачем пришел сюда, волчий выродок? Тайны вынюхивать да рюмки дожидаться?» Схватили и потащили в прорубь. А он кричит: «Бросьте, ребята, не бейте. Вместе с вами хоть на край света пойду». Оставили его в покое, а он убежал и скрывался да нашим семьям мстил.

И вот раненько утречком 6 декабря по старому, в «зимнюю Николу» тронулись за двести верст. Впереди верховые, а в хвосте вроде пехота образовалась с обозиком припасов на саях. Далеко за деревню провожали нас жены и родители, ребяташки и вся родня.

Ехали молча, каждый раздумывал о своих печалях. Тихо поскрипывали сани. Морозец только начинал заигрывать на парных усах. Человек двадцать молоенеисейских не явились в отряд, сдрейфили и остались на милость белобандитов.

— А мы не будем им кланяться, пойдем одни.— Посмотрел Квитный на свое войско — сто пять человек. И на своих командиров — их было трое — Сергей Хлебников, Христофор Алехин, Прохор Пономарев. Оружия самая малость — несколько винтовок, крымские берданы и дробовики. Дорога шла с востока на запад, по Малому Енисею.

Миновали Федоровку и к рассвету подкатили к Зубовке. Тут разведка наша на монгольский разъезд напоролась. В Зубовке совещаемся — командиры и мы.

— Прочитать надо непрошенных гостей, — горячился взводный Пономарев.

— Что и говорить!.. — заметил Хлебников. — Мы отступим, а дети и жены останутся... И избы сожгут.

— Что с ними сделают?

— Мы вчера еще узнали от друзей-тувинцев о заставе в сорок цириков. — Квитный снял с себя японский карабин и добавил: — Пошлем делегата на заставу: пусть пропустят наш отряд без боя. — Квитный обратился ко мне, сказал, чтоб я поехал за деревушку на юрты, с монголами договариваться.

— Что ты, Алексей Петрович! Задарма пропаду, — возразил я ему. — Из меня, брат, плохой посол, характер ношу за пазухой, что крутой кипятюк. Не выдержу — потасовка начнется. Уж сложить голову, так в честном бою.

Квитный схватился за маузер, но потом спокойно и с усмешечкой посмотрел на меня.

Отошел он от меня, махнул нагайкой и послал другую делегацию — Егора Анисимова и Николая Зубова. По-тувински тоже хорошо разговаривали, а у монголов был толмач для тувинцев.

Вернулась делегация с пустыми хлопотами: не пропускают, от сайта требуют бумагу с печатью. Они к нему в штаб уже нарочного послали, велели ждать возвращения.

— Никаких мы тут нарочных, а вернее военного подкрепления ждать не собираемся. Не задерживать и с ходу на прорыв! — командовал Квитный.

Четыре юрты военной заставы стояли с версту от Зубовки, на узкой полоске между скалой и Енисеем. Монгольские солдаты, в широченных белых шубах с длинными рукавами, у некоторых покрытых зеленой или синей материей, затянуты были цветными опоясками, на головах теплые шапки, как юр-

ты, остроконечные, с меховыми ушами. И на макушке у каждого — беличий хвостик. Они все на конях, бросили свои юрты и на самой вершине сопки, в камнях, свили свою засаду.

Четыре первых наших разведчика, прижимаясь к скале, рысцей проехали ущелье. Помню — в утренней белесой дымке висела морозная тишина и луна, как яичный желток, расплылась и замешкалась на горизонте. Следом за разведкой командир Квитный и десять отборных кавалеристов, куда и я с братухой угодил, хотели проскользнуть. Но со скалы загрохотали выстрелы, и мы, как осой ужаленные, в полном карьере, как на бегах, задали стрекача. Только ветер полоскал лицо и уши, и слезы сочились из глаз. Умирать-то здесь никто не обзывался. У бояровского Лешки Юртаева коня слегка подшибли. Но задерживаться некогда. Горячка захватила. Промажнули узкое местечко, объехали скалу, в крутых ложках спешили. Лошадей связали и начали с фланга палить по засаде. Пехота с Хлебниковым тоже открыла огонь, цепью ринулась мимо юрт. Поближе ко льду Енисея, чтобы, значит, растянуть расстояние на версту от засады. Стрельба продолжалась, но была бесполезной...

Лежу я с братом Родионом в ложке. Хотя далековато, но цириков видно. Стреляем в небо, вроде шилом тыкаем в море. Так себе, для отвода глаз. Ну, что это за война? Монголы за камни попрыгались.

Квитный лежал в соседнем ложке, наводил бинокль. Да что их изучать через стекла, когда одним глазом можно всех на мушку поймать! Смотрим, наши коноводы с обозом вскачь под горой несутся. Стрельба стоит, и наши кричат. Монголы вообразили, что их окружают, сразу затихли — и ходу в лога. Собрались мы все, выяснилось: двух коней в обозе устукали и нашему обозному интенданту Федору Егорову — и надо такой оказии быть — сбоку пуля прошила обе пятки.

Поехали дальше. Верст двадцать пять отмахали. Заночевали на заимке Муромцева. Вдруг разведка доносит, что ночью по левому берегу Енисея монголы объехали наш отряд и на переправе Кок-Тей в тальнике засели. И в Белоцарске еще отряд.

Путь отрезан, ехать некуда.

Квитный собрал всех партизан и говорит старожилу заимки, бородатому старичку с румянцем:

— Вот что, дорогой хозяйюшко, гражданин Муромцев. Ты не прогневайся на нас, красных. Бросаем мы в твоей ограде все наше добро: сани, тридцать мешков овса, продовольствие всякое, хомуты и прочее. А сами скроемся в горы. Оставляем

также в твоей хате нашего раненого товарища. Храните и лечите травмами его, но не вздумайте выдать беломонголам.

— Ты понял, что командир сказал?— закричали разом многие партизаны.

— Понял!— кивнул головой хозяин.

— А если предашь — возвратимся, и тогда все у тебя пропало! Время и законы суровые...

Я смотрел в глаза Алексея Квитного: дрожь прокатилась по моей спине, и не узнал я командира. Вот это в моем характере было, понимаю я, давно бы так! Муромцев тряс головой, перекрестился три раза и душу в пятках отогревал...

Каждый из нас привязал к седлу мешок с фуражом и довольствием на три кормежки, и, отдохнув, в полночь верхами мы скрылись. Тропой чуть заметной, по ущельям Ондумских гор гуськом пробирались к устью Тапсы, где Большой Енисей, на займку Сафьянова. Заночевали. Снег пошел, буран поднялся. Долго блудили в потемках, чтобы от займки выбиться в Каменный ключ да по старой колесной дороге на Уюк выехать.

Изнурились мы в этой дороге по ущельям. Из-за каждого поворота ждали выстрела.

Оглянулись — батюшки мои, а позади-то, на увале, у Большого Енисея, на конях беломонголы тут как тут. Пронюхали, как ищейки. Едут по нашим следам деликатно, нападать не решаются. Разведка не моргает, и мы начеку!

Отдыхаем в Уюке — и они поблизости, верст за десять, на могойской мельнице чай разваривают. К ним тут прибыло подкрепление из Белоцарска, да из Турана богачи с казаками приехали. Мы на туранском зимовье ночуем, и они свои юрты ставят невдалеке. Смеемся с ребятами, подшучиваем: мол, старые знакомые с военной церемонией провожают нас. Замечаем, отстают от нас «телохранители». Потом совсем как сквозь землю провалились. Чужая сторона, брат,— дремучий лес. Едем гуськом и попарно по легкой колесной дороге, снег еще так себе, до колена. На устье Иджима, на развилке, где сходятся Минусинская, Усинская и Белоцарская дороги, маячит полосатый столб. Все спешились и закурили. До Усинска 18 верст. Подъезжают Квитный с Хлебниковым. Квитный говорит:

— Назначаем Макара Тараканова начальником разведки. Вместе с братом Родионом Таракановым остаесть здесь, на своротке. Выбрать позицию и наблюдать: сколько беломонголов приедет, какое оружие и есть ли русские с ними.

А потом садиться на коней и другой прямой дорогой — к нам. Оставляем овес и сало с калачами.

— До сей поры Макар грядки копал, а ныне Макар в комиссары попал. Слушаюсь, все будет исполнено!

— Языки знаешь, тувинский, монгольский?

— Так точно. Верчу языком, что корова хвостом...— И самому стало смешно.

Наши ребята помахали нам лохматыми рукавицами и подались влево на Верхне-Усинское. А там уже знали от наших гонцов — встречают как военную рать. За поскотиной, где старый Мочак, вытянулись во фронт все усинские партизаны на лошадях, и сам командир их Поликарп Козулин слезает с коня и чокается ладошами с командирами и бойцами, разговаривает:

— Наша армия теперь раздобрела...

А была в тот день суббота. В баню ходят, пироги пекут и медовуху пьют. Ребята разбрелись по родным и знакомым, на ту сторону речки в Нижне-Усинск катанули. Штаб отряда разместили в доме купца Вавилина, вместе со штабом усинских партизан.

— Надо ставить усиленные посты за селом да и засаду сделать,— предложили малоенисейские партизаны.— Могут банды накрыть.

...На отворотке, у Иджима, мы привязали в логу пегашку и карюху, сунули им в морды фураж, а сами за полсотни сажень от дороги в скраде на хвою залегли. Звуки ловим, глазами стреляем. Всю ночь прокурили листовуху. Тишина до тошнотворства. Ранним утречком, как только начало отбеливать, побежал я по тропке к своим лихачам в ложок, чтобы размяться от хиуса. Вернулся и говорю братишке:

— Родион, надоело здесь, елки-моталки, без пользы торчать. Зачем здесь замерзаем? Давай проскочим в Усинск, к теще на блины. Ведь сегодня воскресенье, пусть замену шлют.

— Не тарахти,— буркнул он мне.— Вот они, субчики...

Смотрим в четыре глаза, не верится: из-за пригорка важно выплывают в белых неуклюжих шубах те же самые беломонголы. На своротке покружились с конями, столпились у полосатого столба, тары-бары, по-своему лопочут, а мы слушаем. У меня сон в бессонницу превратился, я даже от дыхания отказался, рот раскрыл для вентиляции, чтобы не услышали мой сап. Чувствую, сердце молотит и глаза лезут вперед. Думаю, вот бы трахнуть по ним, воображаю, какое светопреставление получилось бы. Слышим, командир их волнуется, по-своему спорит с ламой и русскими казаками, два переводчика —

на тувинский и русский не успевают перетолмачивать. Понимаем: командир трусит с партизанами бой открывать, а лама ему убежденные выкладывает. Тут все они разом построились, и лама начал обегать всех кругом, а потом выкрикнул:

— Теперь к вам никто не коснется, и пули вас не возьмут. Я все их заговорил. Все пули горохом за пазуху будут сыпаться...

Потом так было дело. Вбегает Полнкарп Козулици и голос дает:

— Товарищи, в ружье, банда наступает!

Алексей Квитный не дрогнул, не растерялся. С кучкой ребят закрутил оборону и отбил штаб от нападения. Партизаны с оружием повыскакивали во двор и за заплотом попрятались.

— Ну, ребята, без моей команды не стрелять. Встретим их свинцом!— спокойно, как будто в прятки играя, сказал Квитный, вставляя обойму в карабин.

Стоим вдоль забора и смотрим через щели на улицу. Тут еще солнце сбоку заиграло, все ясно стало, как на вымытой ладони. Из-за угла выскакивают с белым знаменем всадники и на ходу стреляют по окнам штаба. Откуда они могли пронюхать расположение наше? Впереди, видим, командир с заместителем, а подальше лама. Подпускаем поближе, гляжу — все целятся и ни гу-гу, замерли, аж мурашки под шкуру лезут. Квитный крикнул:

— Огонь!

Залпы грохнули, в ушах зазвенели гармошки. Монгольские командиры и лама, как мешки, повалились с седел. Не дошла, видно, до Будды молитва-то!.. Кони под всадниками поднимались в дыбы, кружились и бросались в стороны, как дикие, неслись по улицам и переулкам. Суеверные ширики без командиров и колдуна в панике разбегались и отступали...

После боя взбудоражился весь Усинск. Шумел, как речка на порогах.

Потом возвратились из-за Саянских хребтов Комалов и Давыдов, нарочные от усинских партизан. Из Минусинска они доставили приказ Щетинкина: не нарушать международных отношений с Монголией, боев не принимать, при оскудении боеприпасов и угрозе белых банд иметь в виду немедленное отступление в Минусинск.

Отступаем?!

Не успели разуться и просушить портянки, а тут снова беда и горе, что твое море: не переплыть, ни вылакать. Все хлопчут, собирают в мешки сухари и булки, сушеное мясо и мороженое молоко. Староста Медведев, старик с лохматой боро-

дой, мобилизует подводы, грузит овес и сено и железные печки на всякий случай. Собрали охотничьи широкие лыжи, обшитые кожей с лошадиных ног, уложили в пять возов и в ночь айда в поход.

Двадцать боевых ребят остались в Усинске искать продовольствие и фураж, направлять подводы к отступающим и следить за обстановкой.

Оба отряда слились воедино, командиром сделали нашего Квитного и начальником штаба Козулина.

На первом ночлеге они совещались и сочиняли старосте Медведеву писанину:

Евстигней Никифорович!

Если ты выдашь наши семьи в руки паскудных белобандитов, то, когда мы вернемся в Усинск, тебя первого спросим и потребуем: где они? Ты ответишь за наши семьи своей головой. Объяви это всем жителям на общей сходке. Подписали — Квитный и Козулин.

Староста собрал всех граждан и зачитал послание. Сказал, что если уничтожатся семьи красных, то возвратятся партизаны и побьют семьи других, таким образом, все село будет изничтожено...

Лесная широкая просека уносила наш путь по тайге и горам, заваленным снегом. Шутя прокатили мы дорожные станции Медвежьё и Арадан. Снег возрастал и мороз сгущался, но мы, покуривая, цыкали сквозь зубы на это. Первый день ехали — не война, а малина. Семь взводов, по сорок гавриков в каждом, задавали перцу, что гудела тайга. Усинские — Кузнецов да Петров даже сами сочинили песенку и надсаживались во всеуслышанье, а взводы подхватывали:

Козулин — наш отец,
А мы его сынки,
Ни шагу не отступим,
Забрякали замки...

Квитный с братом Сафроном, Хлебников и Савгир затягивали малороссийские песни, а цыган Егор запевал каторжную песню и все подхватывали:

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной...

Путь наш шел вверх по ретивой речке Ус. Смотришь на горы и заросли елей и лиственниц, будто белейшей крупчаткой засыпанных, — и бесконечно дивишься красоте их загадочной. А когда солнце начинает заигрывать с тайгой, искрится миллионами серебрушек вся эта темно-зеленая седая махина.

Остановились, сгучились. Квитных с Козулиным подошли к рыжебородому утесу, и все мы разом потащились за ними. Весь снег был исписан следами зверей. Партизаны — природные охотники — загорелись в азарте и прямо без промаха разгадали таежный случай. Всем было ясно: к скале прижимались маралухи с телками, а в полукруге маралий бык грозно сопел, косил глаза, от волков отбивался рогами и копытами. Весь снег истолчен был с песком, а там, где лежали кровожадные, остались подталые вмятины.

— Большой малого гасует, да еще и бье. За то, що сила е! — гаркнул Квитный. — Таков закон тайги. В смертный час олени сомкнулись, окрепли силенкой и не сдались, а злые воюги с носами ушли! Здесь есть чему поучиться...

Оглянулись, видим: обоз догоняют двадцать наших кавалеристов и с ходу кричат:

— Беда, братцы, беда навалилась. Банда отрезала нас, Усинск заняли, а мы — убежали!

Тут сразу сердце оборвалось и в душе защемило у некоторых слабожильных. Присмирели, как караси в неводах. Чем кормиться будут триста коней да триста седоков? Чем?

...А на Малом Енисее карательный отрядик с командиром Найда во главе рыскал по деревням, выколачивал «контрибуцию» с народа, очищал район от красных. В Бояровке Андрей-большак, которому оплеух надавали партизаны перед отходом, со своими друзьями поучали монгольских феодалов справляться с партизанскими женами.

— Поехали ваши шабурники чертей глушить, а их всех перебили. У Зубовки трупы на льду валяются, вороны да волки растаскивают...

— А Квитный тоже на Усинском своротке у столба растерзан...

— Всех расстреляют! — злорадствовали местные кулаки.

— Мы покажем вам, где ваши краснопуки почивают! — измывался Андрей-большак.

Над головами истерзанных женщин и детей дали залп и все попадали. Подняли их и заставили снова голыми коленями стоять на холодных камнях и целовать стволы винтовок.

— Стоит ли пули на них тратить? Енисей пойдет — всех на первых льдинах в Туруханск отправим...

...А мы подъезжали уже к Буйбе, впадающей в Ус. Просека круто разворачивалась влево и была завалена в сажень сугробами. Кончался декабрь. Стужа ожесточалась. Бороды и усы обрастали сосульками, руки и ноги деревенели и, как грабли, не поддавались сгибанию. Одежда у нас была разно-

видная: кто в шубенках и полушубках, кто в стежонках. У многих на головах лохматые папахи с красными лентами.

— Спешиться!— раздалась команда Квитного.— Все встанем на лыжи и начинаем греться, дорогу пробивать!

Тут путь для обоза закруглялся. Всех мобилизованных усинских с возвращением поздравили и отпустили на санях домой, а овес, сено, еду навьючили на коней.

Поликарп Козулин, в шубной борчатке и папахе, с красной повязкой на рукаве и с малиновым бантиком на груди, как начштаба, побрякивая шашкой и маузером, на охотничьих лыжах с бойцом выводил вперед красавца гнедого жеребца. Он, на поводу у лыжника, вожаком шел впереди отряда — дороге мял и топтал. Отряд гуськом растянулся по просеке. Каждый взвод, бросая лошадей коноводам, по очереди забегал на лыжах вперед и широкими деревянными лопатами делал тропу-канавку. Десять верст еле-еле проползали за сутки через саянские хребтины и тайгу. Дни и ночи в снегу, на холоде.

Окончились запасы продовольствия и фуража. По рядам поползли недовольство и ропот. В четвертом Усинском взводе больше всех поднимался гвалт. Потом-то поняли, что пять усинских старожил, бывалых раньше в белых дружинах, затесались сюда, стали красными. Фельдшер Князев бунт поднимал, людей подначивал, а сам как будто в стороне стоял. Бойцы окружили Козулина, кричали:

— Куда завел ты нас? Жрать нечего, животные с голоду упадут. Говорили, надо было оставаться дома.

— Погибать, так в своей избе, с женой и ребятишками, чем очочуриться здесь!

— Утро вечера мудренее,— сдерживая гнев, отвечал начальник штаба.— Собрать будем в общий мешок все крошки от бойцов и делить их поровну. А кто песни орал «ни шагу не отступим»? Теперь горло готовы перегрызть? Не бросайтесь в панику, нас выручат. А ну, Кузьма Спиридонович, задай на гармошке казачка!

Веселее стало на душе, засмеялись.

— Что, братцы,— донесся в сумерках голос Квитного,— передохнем до зорьки?

Около разоренных и сожженных бараков полустапка, построенных каторжанами из Иркутского тюремного ведомства, привязали лошадей. Они с голоду рвали кору с деревьев, со скрежетом грызли бревна, копытили оледеневшую землю и ловили губами былинки. Под кедрачами разгребли снег, натаскали хвою вместо перин, приволокли сухостой и разом

по кругу затрещали и запылали огромные малиновые костры. В котелках таяли снег, кипятили воду, заваривали жимолость и смородинник. Снимали с лошадей потники и седла, сушили портянки, оттирали обмороженные места.

— Вот чай из лекарственных трав, кто первый, налетай! — смеялся бритый белообрый Сергей Хлебников, в далембовой тужурке, в папахе набекрень. — Двенадцать болезней излечивает, а тринадцатая — грешную душу на тот свет...

Куда деваться, кому пожаловаться? Конским мясом надо было спасать себя. Усинский татарин Камалов, что к Щетинкину нарочным проходил, забивал нам «гусятину» из-под дуги... Мастак он был и на это дело. Непривычно нам стало конину есть, не заведено в обычаях, а некоторые партизаны староверами были.

— Помру, но есть не буду! — первым громко заявил фельдшер Князев. — Супротивна человеческой природе такая мразь...

А наш малоенисейский Белогривцев прямо сырую да горяченькую печенку ел.

— Эх, хороша закуска! — закатывалась от смеха наша братия.

У костров шипели и жарились на шомполах шашлыки, варились супы. Делились между собой кусочками каменной соли.

На круг, к упавшему дереву, подошли Квитный с Козулиным и взводные командиры. Около костров вспыхнуло собрание. Немножко пошумели, покричали, распугали всех зверей в тайге.

— Кто желает добровольцем на лыжах в Григорьевку махнуть и связаться по телефону с главным партизанским штабом? — помахал Квитный белым пакетом.

Все молчали. Трудный и страшный был путь по Саянам, за сто километров, через горы и тайгу. Первым вызвался Ерас Охотников, здоровый и крепкий человек. Он несколько лет здесь почту таскал на лыжах из Усинска до Григорьевки. Дорожку знал наизусть. Вторым вышел Ванюша Воронин, малоенисейский партизан. Стройный и ловкий охотник, он не заблудится и не струсит, маралов живыми из тайги выводил. Рано утречком трое нарочных-разведчиков ушли по просеке.

На собрании с народом говорил Квитный. В грозный час он всегда спокойно улыбался и говорил смиренно, по-домашнему:

— Пробьемся, обязательно к своим пробьемся. Только не поддаваться страху. Зачем бунт поднимать? Партизанский отряд — добровольное дело. Сюда вас силой никто не гнал.

Кто не желает с нами идти — ваша добрая воля, отходите в сторонку, получайте долю пайка, вставайте на лыжи и возвращайтесь в Усинск. Вертайтесь, говорю вам, пока не поздно, еще страшнее будет впереди. Все мы начали поход по согласию и нужду будем так же делить!

В глубоком раздумье сидели мужики у костров, никто не шевельнулся и не дрогнул, чтобы разлучиться с отрядом. Тут Поликарп Козулин на середину круга бросил войлок, поставил ногу на бревно и расправил рыжую бороду.

— Значит, никто супротив красных в контры не переходит? Возражений нет? Воздержавшихся нет? Так и запротоколируем. А теперь последний вопрос на повестке партизанской сходки. Напоминаю: за первый проступок — пятнадцать плетей, за второй — увеличивается и за третий — расстрел. Приговор исполняется взводом, где находится преступник. Ясно?

Долго еще у огня сидели, теплом наслаждались. Цыган Егор лихо затянул песню и разом триста голосов подхватили:

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик...

Спали не спали, дремали не дремали, а подсушили портянки, отмерили пайки по несколько сухариков на душу в сутки — и с рассветом давай еще злее дорогу прогребать. Отдирали тесины с барачных полустанков, вытесывали лопаты.

Кавалерия наша отошала и пришла в упадок, простояла без корма голодная и холодная. Напили ее таяным снегом и потянули за собой.

— Не тушеваться! — часто повторял Квитный. — Нарочные далеко впереди, добрые люди нас выручат. Пробьемся, не поддаваться страху!

Снег в тот 1919 год был особенный, подвалило ворохи. Мороз грянул лютый и коварный, как бродячий медведь в январе. Деревья перемерзали и ломались.

На вершинах Саянских хребтов частенько бушевали долго не утихающие выюги. И когда отряд прорвался к Буйбинскому перевалу — сразу пошло светопреставление. Ураган завывал, как стая волков, с остервенением рвал и метал сыпучий снегопад. Закручивались снежные вихри, свету белого не видать. Холод ожесточался. Выдался он ядренее крещенских морозов, как кинжалом хватал по телу. Забой накалало на две сажени. Вожак наш — Гнедко, для которого овес сохранили, скачком проминал тропинку.

Смотрим — дожили до ручки, начался падеж нашей конницы. По цепи все чаще докладывали командиру, что животныедохнут, а обессиленных людей вьючно везут. Следы каравана пургой зализывались, только местами в забоях были видны торчащие конские ноги.

— Костры-ы па-а-алить!..— доносились с ветром еле слышные голоса. На опушке тайги разгребали наносы и за снежным валом запахло дымком. И даже в эти минуты ребята не унывали.

А когда кому-то где-то становилось неважно — тут же появлялся Квитный и спокойно, рассудительно спрашивал:

— Что ты тут бормочешь?

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ДАВНО ЭТО БЫЛО

«ПЧЕЛКА»

Через наше село проходил главный Сибирский тракт. По нему днем и ночью тянулись нескончаемой ниткой обозы с товарами — на восток с мануфактурой, железными изделиями, а обратно — с китайскими товарами — чаем, шелками, редкостями и пряностями. В летнее время по тракту с востока гнали тысячные гурты рогатого скота, табуны лошадей.

Мне было лет десять. Купаясь в реке Кан, мы — деревенская мелюзга, наблюдали, как на нашу сторону перегоняли вплавь через реку гурты скота. Стадо состояло из невиданно крупных быков с огромными устрашающими рогами. Нескольких погонщиков с криком и уханьем подгоняли упиравшихся животных к реке. Сгрудясь, быки подходили к воде и с большой опаской брели по отмели, а когда всплывали на глубоких местах, начинали громко мычать. Первый гурт переправился благополучно. От рогачей-великанов, выходивших на наше берег, мы — как воробы — разлетелись по огородным плетням. Дальше отступать не позволяли мальчишеская гордость и сжигаемые любопытством сердца.

Быки второго гурта заартачились, сбились в кучу на самом глубоком месте и подняли страшный шум: над рекой нависли дикий рев, мычание, струк и треск рогов. Многие животные повернули обратно, но их встретили погонщики длинными бичами. Два светло-серых быка поплыли вниз по течению к опасному водовороту. Какой-то смельчак бросился за ними на лошади, пытаясь повернуть их к берегу. Когда лошадь всплыла, он соскользнул с ее спины и ухватился за гриву, но верховик вдруг поднялся на дыбы, опрокинулся и подмял под себя седока... Только два раза показалась голова человека над поверхностью воды.

— Утонул! Утонул!— раздались крики с берега и парома. Кто-то поплыл на лодке, но было уже поздно. Перед вечером мы увидели мальчика лет двенадцати. Он сидел на берегу возле припаромка, смотрел на реку и громко плакал. Мы собрались вокруг и разглядывали его со всех сторон. Мимо проехал верховой из погонщиков и на ходу крикнул:

— Эй, Пичиолка! Здесь што ли останешься? Утонул отец-то... Сам виноват: больно храбрый...

Мальчик не ответил и продолжал смотреть в ту сторону, где последний раз показалась голова его утонувшего отца.

Среди собравшихся ребят возник спор:

— Это не парень — девчонка!— говорил один.

— Ничего не девчонка, парнишка вовсе!

— А коса?! Смотри! Что, не девка?

Один из ребят обратился к мальчику:

— Ты парень или девка?

Мальчик перестал плакать, поднялся и, оглядев нас большими карими глазами, печально ответил:

— Я парнишка, Пичиолкой зовут.

— А зачем коса-то? Ты китаец?

— Не китаец я. Человек я. Тыва кижы.— С достоинством ответил он и прикрыл ладонью небольшую косичку на затылке.

— Где жить будешь?— спросил Юсуп по-татарски.— Твои товарищи-скотогоны бросили тебя, уехали. Есть хочешь?

Что-то радостное блеснуло в глазах мальчика, он схватил Юсупа за руки и стал часто-часто говорить на непонятном языке. Юсуп внимательно смотрел на него, видимо, плохо понимал его речь и отрицательно тряс головой. Обратившись к ребятам, он сообщил:

— Маленько понимаю, много не понимаю. Не знаю, что за человек.

— Мой дом там, далеко, за большими-большими горами... Урянхами нас называют. Наши люди бедный. Я работник и отец работник у богатый кытат был,— объяснял мальчик, старательно выговаривая русские слова.

— Пойдем к нам. У меня мама добрая, накормит тебя,— предложил Юсуп и, взяв мальчика за руку, повел домой.

Мы гурьбой направились следом за ними. Дорогой договорились, что будем все помогать мальчику, которого тут же прозвали Пчелкой, кто чем может: кто хлеб, кто картошку приносить из дома.

Мать Юсупа, питавшая добрые чувства ко всем детям, усадила Пчелку на скамейку возле стола, налила в большую глиняную чашку щей и ласково сказала:

— Кушай, мальчик. Ты теперь сирота, никого у тебя нет родных в нашей деревне. Поживи пока у нас, а там — видно будет. А косичку лучше бы остричь, а то ребятишки озорные, покою тебе не дадут, смеяться будут. Побольше вырастешь, тогда сам решишь, как тебе лучше — с косой или без косы.

Прошло три или четыре года. Пчелка все время жил у Юсупа, помогал в хозяйстве: работал на сенокосе, убирал хлеб, возил из леса дрова и охотно делал все, что бы его ни заставили. Он вырос, заметно возмужал. Когда ему и Юсупу исполнилось по шестнадцать лет, отец Юсупа — Хасан Закиров купил им по дробовому ружью и пообещал отпустить осенью на охоту в тайгу. Ребята наши дружили с Пчелкой. Он много рассказывал о своей далекой стране, где люди живут в кошомных и берестяных юртах, ездят на оленях и двугорбых верблюдах, где женщины не выпекают хлебов, а люди питаются одной просяной крупой, да ячменем, да молоком, да творогом, да разными кореньями...

Пришла и осень. Хасан договорился с опытными охотниками, чтобы они взяли с собой его ребят — Юсупа и Пчелку. Мать Юсупа приготовила молодым охотникам сухари, сушеное мясо, масло. До тайги Хасан отвез их на лошадях, а дальше они пошли на лыжах.

Прошел месяц. Пора бы уж охотникам вернуться домой, а их все нет и нет. В тот год белки по низовьям рек не было, она уочевала в горы в большие кедрачи, где было много орехов. А горы были далеко. Река Кан вершиной ушла в Белогорье, где сошлись вершины и других рек. Охота завлекла ребят, и они день за днем все дальше уходили в горные кедрачи.

Однажды вечером они увидели огонь костра, мелькавший далеко на горе. На другой день решили пойти туда. В полдень им встретились два охотника на оленях. Велика была радость Пчелки, когда он увидел их, но помнил пареня обычая своего народа: не бросился к ним на шею, не закричал от радости, а степенно, как положено охотнику, спокойно поздоровался, спросил о здоровье семьи и благополучии хозяйства. Ночевать пришли на один стан. Наутро оленеводы нагрузили кожаные сумы добытой пушниной, встали на лыжи и повели своих оленей в поводу под крутой спуск в покать, куда текли ключи и речки — истоки Верхнего Енисея.

Долго смотрел им вслед Пчелка. В это утро он не пошел на охоту. Он молча подкладывал дрова в костер и неотрывно следил за языками пламени, лизавшими сухие кедровые сушня. Потом развязал свой мешок, вынул из него двух добытых им соболей, положил их перед Юсупом и сказал:

— Не обижайся на меня, брат Юсуп. Я пойду туда,— он показал на голубевшие горы в той стороне, куда ушли оленщики-охотники,— там моя родина, моя юрта, моя мать и сестры... Соболей отдай моей и твоей матери. Скажи, что я ее никогда не забуду — пока жив. Хоть и хорошо мне было в вашей семье, но все эти годы у меня была одна мечта: вернуться в свой край, в свой дом, увидеть своих людей, родные степи, горы, нашу великую реку Енисей. Я уйду. Знаю, что ты не один остаешься — в двух верстах отсюда стан друзей твоего отца.

Пчелка подтянул лыжные ремни, поправил мешок за плечами и, обняв Юсупа, оттолкнулся и стремительно покатился с белка в сторону мерцавших на солнце далеких гор.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭКЗОТИКУ

Акцизный чиновник А. Е. Скороходов, побывавший за Саянами в 1910 году, принес в Красноярский музей стеклянные негативы, снятые в Урянхае. Слово «Урянхай» напомнило мне детство, наше село на берегу реки Кана, вспомнились рассказы «Пчелки» о стране урянхов, о горах до неба, о степях бескрайних, на которых стоят каменные люди... И мне посчастливилось. В 1913 году директор музея Тугаринов А. Я. и я были прикомандированы к почвенно-ботанической экспедиции Академии наук, отправлявшейся в Минусинский уезд и Урянхайский край.

Никто из участников экспедиции до того в Урянхае не был и не очень представлял себе, каковы туда пути-дороги. У нас было восемь вьючных лошадей и восемь верховых для людей. Амыльская тропа, по которой мы двинулись через Саяны, оказалась для нас злой мачехой. Наши лошади, не привычные к таежным тропам, на первых порах доставляли немало хлопот: падали, сбрасывали вьюки, застревали между деревьев, ложились при переправах в воду. Малоезженная, усеянная камнями и перевязанная корнями тропа явилась настоящим испытанием, а болота, из которых мы вытаскивали вьючных лошадей вагами и сами вылазили, обмытые по горло болотной грязью, были уже настоящим несчастьем.

Только на шестой день добрались из Кужебара до первого золотого прииска на речке Алгияке. Приезд экспедиции произвел настоящий переполох в приисковом поселке. Кто-то, не разобравшись, пустил слух, что приехали спиртоносы. Нас окружили приискатели, допытывались, почему мы собираемся

продавать спирт, нет ли у нас ситцу или сарпинки и чем будем брать за товар — деньгами или золотом... В конце концов явился урядник и потребовал документы.

От алгиякских приисков мы направлялись вдоль южных склонов Саянского хребта, по верховьям рек Сыстыг-Хема, Джебаша и Хамсары. В пути усиленно собирали растения, насекомых, отстреливали для научных коллекций птиц, мелких млекопитающих, добывали из скал образцы горных пород, вели метеорологические наблюдения, определяли высоты и составляли маршрутные карты пройденной местности. В мою обязанность входило еще и фотографирование, что я делал с особым рвением и о чем теперь, рассматривая снимки того времени, вспоминаю с удовольствием.

В верховье Джебаша мы впервые встретили аал оленеводов. На обширной высокогорной поляне расположилось несколько юрт. Население аала встретило нас радушно и мы обменялись с ним подарками: женщины принесли нам оленьего молока, а мы отдали им сахаром и другими сладостями. Однако мужчин мы едва уговорили продать нам одного оленя на мясо, и только когда предложили часть наших охотничьих припасов, они привели нам молодого оленя и, по нашей просьбе, закололи его.

После двухнедельного путешествия по болотистым вершинам рек, по каменистым горам, по кедровой и пихтовой тайге, наша экспедиция повернула в сторону Бий-Хема и через несколько дней спустилась к русскому поселку Хамсара близ устья реки. Население поселка было небольшим, но очень пестрым: рядом с купцом Лобановым, не очень стеснявшимся в методах наживы, ютились в избушках охотники и рыбаки. Между этими двумя крайними представителями богатых и бедняков находилась большая группа поселщиков среднего достатка, занимавшихся и охотой, и рыбалкой, и торговлей с тувинским населением.

Никто из нашей экспедиции не знал тувинского языка и потому все сведения о жизни коренного населения Тоджи черпались нами из рассказов русских поселщиков да еще из собственных, так сказать, визуальных мимолетных наблюдений. Среди русских встречались интересные люди со своеобразными характерами, с различным житейским опытом. Взять того же купца Лобанова — это бывший приискатель, настоящий бергал¹, прошедший через все «огни и медные трубы», фигура колоритная, редко повторяемая. Считался богатеем он только

---

¹ *Бергал* — бывалый приискатель.

среди тоджинцев, а на самом деле по состоянию он не мог соперничать с такими купцами в Урянхае, как Вавилин, или Сафьяновы, или Медведев. Да и купец он был своеобразный, рискованный.

О нем рассказывали случаи, когда он дал в кредит минусинскому скупщику пушнины — полсотни соболей и три тысячи белки, а тот по пути в Минусинск встретился с картежниками и проиграл им все до единой шкурки. Правда, впоследствии неудачный игрок в течение нескольких лет выплатил Лобанову долг — он был оборотистый мужик и сумел, играя уже не на картах, а на ценах на пушнину, вернуть потерянное. В другой раз Лобанов запродавал белоцарскому купцу двадцать бочек первосортной рыбы. Сделка состоялась утром, а вечером к Лобанову во двор приехал большой обоз с мукой из Кужебара. Каратузские и кужебарские мужики промяли дорогу по Амылу и, по примеру прошлых лет, привезли Лобанову муку в обмен на рыбу. Что было делать? Рыба за продана. И хотя за нее не было еще получено ни копейки, но — «уговор — дороже денег» — нельзя продать другому... А белоцарский купец похаживает по двору, в бороду ухмыляется: доволен, что успел утром заусловить рыбку. Лобанов говорит ему: «Сколько возьмешь отступного?» — «Нисколько», — отвечает тот. Всю ночь не спал Лобанов, а наутро достал свою любимую английскую одиннадцатизарядную винтовку, подошел к спящему белоцарскому купцу, разбудил его и говорит: «Вот это видишь?» — «В-ви-жу, — затрясся тот. — Ты чего это выдумал, Григорий Семенович? Неужели из-за рыбы хочешь лишиться меня жизни? Да возьми ты ее...» Лобанов расхохотался и говорит: «Дурак ты, купчишка. Я тебе отступное даю, а ты уж перепугался, заячья твоя душа. На, возьми! Такой винтовки теперь днем с огнем не сыщешь».

В откровенной беседе, когда речь зашла о фантастической задолженности тоджинских охотников купцам, Лобанов сказал: «Не нами заведено давать в долг. От китайцев это пошло, а может, и от самих тувинских чиновников. Ведь как получается? Если я не дам охотнику в долг пороху, свинцу и другого припаса, он обратится к своему чиновнику, а тот придет ко мне и возьмет тот же товар у меня в долг, а с охотника за него шкуру сдерет. Вот почему я стараюсь пораньше раздать охотникам припас, для этого приходится самому ездить по стойбищам». Бедный Лобанов...

Он только забыл сказать, что должников у него пол-Тоджи, а среди них много и чиновников. Всех он держит в

ежовых рукавицах и в осенние месяцы собирает с них обильную пушную жатву — сотни соболей и тысячи белок.

Илья Селиверстович Скобеев открылся нам на устье реки Сыстыг-Хем. Жил он в крестовом доме под добротной крестьянской крышей. Промокшие до костей от дождя, лившего на нас весь день, пока ехали от Хамсары, мы постучались в ворота. Через несколько минут, отгоняя наседавших собак, пожилой человек приветствовал нас простым: «Милости просим!» Он не спросил, кто мы, откуда и куда, а встретил так, как будто давным-давно ждал нас.

Скобееву было уже за шестьдесят. Среднего роста, слегка сутуловатый, он походил на сибирского золотоискателя. Маленькие серые улыбчивые глаза на обветренном лице; редкие, с проседью, кое-как приглаженные рукой волосы; стриженная широким клином борода, спрятанные под табачными усами губы, увесистый нос, занимавший половину лица. Говорил Скобеев не торопясь, глухим басом — ровным и бесстрастным, очень похожим на гудение шаманского бубна. Он не сердился, не ругал никого, только растолковывал детально, доказывал, а глаза, озарявшие непонятной улыбкой старое некрасивое лицо, ошупывали собеседника, пытая и ища сочувствия. Одевался он небогато, даже в праздник — будто только что вернулся с работы: старый пиджак, ситцевая косоворотка и плисовые шаровары, заправленные в простые сапоги.

Неудачник он удивительный. Во всех делах все его обманывали. Так от одной неудачи к другой и шагал по жизни старик. Но он не ныл, во всем винил только себя...

Мало было в те времена русских на Тодже, всего около полутора сотен взрослых да столько же примерно детей. Разбросаны русские были по крохотным поселкам и заимкам на большие расстояния. Не было никаких признаков культуры. Не существовало ни школ, ни больниц. Немногие русские отправляли детей учиться в Усинское, Минусинск и Красноярск. Врачей на Тодже никто в глаза не видел, многие не знали, какие они, врачи. Лечились у лам, у шаманов, китайских и тибетских знахарей. Единственное, что дошло до тувинского народа Тоджи, — это оспопрививание. По этому поводу не лишне вспомнить, с какими трудностями была сопряжена медицинская помощь населению. Вот что писал в своем дневнике учитель Венкель,¹ посланный на Тоджу при-

---

¹ См. «Известия Красноярского отдела Русского географического общества». Т. III, вып. I. 1924 г.

вивать оспу оленщикам и охотникам: из 117 юрт сумона Ак оспу удалось привить только в 66, а из 42 юрт Кара сумо — ни в одной. Не удивительно, что от оспы и гриппа люди умирали целыми семьями и даже аалами. В двадцатые годы скупщики пушнины обнаружили в горах Тоджи юрты с нетронутой утварью, но без единого человека: люди умирали, а звери уничтожали покойников.

Много было встреч на пути экспедиции по земле Тоджи, но то были русские и простые оленеводы, а в тот день нам повстречалось большое начальство: человек в красном шелковом халате, в шапке, опушенной соболем, на остроконечной верхушке которой красовался синий прозрачный шарик величиной поменьше грецкого ореха. Чиновнику было лет тридцать, держался он с достоинством, на вопросы отвечал подумавши, не торопясь. С ним была вся его семья — жена и двое детей. Встретились они на пути из Хамсары в Сыстыг-Хем. Их кавалькада быстро двигалась по тропе, пересекавшей нашу дорогу. Чиновник назвался чангой и сказал, что он самый старший начальник Мады сумо. Жена его была одета много скромнее главы семейства, двое ребятишек одеждой совсем не отличались от ребятишек оленеводов, встречавшихся нам на пути. Мы даже спросили, его ли это дети. Он утвердительно кивнул, но сказал, что дома у них имеются хорошие одежды. Завидев у нас в руках фотоаппарат, вся семья немедленно выстроилась в ряд. К ним присоединились муж с женой, как потом оказалось, работники чанги. Глава Мады сумо попросил обождать минуточку. Он распоясался, вынул из длиннющей и широченной опояски сверток в грязном шелковом платке, в нем оказался футляр с длинной кистью в виде метелки, которая на наших глазах была прикреплена к затылочной части шапки. Во время фотографирования жена чанги выставила вперед правую руку, в которой держала большую табакерку, искусно сделанную из какого-то камня. Видимо, это была семейная драгоценность.

Мы высказали сожаление о том, что у нас нет ничего, что могло бы послужить подарком. Однако сам чанга вывел нас из затруднения и попросил подарить ему карандаш, которым наш ботаник записывал в блокнот названия собранных по пути растений. За карандаш чанга преподнес голубой воздушнo-легкий «хадак» — небольшой лоскут шелка. Довольные, мы расстались. Но расставание было несколько странным: наши новые знакомые как-то сразу, не говоря ни слова, сели на лошадей и, даже не взглянув на нас, ускакали. Мы были

озадачены, думали, что они рассердились, но впоследствии узнали, что так оно и полагалось...

А другого, еще более высокого чиновника мы встретили возле Турана. Среди дня наш караван развьючился у ворот поскотины. Только успели поставить палатки, смотрим, со стороны Уюка скачет несколько всадников. Впереди на сером иноходце летел человек в ярком коричневом халате и в шапке, украшенной красным шариком и «метелкой» из павлиньих перьев. Всадник остановился у ворот поскотины. Тотчас же двое из сопровождавших его людей соскочили с коней и бросились открывать ворота, при этом они так низко склоняли головы перед начальником, будто боялись ослепнуть от его блистательного величия. После нам рассказали, что это был салчакский нойон, ехавший в Туран с визитом к новому пограничному начальнику Габаеву.

Наша экспедиция прошла по многим местам прекрасной Тоджи, а она по-настоящему прекрасна: сколько быстрых рек, больших и малых озер, разнообразного леса, ягод, орехов, грибов; сколько диких зверей — маралов, лосей, драгоценных соболей и других промысловых животных, дичи, рыбы! Да разве все перечтешь? Разве можно все ее богатства подсчитать и оценить по достоинству? А какие чудесные пейзажи на Тодже! По красоте они не уступят ни Кавказу, ни Альпам. Экзотика Тоджи причудлива и многообразна. А человек? Человек выглядел на ее фоне жалким, забытым пасынком, лишенным малейших признаков царя природы, хозяина собственной жизни.

ЛАМЫ, СУДЬИ И КУПЦЫ

В широкой шагонарской долине есть речка Чааты. На ее берегу я застал юрту арата, не успевшего укочевать на зимник. У него болела жена. Во время нашего разговора с хозяином снаружи слышался перестук копыт по промерзлой земле. Хозяин торопливо накинул халат и вышел. Через минуту он распахнул кошемную дверь и почтительно пропустил в юрту ламу, одетого в грязный желтый халат. Это был старый пройдоха Кара-Хуртэн. С ним мне приходилось раза два уже встречаться и каждый раз в юрте, где были больные.

Кара-Хуртэн сделал вид, что не узнал меня. Быстро прошел на почетное место, важно уселся и занялся своей каменной табакеркой. Миниатюрной ложечкой, прикрепленной к пробке табакерки, не спеша набирал в щепоть бурого мучнистого

табаку, зашвыркивал в обе ноздри и, закрыв глаза, предавался наслаждению, шепча не то молитвы, не то заклинания. Красновато-малиновые четки одна за другой текли в его тонких пальцах.

Большая лежала на низкой кровати — орун, до подбородка прикрытая овчиной шубой. Обильные капли пота ручейками стекали по лицу на подушку. Глаза больной были закрыты. Тяжелое дыхание с хрипом прерывалось затыжным кашлем. Кара-Хуртэн ни разу не взглянул в ее сторону, продолжал читать молитвы. Так он сидел до тех пор, пока хозяин, хлопотавший у очага, не сварил баранину.

Перед ламой стояла деревянная тарелка, доверху наполненная жирными кусками мяса. А он все читал и читал, делая вид, что ему не до еды. Однако испытание было слишком велико: баранина издавала такой чудесный аромат, что Кара-Хуртэн не выдержал и, отложив четки в сторону, крикнул и ухватил самый жирный кусок. Ел он жадно, смачно, торопясь и что-то бурча про себя.

Я ждал, когда он начнет лечить больную, но он, по-видимому, не торопился. Прошло с полчаса. Больная очнулась и попросила пить.

— Принеси из ручья воды! — приказал лама хозяину.

Кара-Хуртэн зачерпнул деревянной чашкой воду и, обмакивая в нее пальцы, бормоча молитвы, стал брызгать в сторону больной. Остатки воды из чашки он попросту выплеснул в лицо больной. Развернув опояску, вынул тряпицу с какими-то порошками, всыпал один в чашку, долил водой и подал хозяину, кивнув на больную. Больная выпила и тотчас же закашляла.

Утром сказали, что женщина умерла.

Когда я фотографировал Кара-Хуртэна, он очень охотно позировал: уселся в позе Будды, скрестив ноги, над головой поднял какие-то иконки на манер староверских складней. Так я его и запечатлел. После фотосъемки Кара-Хуртэн спросил, не знаю ли я лекарства от такой болезни — он снял шапку, наклонился и показал страшную гноящуюся рану на голове... Сознался: был пьян, выпал из седла и угодил головой на камень. Второй год пошел, лечит своими лекарствами, но рана все больше растрavляется.

Я посоветовал ему обратиться в Белоцарскую больницу, где работал в то время фельдшер.

Километрах в пятнадцати выше Тоора-Хема, на левом берегу Бий-Хема находилось хуре. Все сооружения — храм, ламские кельи — домики, надворные постройки и заборы — были

деревянными, порядком почерневшими от времени. На первый взгляд хуре походило на староверский скит, с той только разницей, что отсутствовали остроконечные крыши и кресты.

Вокруг хуре стояло несколько юрт-чумов, крытых берестой, сшитой в длинные полотнища. В юртах жили прислужники лам — простые араты, обязанные по месяцу-полтора отбывать батрацкую повинность. Там же находились и те, кто отбывал наказание при хуре за какие-то проступки.

В конце февраля в хуре происходил чыш—нечто вроде ярмарки, где шла торговля товарами, пушниной, шкурьем, делались расчеты должников с кредиторами, заводились новые знакомства, новые торговые связи. Там же происходил суд над неисправными должниками, над ворами и ослушниками начальства.

На чыш приезжали со всей Тоджи: китайцы, русские, татары, эстонцы, хакасы — все торговцы с Хамсары, с Сыстыг-Хема, с Ута, с Хона и Манаса, с Джебаша и Азаса. У всех там находились дела: кто судился, кто закупал партии пушнины, сбывал залежавшийся товар, «пронюхивал» перспективы на цены и тому подобное.

Во время чыша в окрестностях хуре стояло много чумов приехавших со всех сторон охотников и оленеводов. Некоторые привезли пушнину для продажи, другие для уплаты долга. Но всех гнала на чыш нужда. По лесу вокруг чумов бродили олени с веревками на шее, бегали ребятишки в оленьих шубах, женщины разводили в очагах огонь, варили мясо, кормили лам, чиновников и купцов, приходивших в чумы и не стеснявшихся объесть хозяев...

На такой чыш и привез меня Шах-Мирза Катралеевич Катралеев, а попросту — Мурза. Жил он в поселке на устье Сыстыг-Хема в небольшой избе.

Шел снег. Он лежал пухлым полуметровым одеялом на чуть-чуть приметной дороге. Пара лошадей, впряженных «гусем» в сани, шли с натугой, то и дело сбиваясь с оленьей тропы. Мурза соскакивал с саней, бежал вперед, увязая по колена в снегу, хватал за узду «гусевого», направляя на дорогу. Это повторялось по многу раз. К хуре подъехали поздним вечером, преодолев полтора десятка километров за полдня. Еще издали слышали приглушенное гудение шаманского бубна. Казалось бы, что ламы и шаманы не могут жить под одной крышей, но там эти оба вида тунейдцев существовали бок о бок — ламы — в хуре, а шаман из сумона Кара-Чода — в юрте. Шаман тоже прикочевал на чыш ради своих должников. У него свои расчеты.

Остановились у ламы — знакомого Мурзы. Избушка без крыши, с потолком из однорезника, с земляным полом, крепко утопанным мусором. Во всю длину избы нары, в переднем углу небольшое шире с двумя рядами медных чашечек и бронзовым Буддой, в миниатюрном подсвечнике дымит торфяная свеча — предмет бойкой торговли китайских купцов.

Хозяин избушки — сухощавый человек лет сорока, с корявым от оспин лицом, лежал на нарах, кашлял и стонал. У стены на столнике горела керосиновая лампа без стекла, сильно пахло копотью.

Мурза принес дров и подтопил железную печь, разыскал и поставил на нее хозяйский чайник. С ламой он перекинулся несколькими словами по-монгольски и на том их разговор окончился. После чая легли спать на нары, прикрытые старой, пропахшей дымом кошмой.

Проснулись от дикого крика, несшегося со двора. Было уже светло. Возле крытого сарая толпился народ. На снегу стоял на коленях человек, другой держал его левой рукой за косу сзади, а правой бил по щекам толстым лоскутом кожи. Несчастный отчаянно кричал, кричал... Он пытался встать, но руки и ноги были связаны арканом, он валился на бок, его поднимали, садили на прежнее место и продолжали бить. Потом избиваемый вдруг замолк, знаками подозвал стоявшего в стороне чиновника с белой стеклянной шишкой на шапке, что-то сказал ему и тот распорядился прекратить пытку. Мне объяснили: человек отказывался уплатить чиновнику трех соболей, но не выдержал пытки и сказал, что заплатит... Лицо должника страшно распухло и посинело, глаза скрылись под опухолью. Пошатываясь, он уплелся в ближайшую избушку. А на его место посадили другого. Допрос с пристрастием продолжался.

Судьи заседали в большом помещении с низким двухскатным потолком и мрачными небелеными стенами. На полу полукругом сидели чиновники разных рангов. Они были уже порядочно «выпивши». В центре восседал на толстом ковре — олбуке глава хошуна — нойон, человек с черной реденькой бородой и раскосыми злыми глазами. Отрывисто, резко он задавал вопросы стоявшему перед ним на коленях охотнику. Рядом лежала большая связка беличьих шкурок и несколько штук соболей. По чьему-то доносу охотника привлекли к суду за то, что он охотничал якобы не в указанном месте, а принадлежавшем другому сумону. После допроса его наказали розгами и отняли пушнину.

Несколько дней продолжался чыш. С утра и до вечера слышались вопли пытаемых, пьяные песни чиновников, крики драчунов. Купцы играли в карты. Ставки были деньгами, белкой, соболями.

САМЫЕ БЕДНЫЕ

В 1916 году мне встретилась тувинская семья, у которой не было ничего: ни юрты, ни лошади, ни коровы, ни овечки и вообще никакой живности. Это было недалеко от впадения небольшой, но бурной речки Шуй в Барлык. Наша палатка стояла среди редкого тополевого леса на поляне с тощей травой и старым, изуродованным насекомыми карагаником. С деревьев уже начинал опадать летний наряд.

Солнце только что взошло и позолоченные им листья один по одному неслышно ложились на землю. Вдруг лошадь, пасшаяся на приколе, всполошилась и с храпом стала бегать вокруг кола.

— Кто это в такую рань жалуется к нам?— сказал переводчик и вышел из палатки. Через минуту он позвал меня:— Идите-ка, полюбуйтесь, какие гости пришли...

Метрах в полсотне возле большого тополя, выстроившись в ряд, стояли мужчина с женщиной и трое ребят. Мы пригласили их к палатке, но они не сдвинулись с места и в ответ только униженно кланялись, робко жалуясь и показывая на детей.

— Голодные они,— пояснил переводчик.— Надо отдать им остатки сухарей — все равно нам не хватит. К вечеру надо на Брюхановскую заимку за хлебом ехать...

Мужчине было лет под пятьдесят, женщина выглядела еще старше. Мальчику — двенадцать, девочке — семь или восемь и самому маленькому ребенку — тоже девочке — лет пять. В скитаниях по Енисею, по Ангаре, по хакасским улусам и другим местам приходилось видеть много бедноты, но то, что представилось нашим глазам в тот раз на берегу Шуи, не имело себе равного. На мужчине была надета старая-престарая овчинная шуба с оборванными лапами и воротником. Держалась она не на плечах, а на руках, которыми мужчина все время поддерживал сползавшую шубу, вернее остатки того, что когда-то называлось шубой. Если бы не опояска,— все равно ему было бы не удержать ее на теле. Волосы у старика были с проседью, маленькая косичка, торчавшая на затылке, была почему-то коричневатого цвета. Что было особенно необычным в его лице — так это густые черные усы, каких мне

не приходилось видеть у тувинцев. Старушка была одета в такую же, зиявшую дырами шубу, надетую так же, как и на муже, на голое тело. На голове у ней была шапка, сделанная из заскорузлого куска невыделанной кожи. На лице, изборожденном глубокими морщинами, чуть виднелись опухшие от трахомы глаза. Она стояла сгорбившись, молитвенно сложив ладонь к ладони черные от загара и грязи руки. Нельзя было без жалости смотреть на этих несчастных стариков. Но еще большую жалость вызывали их дети.

На самой маленькой девочке было надето — тоже на голое тело — подобие шубы, кое-как сшитой из лоскутков старой овчины. На девочке постарше — изношенная шуба со взрослого человека. Она была так велика ей, что девочка сутулилась и приседала под ее тяжестью. На мальчишке висел тоже не по росту большой летний изорванный халат, в котором он все время ежился от утреннего холода. Ни у кого из семьи не было обуви. На загрубевшие, в коростах, в ссадинах ноги нельзя было смотреть...

С трудом удалось нам уговорить эту семью подойти и сесть возле палатки. Угощаясь нашим черным чаем, они бережно, по малой щепотке, как величайшую ценность, брали сухарные крошки. В беседе старик рассказал о себе.

Семь лет они ходят из одного сумона в другой, из аала в соседний аал. Летом ночуют где придется, где застанет ночь. Питаются милостыней. Когда в аале много юрт, то старика покормят в одной юрте, жену — в другой, ребят разберут по юртам и накормят, чем богата аратская семья. Одежду им дают хорошие люди или они подбирают ее на свалках возле стойбищ. Самое страшное время — зима. Родители раздают своих детей по юртам, где их могут прокормить и дать ночлег у очага, а сами, если не найдут поблизости приюта, уходят в другие сумоны, иногда за несколько десятков верст.

Так они потеряли свою старшую дочь. Ей было шесть лет. В юрте, где ее оставили на зиму, появилась какая-то страшная болезнь. Девочка ушла, оставив в юрте мертвые тела. Она переходила от юрты к юрте, ища пристанища. Но люди, узнав, откуда она пришла, боялись ее и никто не дал ей приюта... Что с ней случилось? Жива ли она, погибла ли где-нибудь по пути, в поисках добрых людей — так они и не узнали.

«Беднее нас никого нет,— сказал печально старик,— но все же нам жаль свою девочку. Мы и теперь ее оплакиваем».

Была у этой семьи когда-то и юрта, и скот, и одежда, и пища. Но китайский купец, которому он задолжал соболей и белку за товар, потому что заболел и не мог поехать в тайгу,

по княжескому суду отобрал у него все имущество, вплоть до юрты и последней овцы.

«Моя доля еще лучше многих аратов. Я жив остался, а другие умирали под пытками. Хотя выгнали китайских купцов, но я так и остался бездомным. Беден наш народ, а приди в любую юрту, если есть там одна чашка тары,— люди разделят ее с тобой».

Мы спросили, куда они теперь пойдут. Старик ответил: «Сейчас люди хлеб убирают — пойдём к пашням, кому-нибудь поможем, а зимой они нам помогут».

У старого арата, кругом обездоленного, обиженного жестокими варварами, лишённого всех людских благ, каким-то чудом сохранилась вера в человека.

Еще одна подобная семья встретила на Каа-Хеме близ Кок-Тея. Но у этой семьи была своя крохотная, старенькая и черная, как уголь, юрта, которую даже юртой не назвать, настолько она была мала и бесформенна. Хозяйка этой юрты работала на поле у какого-то бая. Утром они ехали на работу всем семейством, а оно было немалое. На двух лошадях, которых давал им бай для переезда, семья размещалась следующим образом: на одного коня садилась мать со старшим мальчиком, на другого — отец с восьмилетней дочкой, к своему седлу отец привязывал длинным арканом большие, но легкие нарты, в которые усаживали четырех самых маленьких детей. Муж и жена носили такие старые халаты, что невозможно было угадать, которая заплатка являлась основным материалом. Об одежде детей и говорить не приходится, потому что они ее почти не имели, разве что трусы, да и то не у всех: четверо маленьких обходились без них. В нартах их усаживали на обрывки старой кошмы, с боков обкладывали невозможно грязным тряпьем и одним общим узлом привязывали волосяным арканом к нартам: надежнее, не потеряются дорогой...

Но что самое удивительное было в этой семье, это сам глава семейства — мужчина лет сорока, подвижной, ловкий, с постоянной беспечной улыбкой в молодых глазах. Богатым он никогда не был, но имел хорошую юрту, три десятка овец, лошадь, двух коров. Все это у него взяли чиновники за недоимки. Он не теряет надежды на удачную охоту: кремневку успел спрятать от чиновников и она еще послужит ему.

Много, много было бедноты в старой Туве, особенно в центральных районах. Чем ближе кочевья аратов к ламским монастырям и байским хозяйствам, тем чаще их посещали чиновники и ламы, тем беднее население. В верховье Хемчика и его притоков, куда реже заезжали эти мироеды, аратские хо-

зяйства, которые обследовались в 1916 году, имели в общем среднюю зажиточность. Там было больше независимых от баев хозяйств. Они имели возможность располагать продуктами своего труда более самостоятельно.

В вечной зависимости от чиновников, от лам и купцов были и тоджинские тувинцы. Неласкова была к ним и суровая природа. Холод и голод были их спутниками от рождения до самой смерти. В какую бы юрту ни заглянул — всюду беспросветная нужда.

БЕЛОЦАРСК

Была степь, заросшая караганником, травой терезин и гордившаяся древними курганами, стоянками людей, близких каменному веку, и священными оа, возле которых устраивались празднества. По степи ходили двугорбые верблюды, огромные быки; по увалам паслись отары овец, а по скалам прыгали отчаянные козы. По болоту, заросшему березняком, шумели ручьи, в камешках озер кричали селезни, свистели чирки...

Это было большое займище — пойма Хем-Белдир. По берегам Улуг-Хема и Каа-Хема весновало и летовало много аратских юрт, некоторые и зимовали, но большинство на зиму уководывало в горы. Большие белые юрты китайских купцов стояли в Кок-Тее, а купец Урзумбай обосновался внизу на берегу Улуг-Хема, построив там избу. Русский купец Безъязыков жил в центре поймы, среди старых тополей, его домик дожил до самых последних лет.

В двенадцатом и тринадцатом годах в Санкт-Петербурге и в канцелярии Иркутского губернаторства шли разговоры о месте постройки города Белоцарска. В 1914 году на высоком берегу Улуг-Хема состоялось официальное торжество закладки города и церкви. «Батюшка», одетый в серебристую ризу, пел молитвы, помахивая дымившим кадилом, от которого по степи расходился необычный для нее запах ладана. Группа «певчих» из числа переселенческих чинов помогала попу. Из ведра со «святой» водой, взятой из Улуг-Хема, поп голичком окроплял людей, стоявших вокруг. Среди последних были гости. На сохранившемся фотоснимке закладки видны географ Грумм-Гржимайло, Минцлов с женой — авторы двух книг о бывшем Урянхее, пограничный начальник Габаев, помещик Черневич, жена царского сановника Колбасьева и другие.

С Большого и Малого Енисея приходили плоты строевого

леса. Началась горячка строительства, со всеми сопутствующими ей явлениями — ажиотажем, хищениями, растратами, пьянством... Подрядчики обманывали казну, обирали рабочих; купцы накладывали немислимые проценты на цены дефицитных товаров; мясо и другие продукты продавались по спекулятивным ценам. От всего этого страдали, конечно, больше всех рабочие.

В пятнадцатом году Белоцарск имел вид поселка с разбросанными в беспорядке домами. Улицы не угадывались, к любому зданию можно было пройти по прямой линии, совсем не рискуя наткнуться на забор, поскольку таковых в то время в городе не существовало. Вместе с казенными зданиями строились и частные. У кого не хватало материала, подрядчики охотно продавали им казенный. Начались расследования, допросы, суд. Но все в общем обошлось благополучно — и для вороватых подрядчиков, и для начальства.

Не успел город отпраздновать свои первые именины, как его переименовали в «Блохоцарск». Действительно, блохи были в Белоцарске отменно великими, а числом они равнялись количеству песчинок в песке... Это были удивительные насекомые — черные, стремительные, как молнии, и кусучие, как тигры. От них не было спасения нигде — ни в домах, ни в постелях, ни на улицах, от них нельзя было спастись никакой одеждой, никакими отравляющими порошками и мазями, потому что их было великое множество. Первое время люди стеснялись в гости ходить, потом привыкли и уже не удивлялись, если танцующая пара вдруг разбежалась по разным углам и каждый своим методом избавлялся от кусучих «помех».

К началу Февральской революции в Белоцарске насчитывалось около 100 домов переселенческого ведомства и частных. Вновь приезжим бросались в глаза не дома, а высокий караганник, скрывавший их. Издали виднелись только два строения: церковь да единственное двухэтажное здание конторы переселенческого управления.

В июне 1916 года невиданным наводнением многие дома были повреждены, некоторые совсем смыло... По болоту, где теперь проходят улицы Пролетарская, Сельская и другие и где в то время росла березовая роща, протекала река Каа-Хем. Она сливалась с водами Бий-Хема и заливала огромное пространство. Только небольшие островки суши видны были на покрытой водой площади шириной до трех километров. Не было дома, в котором не побывала бы вода. Сообщение между домами происходило только на лодках. В Белоцарске, а еще больше у тувинского населения, кочевавшего по берегам

рек, погибло множество скота. Были и человеческие жертвы. Течение потока паводковых вод было настолько стремительным, что плот, следовавший из Тоджи в Белоцарск, нигде не мог пристать к берегу. Старые берега были скрыты под водой, вместо них Улуг-Хем в волнах и в пене несся среди гор, скал и полузатопленного леса. Остановился плот только в Минусинске, где его занесло в тополевою рощу. Все поселки, расположенные ниже Белоцарска, были разорены, дома разрушены, огороды и пашни размыты.

Заведующим переселенческой организацией был Шкунов. Высокий, грузный блондин; красное мясистое лицо в синих прожилках, нос пуговкой, пенсне на шнурке; носил вышитую косоворотку и брюки, заправленные в сапоги. Свой кабинет украсил райскими птицами, выжженными на березовой фанере, и очень гордился ими. С собой в Белоцарск привез родных и знакомых: кого топографом, кого землемером, кого лесничим. Старую жену оставил за Саянами, привез молодую, красивую. А у ней тоже родственники: кого строителем, кого бухгалтером, кого писцом. Таким же путем устраивались и другие служащие переселенческой организации.

Кумовство и знакомство, нерушимые родственные связи определяли деловые отношения и всю работу учреждений. Не удивительно, если в одной семье случалась семейная радость или горе, то ликовало или плакало полгорода. На службе из женщин состояли только две безродные машинистки. Остальное женское население—жены чиновников, дочери, родственницы—от безделья занималось флиртом, пересудами, ссорами.

Заместитель Шкунова—Федоров, лет тридцати восьми, недурной наружности, с темной бородкой клинышком и карими глазами за минусовыми очками, был до отказа набит анекдотами всех времен и окрасок. С подчиненными был строг, с начальством обходителен. В дни революционных бурь Федоров занял место уехавшего Шкунова и усердствовал в искоренении большевистского духа среди подчиненных и в преследовании небольшой группы служащих переселенческой организации, перешедших на сторону Советской власти. Федоров сумел вывезти в Красноярск архивы своей организации, много важных документов.

Заметными фигурами по своей зоологической ненависти к большевикам и вообще к Советской власти были лесничий Поликевич, топографы братья Роголинские и переводчик монгольского языка при комиссаре Самойлов. Несколько слов о самом комиссаре Григорьеве. Типичный царский чиновник.

Когда-то был председателем Красноярского подотдела императорского Географического Общества. Выше среднего роста, сухощавый, с военной выправкой. Педант с подчеркнутой аккуратностью, строго придерживавшийся субординации с подчиненными. Носил черную с проседью бороду и венчик волос. Лицо у Григорьева было темного цвета, покрытое массой морщин, и темными кругами вокруг карих глаз. При комиссаре находилась личная охрана из шести чубатых казаков. С ним была его жена — его же племянница, которую он взял на воспитание после смерти своей сестры. Ему было за шестьдесят, жене — двадцать семь... Она не любила его, но куда денется человек, который ничего не имеет?

Пожалуй, не лишне вспомнить и комиссара Турчанинова, пытавшегося играть в Туве роль маленького Колчака.

Турчанинов приехал в Урянхай агрономом. Он уже начал знакомиться с сельским хозяйством края и даже пытался писать научный труд о землепользовании и перспективах развития посевных площадей, но неожиданно судьба агронома повернулась к нему таким заманчивым соблазнительным лицом, что не выдержал маленький, неприметный до того Турчанинов и пустился в плавание по губительным волнам политики.

Ему было лет сорок с небольшим. Низенькая сутулая фигура, невзрачная внешность. Кто мог подумать, глядя на него, что этот с виду скромный человек вдруг возомнит себя вершителем судьбы обширного края? Видно мало было у Колчака пригодных для комиссарской должности людей, если так щедро одарил он этой высокой службой случайного человека, не имевшего ничего за душой,

Уехал Турчанинов в Омск сереньким воробьем, а вернулся пестро раскрашенным чижом. Куда делась его сутулость, и ростом будто стал выше, и лицом строже, а о походке и говорить нечего: шагает по белоцарским пескам так, что только полы генеральской шинели мелькают красным подкладом...

Дали ему в Омске в помощники по управлению Урянхаем молодую девушку — машинистку. Где-то по дороге они повенчались и вступили в управление тувинской землей уже в новом оформлении. В новом потому, что старую жену, по примеру других начальственных мужей, он оставил за горами Саянскими.

Грозны были бумажные приказы комиссара, но никто их не выполнял: не до них было. Сама жизнь решала вставшие перед ней вопросы. Последние дни доживала колчаковская власть. Погрузились переселенческие чиновники на плоты с женами и любовницами, с казенным и своим имуществом и

уплыли в Минусинск. Ушли казачьи сотни окольными тропами за Саяны. Отправил с ними комиссар свою молодую супругу, а сам, набрав полные сумы колчаковских денег, пустился с четырьмя казаками из охраны по горам в Минусинск. Не хотел он попасть в руки партизанской армии, вступившей в пределы Урянхая.

Погиб он от руки своих же телохранителей. Где-то на краю болотистой равнины в верховье реки Большого О казаки прикончили генерала — комиссара Турчанинова. Самого закопали в мох, а «колчаковки» поделили между собой. Но и им не повезло: на 128 версте Усинского тракта их перехватили другие белобандиты-казаки из остатков бологовского разбитого в Белоцарске отряда. Турчаниновских охранников арестовали и под конвоем оправили в Минусинск, а отобранные у них пачки «колчаковок» рассовали по своим карманам...

Большая часть населения Белоцарска были строители — рабочие, десятники, техники, подрядчики. Остальная часть состояла из служащих других отделов переселенческой организации и частных засельщиков, приехавших на жительство из разных мест, занимавшихся огородничеством и бахчеводством.

В городе была казенная «товаро-продовольственная лавка», снабжавшая товарами и продуктами рабочих и служащих. Кроме нее, были частные лавки, имевшие в продаже самый разнообразный ассортимент — от пуговиц до плугов, от носовых платков до готовых костюмов. Однако товары эти были самого наихудшего качества, их никто не покупал ни в Минусинске, ни в Красноярске, потому-то они и попали в Урянхай.

Из местной промышленности, существовавшей в первые годы, можно назвать крохотный кирпичный заводик-сарай, однорамную лесопилку, кузницу и кожевенный завод производительностью триста кож в год. Все эти предприятия принадлежали частным лицам.

В Белоцарске не было ни театра, ни кино, ни музея и никаких следов физкультурных организаций. Школа ютилась в одной комнатке в конторе переселенческого управления. Больницы не было. В амбулатории работал один фельдшер. Развлечениями горожан были картежная игра, перебивание косточек ближних, гостевания и пьяные оргии. Единственное учреждение, которое вело некоторую научно-исследовательскую работу, был статистический отдел, где разрабатывалась и осуществлялась обширная программа по исследованию истории, языка, быта коренного населения, изучению природы края, климата. В городе была организована метеорологичес-

кая станция, начавшая работу в 1915 году. Работа на станции требовала абсолютной точности по времени, а проверить часы можно было только в одном из ближайших населенных пунктов Минусинского района, который отстоял от Белоцарска на три сотни километров... Ни телеграфом, ни телефоном Урянхай не был связан с внешним миром. Для установления постоянного точного времени во дворе метеостанции была поставлена каменная пирамидка с выверенной горизонтально плоской вершиной, на которую устанавливались солнечные часы—так называемое «кольцо Глазенапа», по которому проверялось время. Станция просуществовала до 1919 года, потом ее приборы были вывезены в Минусинск.

Кончился Белоцарск в июле 1919 года. Партизанская Красная Армия, занявшая его, переименовала в город Красный.

Серой, неприглядной была жизнь белоцарской интеллигенции. Все люди казались скроенными на один манер, у всех соответствующая их специальности, званию и должности — форма одежды и знаки различия, все выполняли служебные обязанности, возложенные на них царским правительством, но не все почитали царя, не все ходили в церковь. К таким нигилистам относилось несколько человек, может три-четыре. Среди них приметными были Максим Яковлевич Крючков и Никифор Григорьевич Крюков, очень разные по внешности и по характеру. Первый — более пожилой, высокий, с бледным болезненным лицом, коротко стриженными седыми волосами; светлые глаза смотрели насмешливо, любил позлословить, о начальстве говорил с нескрываемым сарказмом, Максим Яковлевич болел какой-то трудноизлечимой болезнью—скорее всего ревматизмом. Семьи в Белоцарске не имел. На свои средства построил домик двухэтажный — пять на семь метров. В нижнем этаже устроил отопительную систему, благодаря которой обогревался весь домик. Жил на «верхнем» этаже. Там у него под лежанкой проходили трубы обогревателя. Сослуживцы считали М. Я. Крючкова чудачком, странным, непонятным человеком, но языка его побаивались.

Никифор Григорьевич Крюков, которому в то время было лет сорок, носил светло-каштановую бороду, такого же цвета волосы. Был он выше среднего роста, со спокойной, несколько медлительной походкой, с вечной трубкой в зубах. Говорил не торопясь, жестикулируя и высоко поднимая голову. Не любил пустословия. Среди служащих был сдержанным, неразговорчивым. Избегал ходить на званые вечера, именины и

другие увеселения. С рабочими и крестьянами обращался просто и доброжелательно.

Совсем неприметным среди служащих был чертежник А. В. Родак. Это — человек лет тридцати пяти, крепкого телосложения с торопливой походкой и спокойным взглядом темно-серых глаз. Товарищи А. В. Родака называли «молчуном». Однако он обладал способностью в короткой беседе с рабочими рассказать, кто стоит за интересы рабочего класса, кто против; как надо действовать, чтобы лучше защищать Советскую власть. Вот почему белоцарские рабочие единогласно выдвинули его кандидатуру в председатели первого городского Совета.

Эти трое и еще фельдшер Терентьев и таможенный Дорошенко первыми из служащих пошли в народ с лозунгом: «Вся власть Советам!» Вместе с рабочими они приняты на себя нелегкий труд, в окружении реакционного чиновничества, обывательского равнодушия, прямого противодействия бывшей царской администрации и кулацко-купеческой верхушки, организации власти Советов.

Трудно, очень трудно было работать им. Среди рабочих грамотных было совсем мало. Чиновники переселения на работу в Совет не шли, они были обеспечены жалованьем даже на то время, когда их учреждения прекратили свою деятельность. Может, некоторые и пошли бы, но начальство предупредило: кто будет водиться с большевиками, того немедленно уволят.

Запас денег в переселенческой организации был велик. Начальство не скупилось на подкуп колеблющихся и поощрение саботажа. А саботаж был открытый, наглый. Распоряжения Совдепа не выполнялись — ни чиновниками, ни зажиточной частью населения горожан, среди которых много было спекулянтов, торговцев, разных перекупщиков, подрядчиков. Эти люди вредили новой власти, как могли — в меру своих сил и способностей.

С Н. Г. Крюковым мне приходилось встречаться в статистическом отделе Совдепа. Вид у него всегда был озабоченный, в разговоре он нередко сетовал на нехватку грамотных людей. Это в то время, когда по городу шлялись грамотные тунеядцы, не желавшие идти «на работу к большевикам», только и ждавшие, скоро ли рассыплется новая власть...

В двадцатые годы, с переездом из Турана в Кызыл правительственных и других учреждений, в городе появилась новая, советская интеллигенция. Особенно оживилась общественная жизнь с открытием в Туве Консульства СССР. В партийных

и советских учреждениях работала большей частью молодежь, исключение составляли разве только отдельные руководители торговых и кооперативных организаций: Тувинценкоопа, Центросоюза, Госторга. Самому консулу Фальскому едва перевалило за тридцать, а сменившему его Чичаеву не было и тридцати.

Молодежь вникала во все стороны зарождающейся новой жизни республики. В городе и в поселках появились клубы, театры, кинопередвижки, библиотечки. Самодеятельные артисты, музыканты, библиотекари и другие работники культуры получали советы и направления из первых рук: все руководящие работники партийных и советских учреждений приезжали на места и буквально своими руками налаживали дело. Бывало, зайдешь в редакцию газеты «Красный пахарь», находившуюся в одном помещении с типографией, и не сразу разберешь, кто наборщик, кто секретарь райбюро ВКП(б), который литработник, а который консул, где редактор, а где автор заметки из Сосновки. Все одинаково вымазаны типографской краской. Это было удивительное время, золотое время, когда приходили к рабочим, крестьянам молодые волшебники-творцы и показывали, как надо перестраивать старый быт, как налаживать советскую жизнь, и, тут же сами, засучив рукава, помогали это делать.

Кто же они, эти люди, о которых до сего времени тепло и радостно вспоминают их бывшие ученики, слушатели. Вот Кеша Чудинов — секретарь райбюро ВКП(б). Ему было всего двадцать четыре. Он высок, атлетического сложения, на широком лице и в темно-серых глазах часто светилась благожелательная улыбка. Прекрасный оратор, мастер доходчивых докладов о международном положении. Его можно было встретить в деревенском клубе, на пашне и на сенокосе, на деревенском собрании, в редакции, на репетиции, в пионерском лагере и на молодежной маевке. Приехал Чудинов в Туву прямо со скамьи Коммунистического университета им. Свердлова. Работал здесь около трех лет. Женился на учительнице и уехал с женой и сыном на место новой работы.

Или вот другой — Атучин. Это — комсомольский вожак. Лет ему было столько же, сколько и Чудинову. Красавец, черноглазый, талантливый организатор и воспитатель молодежи. Удивительно не по годам спокойный и такой серьезный, что в шутку его звали иногда «папашей». Он умел охлаждать чересчур горячие головы, умел расшевелить равнодушных и ленивых. Что самое заметное было в его характере — это ровное товарищеское отношение ко всем и справедливость к каждо-

му в отдельности. Атучин не любил скороспелых выводов. При нем все важные вопросы жизни молодежи решались после сессии проработки на общих собраниях. После двухлетнего пребывания в Туве он уехал. Надо было видеть, как неохотно отпускала его молодежь: в зимнюю стужу по пустынной Ленинской улице человек сорок комсомольцев шло за санной одноконной подводой, провожая своего вожака.

Председателем Исполкома РСТК был Н. Н. Нелидов. Дай бог каждому быть таким коммунистом! Банда корнета Шмакова заняла Туран. Нелидов оказался у ней в плену. Когда вели на допрос, предупредили: «Беспартийных, если они не против нас, отпускаем, а коммунистов всех — под расстрел». Сам Шмаков спросил: «Вы коммунист?»—«Да,— ответил Нелидов,— я коммунист».—«А вы знаете, что мы коммунистов расстреливаем?»—«Знаю»,— спокойно ответил Нелидов. Допрос происходил в полночь. После допроса Нелидова посадили в пустую избу и приставили охрану. Перед утром туранские крестьяне освободили пленника. Нелидову было 25 лет. Впоследствии он учился в Ленинграде в политехническом институте.

Еще и еще вспоминаются молодые лица — умные, энергичные, волевые: Гламиев, Лиза Яровая, Лена Толшина, Таранова, Страус, Александр Подгорбунский, Федя Пудалов и многие другие. Это они пришли на тувинскую целину, они первые корчевали заросли людского невежества, смывали плесень заскорузлого быта, поднимали народ на борьбу с бескультурьем. Им первым достались косые взгляды кулачества и феодалов, но к ним же неудержимо тянулось подрастающее поколение и простые люди — труженики городов и деревень.

Михаил ПАХОМОВ

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

I.

У калитки школьной ограды остановилась кошевка. Густо посеребренный изморозью гривастый Воронок, будто в знак благодарности за передышку, шумно пырскнул ноздрями, помотал головой, пробуя, крепко ли натянуты вожжи. Первым из кошевки вылез закуржавевший молодой парень в черной собачьей дохе с косматым воротником и, обращаясь к пассажиру, спросил:

— Когда подъехать, Яков Сидорович?

— Завтра, в десять ноль-ноль,— ответил тот и, распахнув широкие полы белого армейского тулупа, резво поднялся.

— Смотри, Максим, какую школу отгрохали сугбажинцы!— обратился он к инструктору районного бюро райкома комсомола, с которым приехал в поселок.

— Да, ничего не скажешь. Хороша! Тут и комсомольцы приложили руку.

— Верно. Так вот,— сказал Яков, стягивая с себя тулуп,— заезжай к Тешукову. Ночевать будем у него. Скажи, чтобы коммунистов собрал часов на восемь вечера. Доложу о международном и внутреннем положении в канун нового года. Ясно?

— Вполне, Яков Сидорович!

— А я забегу к Евгении Николаевне, узнаю, когда освободится. Комсомольцев соберите пораньше и после собрания с секретарем придете на наше.

— Правильно! А то я уже подумал, что не послушаю ваш доклад,— обрадованно проговорил Максим, натягивая на руку пушистую, как и доха, мохнатку, опустил в кошевку и тронул вожжи.

— Ноо!— крикнул он, звонко чмокнув губами. Воронок круто повернул в улицу и пропал в морозном тумане, густо окутавшем деревню.

Яков вошел в калитку и не спеша направился к школе. В его размеренной походке чувствовалась военная выправка, под тугими серыми валенками звонко поскрипывал промерзший снег; серая тужурка, подпоясанная широким ремнем, плотно обтягивала его коренастую фигуру; меховая шапка с твердым козырьком сдвинута на затылок.

В это время широко распахнулась дверь школы, выбросив под тесовой карниз крыши белое облако пара. На крыльцо густой лавиной шумно выкатились ребятишки, звонко перекликаясь, как стая галок, натягивая шапки, платки, шубенки. Яков остановился, любуясь веселым щебетом детворы.

Из коридора школы был слышен голос учительницы:

— Одевайтесь хорошенько, на улице холодно! Ваня, ты опять не застегнулся на верхнюю пуговицу, давай я помогу. Бегите домой. Завтра в семь вечера приходите на елку.

— До свидания, Евгения Николаевна!— кричали малыши, выбегая из школы.

— Евгения Николаевна! Дядя Железнов приехал!— заглянув в дверь, крикнул старшекласник.

...Когда в первой группе учителей из Минусинска в Туву прибыла Евгения Веремей, Якову довелось ехать с ними вместе до Кызыла. Ему уже тогда не хотелось с нею расставаться. Подумывал оставить ее работать в Кызыльской школе, но она уже успела заявить в исполкоме, что поедет в любое село на самостоятельную работу, а в городе не останется. А секретарю райбюро Железнову было неудобно злоупотреблять своим положением перед исполкомом, да и ей навязывать свою волю он не хотел. Ведь как еще отнеслась бы она к этому? А быть навязчивым не мог. Прошло только четыре месяца, как работает она в этой школе, а Яков сюда — уже третий раз.

При каждом посещении и встрече с ней Железнов хотел непременно объясниться, но так и не решился. Главным препятствием, казалось ему, была ее недоступность, даже при малейшем намеке она уклонялась от разговора, держалась на расстоянии. И он все ждал, что это расстояние между ними как-то уменьшится, а может быть, и совсем исчезнет, и тогда все решится самой собой. Но ничего такого не случилось. И сегодня он уже твердо решил покончить с недомолвками.

Яков, будто впервые встретив ее, стоял, любуясь ею: темно-синее платье обрисовывало ее стройную девичью фигуру, стоячий воротничок плотно облегал мягкую гибкую шею; темная

пушистая коса, спускавшаяся на грудь через плечо, подчеркивала нежную белизну ее лица; карие глаза под крыльями темных бровей придавали ей вид непреклонной строгости и тонкого обаяния.

— Здравствуйте, Яков Сидорович, с приездом! — весело проговорила Веремей.

— Здравствуйте, Евгения Николаевна, — каким-то вдруг поблекшим голосом ответил он и протянул для пожатия руку.

— Как доехали? Озябли? Идемте в комнату отогреться. Я теперь живу тут, при школе. — Открывая дверь, она продолжала:

— Правда, у меня не очень тепло, но можно подогреть.

Раздеваясь, Яков попросил:

— Вы не беспокойтесь. Разрешите мне похозяйничать у печки?

— Пожалуйста, если хочется, — ставя чайник на печку, сказала хозяйка. — Яков Сидорович, — обратилась она, — я вас оставляю: у меня еще урок со старшеклассниками и тогда будем пить чай. Договорились?

Яков не нашел что ответить. Ему хотелось быть с нею и, пока не расслабло его намерение, объяснить. Но вмешиваться в дела учительницы считал бестактным и в знак согласия кивнул головой.

— Не скучайте! — сказала Евгения Николаевна. — Вот посмотрите журнал — первое издание нашей школы, творчество детей: тут и проза, и поэзия. — Она на секунду пристально посмотрела на Якова, и ему впервые показалось, что чуть разгумянившееся ее лицо как-то особенно сияло — в открытых глазах под высокими дугами бровей играли бесенята, тонкие губы готовы были разомкнуться в ослепительной улыбке, но будто смерзлись в ожидании чего-то.

Когда хозяйка вышла, Яков залюбовался ее комнатой: уголок девичий, как гнездышко синицы! Хотя и небогато, но уютно: на заправленной солдатской койке вместо пышной подушки — «думка» в белой наволочке; на стенке висячая полка с книгами, тетрадами, глобус; рядом крохотное зеркальце в деревянной рамке; на столе в корзиночке, сплетенной из тонких прутьев, цветы; у стола пара деревянных табуреток. Вот и вся обстановка, если не считать тумбочки с посудой, железной печки да чугунного рукомоиника в углу под занавеской; на окне, скамейке, на стенах лежали и висели игрушки для новогодней елки: хлопушки, зверюшки из папье-маше, гирлянды цветных флажков, бумажных цепей, на бумаге красочные рисунки персонажей из сказок, басен русских поэтов.

Рассматривая игрушки, Яков думал: «Детей учить — душу вложить!».

Нащепал лучин и затопил печку. В трубе загудело. Бока печурки вскоре покраснели, и по телу поползло сладостное тепло. Яков присел к печурке на табурет и наблюдал, как в решетчатой дверке весело играли кудрявые язычки огня. Вспомнилась походная жизнь красноармейца с Волги, политработника батальона знаменитой Пятой Красной Армии, громившей Колчака. Ведь не всегда же был в боях. Случались и передышки. И кто сочтет, сколько раз приходилось ему вот так же заглядывать в безмятежное пламя костра или железной печурки и думать: когда кончится эта страшная жизнь — кругом разруха, голод, тиф, льется кровь! С тех пор прошло совсем мало времени, а кажется — целая вечность. За плечами уже двадцать восемь лет, но такого вот милого уюта Яков еще не испытывал. После гражданской войны настолько захватила работа, что он даже не мог оглянуться, чтобы внимательно посмотреть на пройденный путь. Да если бы и было время, то с кем бы мог он поделиться пережитым? Только с товарищами по работе. А хотелось иметь друга, который мог бы понять всю глубину души его, оценить пройденный путь: простой рабочий, красноармеец, командир батальона, комиссар полка, секретарь райбюро. Все, кажется, просто. Но чего это стоило?! Его размышления прервал шум детей в коридоре. Кончился урок. Яков встал и направился к двери.

— Ух, как вы натопили! — с порога сказала Женя.

— Да, да, постарался. И чайник вскипел.

— Спасибо. Будем чай пить, — и она принялась накрывать на стол.

— Завтра встречаем Новый год. Вчера кое-что постряпала, в подарок детям печенье испекла, — сообщила Евгения Николаевна.

— В этой «буржуйке»? — удивился Железнов.

— Что вы, как можно! У Тешуковых стряпаю. Сейчас попробуем, вкусное ли печенье.

— Я плохой знаток кулинарии. Но, полагаю, что вкусное от невкусного отличить сумею. Евгения Николаевна! Мне очень хочется встретить Новый год с вами.

— В школе, разумеется?

— Все равно. Завтра с утра уеду в Элегест, проведу там собрание, побываю в школе и к вечеру буду здесь.

— И Максим с вами, вот и прекрасно!

— Я тут игрушки осматривал. Сделаны со вкусом. Это ваша работа?

— Дети. Я только руководила. Ребята очень увлекаются и способных немало. Я очень довольна ими.

— Да-а, — в раздумье сказал Яков. — Труд учителя — сложный труд. Таланта требует. Без любви к детям этого таланта не откроешь. Учить — это будить в ребенке инициативу, искать призвание, способности, ставить на верный путь, воспитывать в нем чувство быть наиболее полезным для своего народа.

— Убеждаете, Яков Сидорович?

— Зачем же. Просто рассуждаю. — Мне вот трудно оценить литературные качества стихов и рассказов, помещенных в журнале вашей школы, но содержание хорошее. Это выраженное сознание совсем еще маленького человека. Как знать, может быть, кое-кто из этих ребят будет писателем, поэтом. Просто замечательно! Мне мало довелось учиться в школе, но я с глубокой благодарностью вспоминаю свою учительницу. Она многому меня научила. Какой благодарный труд у вас, учителей!

— Да, но многое зависит еще и от того, в какой семье воспитывается ребенок, как помогает в воспитании детей общественность, в каких условиях приходится вести занятия. Вот вам пример: пока мы занимались в нардоме, где не было парт и других удобств, трудно было требовать от детей и дисциплины и прилежания к учебе. Но вот всего лишь несколько дней, как мы перешли в школу, дети буквально преобразились. С каким усердием они за все берутся! Слышите... Это дежурные убирают школу! Чистота и порядок — прежде всего! Ребятами командует Гоша Тешуков. Был он еще недавно самым озорным. Выбрали председателем школьного самоуправления — парня будто подменили: бушевавшая в нем энергия теперь бьет в цель. Посмотрите! — Евгения Николаевна показала в окно: во дворе шумная ватага ребят с метелками и лопатами убирала снег.

— У нас полное самообслуживание: ребята в школе топят печи, моют полы, следят за опрятностью своей одежды.

— Закладывается начало коллективного труда! — сказал Яков Сидорович. — Это замечательно!

Отойдя от окна, Евгения продолжала сервировку стола. Яков взял корзинку с цветами и сделал вид, что любит ее, ими, но сам глаз не сводил с хозяйки.

— Прошу к столу! — пригласила она. — Я вас заморила.

— Вижу, скучать вам, Евгения Николаевна, не приходится, — садясь к столу, сказал он.

— Вы правы: много работы не только в школе. Комсомо-

лия одолевает, культурно-просветительная работа в нардоме— моя забота. Женщины часто приходят: у одной не слушаются дети, другую муж побьет, я — главный судья и наставник. За окрестной юрты. Приходится уделять внимание женщинам-тувинкам.

— Словом: и чтец, и жнец, и на дуде игрец,— пошутил Яков.

— Вот именно. Вы знаете, недавно произошел случай, о котором я не могу вспомнить без содрогания.

Яков настороженно посмотрел на Евгению. Она, нахмурив брови, продолжала:

— Пришел молодой тувинец, торопился видать, с душой собраться не может — задыхается: «Спаси, бабки, говорит. Жена не может родить. Шаманку не хочу!» Пошла. Хорошо, что приходилось принимать роды. Все обошлось благополучно: пока принимала ребенка, отец заколол барана и принес теплую еще овчину, чтобы завернуть ребенка и сохранить от мороза: в юрте адский холод, страшная бедность, дым, грязь. Тепленькое тельце ребенка — и в овчину — страшно!

Яков встал и прошелся по комнате, тяжело вздохнув.

— Вот оно, наследие проклятого прошлого! — сказал он с горечью. — Я уже побывал во многих хошунах и повидал еще не такое. Араты живут в невыносимых условиях, и наш долг — помочь им быстрее покончить с этой бедой.

— Яков Сидорович, нравится вам наша школа?

— Если бы везде у нас были такие! — со вздохом сказал Железнов.

— Я благодарна Ландышеву. Он очень помог.

— Ландышев... что же он сделал?

— Видите-ли в чем дело: в поселке организовалось общество потребителей. В этом немалая заслуга Ландышева. Он здорово помог. На первых порах счетную работу возложил на меня. Но я поставила условие: пусть заплатят натурой. Николай должен был достать для нашей школы гвозди, металлические изделия, стекло, чугушные печки (кирпича достать было невозможно). Все это он и сделал, спасибо, и в декабре мы в школе начали заниматься.

— Что ж, это хорошо! — одобрил Яков. — Да, — после некоторой паузы сказал он. — Николай очень интересный парень. Я постоянно люблюсь им.

— Вы правы. Настоящий Аполлон! — вставила Евгения, отпивая из чашки чай.

Замолчав, Яков с минуту ходил из угла в угол. Евгения украдкой наблюдала за выражением его лица. Широкий с вы-

сохими залысинами лоб пересекли тоненькие морщинки, темные брови хмуро сошлись над тонким прямым носом, глаза прищурены, губы плотно сжаты.

Поняла: глубоко задумался о чем-то секретарь.

— А вы знаете, Евгения Николаевна, Николай вас сильно любит.— вдруг сказал он, остановившись около нее.

— Что? Николай любит меня?!—поднявшись с табуретки, засмеялась она.— У нас с ним товарищеские отношения, не большие.

— Я говорю совершенно серьезно!— сказал Яков и пристально посмотрел на нее ясно-голубыми глазами.— Вчера зашла речь о вас, и он откровенно сказал мне об этом.

— Вы шутите, должно быть. Но если он и сказал это вам, то это неправда. Насколько я знаю, любит он больше всего самого себя. Любуется своей красотой. Не более. Пойдемте-ка лучше, посмотрите классы нашей школы...

Когда возвратились из школы, Яков сказал:

— Вы так увлеклись своей работой, что вас ничего больше на свете не интересует. А вот я и работой не могу заглушить свою напасть.

— Напасть? Что-нибудь случилось, Яков Сидорович? — участливо спросила Евгения.

— А вы и не замечаете?— с оттенком горести спросил он и посмотрел на нее: в его глазах была неподдельная грусть и надежда. Казалось, ждал он, что перебросит она, наконец, мостик к разговору о любви. Но лицо ее слегка побледнело, а в глазах опять заметались бесенята. Казалось, что вот-вот скажет какую-нибудь злую шутку, и тогда намерение его к объяснению вновь оборвется. Но она промолчала. И Яков решился:

— Знаете что, Женя? Позвольте мне называть вас так! Ведь вы для меня давно уже не Евгения Николаевна. Я только не смел. А вот сегодня решил: Женя! Я хотел бы, чтобы ты знала о моих чувствах. И, если можешь, прошу разделить мой путь!

— Погодите, Яков Сидорович!..— еле слышно прервала она, еще больше побледнев.— Яков Сидорович, не спешите, прошу вас. Еще ничего не ясно и ничего не потеряно, многое непонятно и в моих чувствах к вам.

Женя опустила на табурет и прикрыла лицо ладонями. Ее пышные темные волосы рассыпались. Якову показалось, что она плачет.

— Женья!— сдавленным голосом обратился он.— Я тебя обидел?

— Нет, нет!— Она подняла голову, в глазах ее стояла грусть.

— Кто же это так незримо и крепко владеет твоим сердцем?

— Вы проникательны, Яков Сидорович. В искренности ваших чувств я не сомневаюсь. Разделить вашу судьбу — счастье.

— Женья!— почти крикнул Яков.

— Погодите, Яков Сидорович. Прежде чем дать ответ, я должна открыть перед вами одно обстоятельство.

— Говорите!

— Вот вы сказали, что не можете сравнить себя с Ландышевым. Я, например, такие понятия, как красота и образование, ценю тоже, но в последнюю очередь. Прошу выслушать до конца и тогда вы лучше меня поймете.

— Говори, Женья. Я слушаю! — Яков опустил на табуретку рядом с нею, облокотившись на край стола, положив свою крупную голову на ладонь.

— Говори! Я слушаю!— повторил он.

— В двадцатом году,— начала она еле слышно, будто опасалась потревожить кого-то своим голосом,— в селе, где я начала учительствовать, остановился отряд красноармейцев. На квартиру, где я жила, зашел молодой красивый комиссар, и мы познакомились. Было потом несколько встреч. Рождалась первая любовь. Она была взаимной. Но случилось так, что не судьба: отряд вскоре снялся из нашего села, и мы расстались. Вы комиссар и он комиссар. Но меня удивляет не это. Вы, комиссары, все сшиты по одной мерке: волевые, проникательные, сдержанные и препятствий для вас как бы не существует. Скажите, почему?

— Должно быть потому, что так нас воспитала партия: намечена цель, призываешь всю свою волю, все силы, чтобы достичь ее. Так во всем — в борьбе и в жизни.

— Да, так получается. Так вот: на прощание Якуб, держа мои руки, говорил: «Жди. Вот разобьем беляков, я приеду, и мы заживем с тобой на славу». Простились. Догоняя отряд, который уже скрылся за бугром, он все махал мне буденовкой.

Жила, надеялась. Часто получала письма.

— И вот... (Женья прислонилась к стенке и смотрела в потолок) получила последнее письмо. По просьбе Якуба писала медсестра. «Тяжело ранен. Сам писать не могу. Желая большого счастья. Оставь в своем сердце маленький уголок»

память о нашей короткой, но большой любви. Помни, мое сердце принадлежит только тебе». Дальше сестра писала уже от себя: «Назвал ваше имя и закрыл глаза навеки».

Евгения достала шкатулку, поставила на стол, открыла и сказала:

— Вот его письма. От вас скрывать не стану,— и заплакала.— Простите, Яков Сидорович, за эти невольные слезы. Свою тоску и боль в эти годы я старалась утопить в труде.

Яков встал, подошел к Жене, взял ее руку.

— Женья, дорогая, прости. Я искренне разделяю твою скорбь, преклоняюсь перед чистотой твоих чувств, которые ты бережешь так долго. Я этого никогда не забуду. Если ты согласишься, я буду достойным Якуба, и его чистую любовь мы понесем с тобой вместе. Верь мне, Женья!

— Я верю. Но ведь сердце не всегда подвластно разуму. Якуб незримо может противостоять, и я невольно буду наносить вам страдания.

— Постараюсь самым тщательным образом оберегать твое чувство, а за мои «страдания» не бойся. Я достаточно крепок.

— И все-таки я просила бы подумать и... если можно, избрать себе в подруги другую.

— Зачем мне синица в небе, когда рядом соловей?

— Ах, какой же вы, право, Яков Сидорович! Ну, подождите еще немножко, не требуйте пока моего окончательного ответа. Посоветуйтесь еще на досуге и со своим сердцем.

— Нет, Женья, откладывать мне нечего. Все ясно.

— Да, но, как вы сказали, у вас на пути еще и Николай.

— Третий лишний, он должен уйти!..

II

В кабинете секретаря только что закончилось заседание. Члены бюро разошлись. Яков укладывал в сейф последние бумаги, когда в дверь постучали.

— Войдите!— не отрываясь от дела, сказал он. Потом, щелкнув замком, повернулся к двери. Вошел Ландышев. Его буйная шевелюра была тщательно уложена. Спортивная рубашка апаш, казалось, готова была расползтись по швам, распираемая мощной мускулатурой атлета. Серые, тщательно отутюженные брюки, до блеска начищенные желтые ботинки. Яков хорошо знал, с каким уважением относился к нему этот добродушный по характеру и высокообразованный молодой человек. (Николай в семнадцатом году закончил гимназию

и с головой ушел в революцию). Не допуская и намека на снисходительность к «малограмотному» секретарю, как считал себя Железнов, Ландышев всегда подчеркивал свою вежливость и уважение к его авторитету партийного вожака. Но, любуясь своим товарищем, Яков невольно вспомнил сравнение, данное Женей: «Истинный Аполлон!»

— Добрый вечер, Яков Сидорович!— мягко пробасил Николай.— Извините, что задержу на минутку.

— Давай, давай, чего тут оговариваться,— пригласил к столу Железнов.— Садись. Закури.

— Спасибо. Пожалуй, закурю по такому случаю. А вообще-то я бросаю курить,— усаживаясь на заскрипевший под его тяжестью стул, мягко рокотал Ландышев.

— Что так?

— Следуя примеру старших,— намекнул он секретарю, который никогда не баловал себя этим.— Здоровье беречь решил.

— Замечательно! И здоровье и голова свежее.

— Вот именно.

Ландышев старался казаться спокойным. Но в синих глазах, которые он отводил от пытливого взгляда секретаря, была тревога и какая-то сдержанность.

— Я слушаю тебя, Коля!— В неофициальном разговоре Яков всегда так обращался к Ландышеву.

Не поднимая на собеседника глаз, Ландышев заговорил с паузами:— Простите меня, Яков Сидорович, за столь деликатный разговор. Америки открывать я не собираюсь.— Он, кажется, впервые взглянул на секретаря.

— Да, да, пожалуйста, продолжай. Извиняться не стоит. Я слушаю тебя, Коля!

— Так вот, вы знаете,— продолжал Ландышев,— что я любил Евгению Николаевну. И прошу правильно понять меня: я несколько не был обижен, когда вы поженились. Никаких претензий не имею и теперь. Но хотя с тех пор прошел уже год, а любовь не остывает. Я всячески пытался притушить в себе это чувство, но тщетно. Разрешите мне, я хочу служить во флоте. Думаю, примут. Море, говорят, вылечивает от недугов.

— А все ли ты взвесил, товарищ Ландышев?— приподнимаясь со стула, проговорил секретарь полуофициально.

— Год — достаточное время для размышлений, товарищ секретарь!

— Я возражать не стану.

— Спасибо, Яков Сидорович! Другого я не ожидал.

На следующий день Ландышев постучал в дверь кабинета секретаря и вошел.

— Добрый день, Яков Сидорович!— приветствовал он.

— А, Николай, здравствуй, садись, пожалуйста,— поднявшись навстречу, ответил Железнов. Когда Николай сел, он сказал, прибирая рассыпавшиеся непослушные волосы:

— Вопрос решен. Бюро не стало возражать. Такие молодцы флоту нужны. Когда же намерен выехать?

— Чем скорее, тем лучше!— встав, проговорил Ландышев.

— Вот что, Николай. На днях в Минусинск отходит плот с грузом Госторга. Нужен сопровождающий. Мало ли что может стрястись — пушнина, кожевенное сырье, ценности большие. Вооруженная охрана — в твое распоряжение. Надеюсь, что это задание выполнишь как нельзя лучше. Доберетесь до Минусинска, напишешь. Как думаешь?

— Если доверите — спасибо! Только вот еще что: позвольте мне встретиться на прощанье с Евгенией Николаевной. Только чтоб, извините, без свидетелей.

— Пожалуйста! Кстати, я через час уезжаю на Хемчик. Там должен завтра выступить на съезде. Пробуду дней пять. Так что ты можешь зайти к Жене в любое время. Устраивает?— и, хитро сощурился, продолжал:

— Только уговор: не соблазнять Женю! Чего доброго, и ее утянешь к морю!

— Что вы, Яков Сидорович!

— Шучу, шучу, Коля!— И Яков дружески похлопал его по плечу.

— Благодарю вас, Яков Сидорович. Чудесный вы человек!

— Ну что ж. Прощай, Коля! Хотя, возможно, еще и увидимся когда-нибудь. Не забывай!

— До свиданья, Яков Сидорович!— Ландышев круто повернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

III

— Вот вредный мужчина, так и не заглянул, испарился!— проговорила Евгения Николаевна, отходя от кровати, в которой уснула своего Мая.— Целых пять дней его не будет,— думала она, заплетая косу перед зеркалом.— Был бы хоть телефон — позвонила бы. Уехать на Хемчик — сотни верст, к тому же там только недавно ликвидирована заваруха.

Под заварухой она подразумевала мятеж феодалов на Хемчике, которые намеревались свергнуть революционное

правительство и восстановить феодальные порядки. Железнов выехал туда, чтобы помочь провести разъяснительную работу с населением и принять участие в съезде. Евгения беспокоилась.

Ее размышления прервал стук в дверь. «Чужой кто-то»,— подумала и пошла к двери.

— Кто там?— спросила.

— Открой, Евгения! Я это.

— А, проходите,— сняв крючок, проговорила она.— Что-то долго пропадали и глаз не показывали!

— Здравствуй, Евгения,— наклонив голову, поздоровался Ландышев (он всегда так ее называл). Евгения по-свойски протянула руку.

— Здравствуйте, Николай. Проходите!— и пошла к столу, указывая ему место на стуле.— Садитесь. Что это вы так долго к нам не заглядываете? Должно быть, недели две уже прошло.

Ландышев, держась за лацканы своего плаща, не двигался с места.

— Что с вами, Николай? Заболели или что случилось?

— Я зашел проститься!— поднял он блестящие глаза.

— Проститься? Что это значит?

— Не надо спрашивать ни о чем. Зашел я, как уже сказал, попрощаться. Уезжаю. Навсегда. К морю. Во флот. Возможно, только море способно залечить мою рану. Я понял, что здесь жить дальше не в состоянии. Ничего не говорите, прошу... Яков Сидорович все знает, и он разрешил мне выехать. До свидания.

— Николай! Но это все так неожиданно!

— Иначе не мог! Взаимности твоей я и не ожидал. Знай, что о любви своей к тебе я говорил Якову.

— Знаю. Яша говорил мне еще до того, как мы поженились.

— Я сказал ему и сегодня все. И он не возражал, чтобы я простился с тобой.

— Ну и ну!

— Итак, прощай!— в голосе его стояли слезы.

— Николай, успокойся! Мы с тобой были добрыми товарищами...

IV

Прошло четыре года.

Евгения Николаевна, управившись с домашними делами после работы в школе, занималась с Маем: из глины лепили

они фигурки красноармейцев и аратов на лошадях. Рядом на столе возвышался бюст Пушкина, сделанный матерью. Мальчик, занимаясь лепкой, то и дело заглядывал на великого поэта.

— Мам, а я буду лепить Пушкина?— спрашивал он.

— Будешь, непременно будешь, мое золотко! Вот научишься хорошо лепить, возьмешься и за Пушкина. А теперь еще рано тебе,— тихо говорила мать, исправляя выполненные мальчиком фигуры. Занятие было нарушено появлением Якова. Мая будто ветром сдуло со стула, он бросился к отцу.

— Папа, а я научился лепить лошадок. Мама говорит, что я уже умею.

— Замечательно, мой мальчик. Учись, дорогой. Скоро пойдешь в школу. Пригодится. Станешь строителем, художником,— говорил Яков Сидорович, раздеваясь у вешалки.— Чертовски холодно! Мороз градусов полста, не меньше,— проговорил он, потирая руки и вздрагивая.

— Да, морозец славный. Я в ботинках еле добежала с работы,— вставила Евгения.

— А где Нина?

— Спит.

— Женя, у тебя сегодня вечер свободный?

— Да, а что?

— Ты приготовь, пожалуйста, что-нибудь к ужину такое, повкуснее.

— Гостей ждешь?

— Будет один. Знатный!

— Кто же?

— Потом узнаешь.

— Секрет?

— И да и нет. В общем, не разочаруешься. Придет в восемь. Успеешь приготовить?

— Если сможешь.

— С удовольствием!

И работа закипела...

Послышался стук в наружную дверь.

— Гость?— спросила Евгения.

— Должно быть. Иди открой,— спокойно сказал Яков, перелистывая книгу.

Евгения, поправив прическу, вышла в коридор.

— Пожалуйста, входите!— мягко пригласила.

На крыльце стоял высокий человек в матросском бушлате.

— Что же вы стоите? Проходите!

— Не узнаешь, Евгения?— пробасил гость.

— Николай? Откуда ты взялся?

— Он самый. Здравствуй!— шагнул к ней Ландышев. Он сдержанно пожал протянутую руку Евгении.

— А, появился, наконец, вот замечательно!— Яков Сидорович встретил его у порога и начал помогать раздеваться.

— Не мог не появиться,— ответил Ландышев.

— Совсем прибыл?

— По чистой.

— Добро. Присаживайся к столу, а я помогу Жене.— И Яков ушел на кухню.

— Вот теперь и начнем!— услышал он веселый голос Якова, который появился с графином и стаканами в руках.

Вечер прошел как нельзя лучше.

Ландышев, как и раньше, до ухода во флот, изредка появлялся в семье Железновых. Его поведение и отношение к ним внешне было спокойным. Но однажды Евгения после ухода Николая сказала мужу:

— Вот что, Яша. Дальше так продолжаться не может.

— Что ты имеешь в виду?

— Николай по-прежнему любит меня.

— Может быть, взаимность? — спросил он.

— Это совершенно исключено!— с тяжелым вздохом сказала она.

— Женюра, дорогая, прости!— горячо сказал Яков.— Я просто очерствел: наше семейное счастье и уйма дел так меня захлестнули, что я упустил из виду сказать тебе то, что говорил мне Николай при встрече.

— Что именно?— встревожилась она.

— Сразу же после того, как мы поздоровались, он сказал буквально следующее: «Мои чувства к Евгении не стали меньше. Что хочешь, Яков Сидорович, то и делай со мной, а разреши взглянуть на нее!»

— Вот как!

— Да, и какой же я, право, олух! Но ты успокойся, дорогая, и не подумай, что я устраивал тебе какой-то шутовской экзамен. Успокойся, все будет хорошо!

На очередную встречу с Николаем они пригласили молоденькую учительницу, работавшую с Женей. Вошел Ландышев и зашумел, как обычно: громко здоровался, задавал вопросы будущему моряку — Маю.

— Познакомьтесь,— сказала Евгения Николаевна.— Это Рая Молотилова.

— Ландышев Николай,— глухо пробасил тот, учтиво поклонившись.

Месяцев через пять состоялась свадьба. В числе главных посаженных были супруги Железновы. В Рае Ландышев нашел свое счастье. Его безответная любовь к Евгении перекипела в большую дружбу.

ВЕНОК ДРУЖБЫ

Степан ЩИПАЧЕВ

В КЫЗЫЛЕ

Пускай зимою путь сюда не прост,
Пускай стоит недвижный, весь в дыму,
Пятидесятиградусный мороз,—
Я здесь! Приветливые руки жму.
Кызыл, Кызыл! Быть может, прошлых злей,
Стоит седая, древняя зима,
А ты — не старше юных тополей,
Светлы, приветливы твои дома.

Слова у сердца своего заимствуй,
Когда теснее круг сомкнут друзья,
Простому твоему гостеприимству,
Кызыл, не знаю, чем отвечу я.
Одно скажу — в том сердце даст поруку,—
Что если дома карту разверну,
Тебе вот эту дружескую руку
Я над материками протяну.

1942 г.

ДЕПУТАТКА

Как ни темен был прежний твой мир,
Как ни много прожито лет,—

На стоянке Орта-Саир
Я нашел твоей жизни след.

Я по следу идти готов.
Это ты пастушкой стоишь.
Горький запах тувинских цветов
На руках загрубелых твоих.

И травинки, и камни меля,
Катит время годов колесо.
Словно Азии древней земля,
Все в морщинках твое лицо.

Сколько зим завирухи мели!
И долины цвели сколько раз!
Исходила ты много земли,
Чтоб взойти на трибуну сейчас.

И народной правде твоей
Рукоплещет Великий Хурал...
Как цветы синих гор и степей,
Я слова о тебе собирал.

1943 г.

ЕНИСЕЙ

Он, холодный, бьется у причала,
Катит воды светлые вперед,
В ледниках, снегах свое начало
Ручейками синими берет.

В поднебесных скалах Одугена
Первой струйке капля дорога.
Та земля вовек благословенна,
Где такая родилась река.

Енисей, он и в Сибири тот же,—
Непокорный, яростный и здесь,
Где на каменных порогах Тоджи
Он ревет и скачет в пене весь.

Уж на что, казалось бы, Саяны
Были неприступны впереди,

Он и здесь пробился к океану,
Не свернул со своего пути.

В синих грядках, скалах исполинских
Енисей раздвинул берега,
И его назвали по-тувински:
Улуг-Хем — великая река.

1943 г.

Семен ГУДЗЕНКО

УТРО В ТАЙГЕ

Трутся просмоленные веревки.
Сплочен плот —
Надежный и тугой.
Возвращаюсь из командировки
Вниз по рекам
Тоджинской тайгой.

Лиственницы пьют из Енисея,
Захмелев, шатаются чуть-чуть.
Жаль, что эту прелесть не сумею
Я себе на память зачерпнуть.

Утро собирает к водопою
Всю разноплеменную тайгу:
Выведет
Коряжистой тропой,
Выстроит на узком берегу.

И пред молчаливою водою,
Подойдя сторожко к валуну,
Встанет рысь с медведицей седою,
Ткнется соболь в легкую волну,
Олененок замшевой губою
Мягко тронет ломкую струю
И увидит вдруг перед собок
Морду симпатичную свою.
Побежит,
Шатаясь от волненья,
Прикрываясь хрустким камышом.
И зайдутся взрослые олени

В хохоте над милым малышом.
Я не знал,
Что смотрят плотогоны
С острова
На мирный водопой,
Я не видел в зарослях зеленых
Старой плащ-палатки над собой.
Я забыл,
Что плыл со мною рядом
В челноке охотник Аракча,
Я не замечал за перекатом
Своего попутчика врача.

Прислонив тяжелые кремневки
И переломив дробовики,
После перехода и ночевки
Мы смотрели Сказку у реки.
Ни одна таежная тропинка
Не вела охотников к дуплу.
Ни одна тревожная дробинка
Не прошила утреннюю мглу.

А как только
Звери удалились —
Я и это видел не один, —
Мы сошлись,
На весла навалились
И поплыли с тоджинских вершин.

Небо становилось все яснее —
Солнце поднималось из воды.
И спускались вниз по Енисею
Наши неразлучные плоты.

1948 г.

ПОСЛЕДНИЙ ШАМАН

Бубен сгнил.
Халат поизносился.
Обтрепался меховой колпак.
И шаман шаманить разучился —
Не уговоришь его никак.

Так и не услышал я камланья,
Не увидел пляски у огня.
Зря меня послушные олени
По тайге везли четыре дня.

Так ведь и должно было случиться —
Как я там хочу иль не хочу:
Мой шаман направился лечиться
К двадцатитрехлетнему врачу.

Он сидит задумчиво на стуле,
Смуглолицый,
Сморщенный,
Седой,
Запивая мятные пилюли
Просто кипяченою водой.

А над ним
Склоняется врачиха,—
Шелковая прядка у виска,—
Что-то приговаривая тихо,
Лечит от сомнений старика.

Люда Саломатина кончала
Первый медицинский институт.
Здесь, в Туве, крепилась,
И скучала,
И ждала:
«Когда же отзовут!»
Здесь ее тувинцы окрестили
Тоненькой Хозяйкою Лесной.
И она уверенные крылья
Сразу ощутила за спиной.

...Если встанут памятники людям
Над сибирской горною рекой,
На граните
Детский профиль Люды
Выбьет скульптор братскою рукой.

А вокруг врача —
Оленеводы —
Все, кого от гибели спасло
Доброе деяние народа,
Лекаря святое ремесло.

1948 г.

ПРАЗДНИК В КОЛХОЗЕ

Чодураа —
Это белый черемухи цвет.
«Чодураа» —
Так араты назвали колхоз.
«Чодураа» —
Это первый за тысячи лет
В этом крае
Груженный пшеницей обоз.

В этом крае,
Где были ковыль да полынь
И тяжелая пыль от кочующих стад.
В этом крае,
Где есть и вода, и теплынь,
И уже на земле распланирован сад.

«Чодураа»!
Неумело слезаю с коня
И поклоном приветствую новых друзей.
И они с удивленьем глядят на меня:
Из Москвы я!
Сегодня я виделся с ней!

Самый вежливый спросит:
— Ну как, хороша?
Самый старый:
— Ответь, как здоровье ее?

А у юного парня
Взыграет душа:
— Все, что знаешь,
Дарга, расскажи про нее!

И тогда поднимусь я
За длинным столом.
И в стаканах поднимется
Сразу у всех
Арака,
Что пахивает молоком,
Что крепка,
Но для праздника вовсе не грех.

— Мы тянулись друг к другу
Из гнета оков,
Из чужой кабалы,
Из недоброй молвы,
Чтоб на радость друзьям,
Чтоб на веки веков
Стали братьями
Люди Москвы и Тувы!—
И еще я скажу им
Такие слова:

— Я сегодня расстался
С любимой Москвой!
Вам сегодня привет
Посылала Москва,
Той Туве,
Что дорогой идет столбовой!

И колхозники глянут
За синий хребет,
По которому тракт
К Минусинску идет —
Тот,
Что гордо хранит
Вечный Ленина след,
Тот,
Что честных аратов
В коммуну ведет.

Самый вежливый скажет:
— Давайте споем.
Самый старый прикажет:
— Москвич, запевай!

Я пою,
И со мной громыхает вдвоем
Засаянский
                  родной
                                  новорожденный край!

Чодураа —
Это белый черемухи цвет.
«Чодураа»—
Так араты назвали колхоз.
«Чодураа»—

Это первый за тысячи лет
Начинается пир
Без шаманов и слез.

1948 г.

* * *

Безгранична степь,
Бездыханна,—
Только крыльев всплеск,
Только вскрик,
Да старинным путем Чингис-хана
Запыленный гремит грузовик.

...Если хочешь увидеть, историк,
Перемену веков и эпох —
Поднимись на гранитный пригорок,
Где рыжеет от времени мох,
Где из камня долбленная баба
Удивленно уставилась вниз
На плывущий по тряским ухабам
С перегруженным кузовом «ЗИС».

Он летит из районного центра
По кочевьям в Сут-Хольской степи —
Весь из грома, из молний,
Из ветра.
Повстречаешь —
Тропу уступи!
И гляди,
Как вдогонку клубится
То ли пыль,
То ли дым,
То ли прах;
Как в ковыль забивается птица,
Гонит зверя грохочущий страх;
Как дразнящие ветры погони
Распахнут небеса,
Обожгут;
Как сорвутся в селениях кони —
И мальчишки
На курсы сбегут!

О Д А

Кого это носит нелегкая
Кочевьями по ночам?
Кому это вышла далекая
На пограничный ручей?
Дорога легла далекая
Водителям и врачам.
Работа мотает нелегкая
Водителей и врачей.

Да здравствует наступление
На юрты и ТБЦ
И свитки бинта стерильного,
Дымящиеся в котле!
Да здравствует поколение
С веселым упрямством в лице!
И поступь автомобильная
На кварцевой колее!

Лежат в кузовах учебники
И красные кирпичи,
Для школы и для лечебницы
Лампочки Ильича.
И колятся по области
Водители и врачи.
Какой тувинец не знает
Водителя и врача?

...А реки глухим потоком
Обрушиваются с крутизн,
Столетиями себя
Растрчивая впустую.
Но высоковольтным током
Работать на коммунизм
Их заставляют люди,
И реки не протестуют.

Работы на реках много,
И нам она по плечу.
Недаром мы все в родителя
Каменными плечами.
В тайгу приказано выехать
Водителю и врачу.
И первые главы вписаны
Водителями и врачами.

Пришла машина с лопатами
И желтым брусчатым толом.
В кабине сидели девушки —
Две ласковые сестры.
Одна орудовала йодом
И черным ихтиолом,
Другая мотор согревала,
Раскладывая костры.

О, сколько еще возиться
С реками и ручьями!
Оркестры пока отдыхают
Под праздничным кумачом.
Да здравствуют все, кто служит
Водителями и врачами!
Да здравствуют все, кто дружит
С водителем и врачом!

Александр ПРОКОФЬЕВ

ЦЕНТР АЗИИ

Синее синего сатина
Лазурь, что разлилась вокруг.
Так вот где Азии середина,
Она в Туве, в Кызыле, друг!

Она в Кызыле меж домами,
Где рядом чахлые кусты.
Она вот здесь!
Она в кармане
У этой синей высоты!

Центр Азии!
Сильнее грома,
Сильней набата бьют слова.
А он приткнулся возле дома...
И все ж гордится им Тува!

Всей Азии гордиться впору.
И в этот центр издалека —
Глядясь Огненные горы — не свысока,
Не свысока!

1960 г.

ГОРЫ

Огненными их зовет Тува.
И она права,
Она права!
Там леса горят и не сгорают,
Ярко-желтым пламенем пылая...

Ярко-красным,
Ярко-золотым,
Самым старым,
Самым молодым,
Самым, самым!

Где-то в поднебесье
Над таким костром
Летает песня.

1960 г.

САЯНА

В Туве — куда ни гляну я —
Все синь да синева...
Саянами, Саянами
Обложена Тува.

У них Тува в подножии,
Годам потерян счет,
О них легенды сложены
И сложатся еще!

Они с Тувою слитые,
Как с бурей волна,
И в честь их сановитые
Даются имена.

И в стих, темнея косами,
В молву и из молвы
Идет она, раскосая,
Саяна из Тувы.

Мне имя это нравится,
И я его беру,
Оно гремит, как здравица,
На свадебном пиру!

1960 г.

* * *

У Шумовых сегодня шумно,
Но все понятно, что к чему.

Петрусь БРОВКА

БРАТСТВО

Плохо ль русским родиться?
Где раздолье такое?
Где созвездие ярче, чем
над красной Москвою?
Словно сказка, российские
реки и рощи,
Словно песня — язык,
Полный пушкинской мощи.
А краса Прибайкалья?
А леса на Урале?
А ракеты, которые небо
порвали?
Свет России взметнув
В Царство вечного мрака...
И скажу я, однако:
Плохо ль быть украинцем?
Где пшеницы такие?
Где отыщешь ты город
зеленее, чем Киев?
А Карпаты? А Днепр —
быстроволный, крылатый?
А вишневая кипень перед белою хатой?
Ах, как хлопцы танцуют,
сердцу радость даруя!..
Но и так говорю я:
Худо ль мне, белорусу? Где
бы ни был, повсюду
Я всей кровью
приверженность
чувствовать буду.

К полю с духом ржаным,
К соснякам густобровым,
И к змеистым речушкам,
И к тенистым дубровам,
И к народу, который в беде
не согнется,
И к напеву, который
от сердца поется,
И к родной деревеньке моей
с домом отчим...
Но я думаю, впрочем,
Что родиться бы мне
Хорошо и грузином —
Там, где высятся горы
С их размахом орлиным,
Там, где плачет чонгури
так нежно, так чисто,
Где так солнечны грозди,
Где вино так лучисто.
Где джигитом, как все, был бы
я от рожденья...
Но мое убежденье
Таково, что родиться б
я рад и узбеком —
Там, где древность сплетается
с нынешним веком,
Там, в краю новостроек
и бесценных раскопок,
Где в расплавленном
золоте полудня хлопок
Меж каналами морем
пролег белопенным...
Но, коль быть откровенным,—
Хорошо и литовцу, хорошо
и эстонцу.
Все края одинаково дороги
солнцу.
И на землях родимых
в соцветье великом,
Чувавам и якутам, латышам и таджикам
Есть на что заглядеться
И есть чем гордиться!
Где же лучше родиться?
Получил я как раз,
размышляя об этом,

Из Кызыла письмо —
с приглашением,
с приветом:
За Саяны, на праздник,
в просторы степные
Приглашают тувинцы, как
родного родные.
И вот с этим стихом, как
со скромным гостинцем,
Еду к братьям моим —
Еду в гости к тувинцам.
1965 г.

* * *

Салчаку Тока

Не был за Саянами ни разу я,
А теперь увидел наяву
В самом центре многоцветной Азии
Травами покрытую Туву.

Навсегда заморожен я обликом
Этих нескончаемых степей,
Этих пастбищ, этих гор заоблачных,
Подаривших миру Енисей.

Смуглые, из меди сплошь отлитые,
Нас тувинцы приглашают в дом.
Чувствую, сердца у них открытые,
Как степной горячий оком.

Этих щедрых встреч разнообразие
Выветрить из памяти нельзя.
Как я рад, что в самом центре Азии
Есть такие верные друзья.

1965 г.

* * *

Степь. Отара. И чабан.
И Саяны снежные.
И с бараниной казан,—
Все, как в годы прежние.

И костер. И вьется дым
По старинке, петлями...
Только стал совсем другим
Тот чабан приветливый.

В юрте радио поет
Рядом с книжной полкою.
И кружится вертолет
Над равниной шелковой.

1965 г.

* * *

Юрта — словно войлочная шапка.
Но внутри — уют и чистота.
Трубочку покуривает бабка,
Сморщенная — ей не меньше ста.

Сгорбилась над пиалой с чаем.
Сколько было прожито — вникай!
...Нас у входа правнучка встречает.
А зовут девчонку — Маакай.

Выросла румянна, черноглаза
Посреди распахнутой земли.
Попросили — и запела сразу
Так, что закачались ковыли.

Маакай мечтает стать певицей.
Сбудется мечта. Лишь дайте срок.
...Встретиться бы с нею, круглолицей,
Вновь услышать ясный голосок!

1965 г.

СТИХИ И ПОЭМЫ

Степан САРЫГ-ООЛ

СКОВОДАМ

Привольными степями
иду ли я пешком,
К далеким перевалам
скачу ли я верхом,
Куда б ни направлялся —
повсюду и всегда
Мой взор стада ласкают
несметные стада.
Черны, как крылья галки,
как облако белы,
Задумчивые овцы
пасутся у скалы.
Холмы, холмы пестреют,
отарам нет конца.
Растут, растут отары
и радуют сердца.
А это что — лавина?
Откуда этот гул?
А может, это море?
А может быть, пожар?
Нет, то табун пасется,
породистый табун!

Мой Хемчик, ты — единственная в мире.
Любимая река!
Могучий Хемчик мой.
Всех лучше — Хемчик мой!

ОГОНЬКИ ПАРКА

В аллеях густых и над темной водой —
Повсюду, куда ни взгляни,
Сегодня гуляет народ молодой,
И всюду сияют огни.

Что там за свет разливается ярко,
Что там горит у реки?—
Это гирлянды любимого парка,
Это его огоньки!

А радостной музыке нету конца —
Задорные песни звучат.
Сегодня поют молодые сердца
Веселых парней и девчат.

Что за мелодия гордо и смело
Над Енисеем плывет?—
Это мелодия парка Гастелло
Юных на праздник зовет!

Ты слышишь, как песня запела в груди?
И значит — сюда поспеши.
Наш остров зеленый вокруг обойди,
Прохладой реки подыши.

Что там за свет разливается ярко,
Что там горит у реки?—
Это гирлянды Кызыльского парка,
Это его огоньки!

ПЕСНЯ ЛЮБВИ И ГНЕВА

Поэма

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Здесь Хем-Белдир¹.
Здесь центр материка.
Здесь начинается Великая река².

Ученые поставили байзу³,
А старики решили: не к добру.
И вот они нехитрый скарб везут,
Поспешно ковыляют по бугру.
Прочь от Белдира.
Поскорее прочь!
Испуганные едут вдоль реки,
Везут свою единственную дочь
Угрюмые седые старики.

Как шахматный король
Под вечным шахом
Не обретет покоя никогда,
Так и они: то голодом, то страхом
Гонимы вечно.
Их ведет нужда.

1

Они места стоянок забывали,
Ведь так однообразно жизнь текла!

---

¹ *Хем-Белдир* — слияние рек. Место слияния Бий-Хема и Каа-Хема (Большого Енисея и Малого Енисея). На этом месте стоит Кызыл.

² *Великая река*. Енисей тувинцы называют Улуг-Хем, т. е. Великая река.

³ *Байза* — столб, знак. В данном случае — столб, обозначающий центр Азии.

Но эти дни забудутся едва ли.
В тот год они пришли в Баян-Колá.

Их дочка незаметно превратилась
В красавицу. Пришла ее пора.
Лицо ее пылало и светилось,
Казалось, что луна — ее сестра.
И не видал никто такого дива,
И любовались все ее лицом.
В изодранную юрту заходила —
И юрта сразу делалась дворцом!
Хоть были небогатыми наряды,
Но не было красавицы стройней.
Куда бы ни пришла — ей всюду рады,
И льются песни звонкие о ней.

«Среди красных скал Суглуг-Хема
Нет прекраснее Хулбус-Даша.
Среди девушек Суглуг-Хема
Всех милее голубка наша».

Лихие парни из окрестных мест
Все кружат около ее аала.
Они не смотрят на других невест,
А ведь красивых девушек немало.
Как вечер — так и тянет к ней парней,
Как вечер — слышен топот их коней —
В могучих скалах эхо раздается.
И вспыхивают песни. Лишь о ней,
О ней, о луноликой, в них поется.

«В сумерках и в темноте
ярче всех Шолбан блестит,
Ярче всех горячих звезд
первая звезда сияет.
Если милая смеется,
если милая грустит —
Все равно ее глаза
ласково всегда сияют...»

Задумчивая песня не допета —
Уже другой торопится с ответом.
Язык его остер, а нрав — суров,
В запасе много ядовитых слов.

«Хороша моя частушка,
Слушай, друг, да разумей.
Милая твоя подружка
Станет милою моей!

Ты отцу ее напрасно
Подарил коня лихого!
Ни за что пропал саврасый!
Где еще найдешь такого?

Хоть тоска тебя и гложет —
Ты походишь, да и бросишь.
Или от обиды, может,
Ты коня назад попросишь?»

Едва его частушки отзвучали —
Другие разрывают тишину,
И тот джигит, который пел вначале,
Уже ответ бросает хвосту:

«Слушал я твою частушку —
Что-то ты перехватил.
Ты болтаешь про подружку,
Будто ты ее купил.

А она не продается
Ни за деньги, ни за скот.
Зря частушка раздается,
Потрясая небосвод!

Стал ты больно говорливым,
Стал ты больно торопливым.
Не хвались конем игривым,
Если он еще не пригнан!»

Красавица Уран следит за ними,
Следит за голосами их шальными.
«Покрепче крой его, не уступай,
Не уступай ему, Адавастай!»

2

Уран заснула.
Станный сон приснился.
Какой-то старичок во сне явился.

Он ласково с Уран поговорил,
Но на прощанье взял да озадачил:
Он ей флакончик туши подарил
И кисточку китайскую впридачу.
— Зачем мне это все, акый?— спросила.
— Сама должна понять,— ответил он.
Но девушка понять была не в силах.
Старик пропал.
И оборвался сон.

Уран, как птица, на рассвете встала.
Все утро по хозяйству хлопотала.

Потом весь день овец в степи пасла.
А к вечеру за хворостом пошла.

3

Она отправилась через проток
На небольшой зеленый островок.

Вода ей доходила до колена,
Холодная и бурная вода,
Но девушка преграду одолела
Уверенно и быстро, как всегда.
Но только на берег она ступила,
Как вся насторожилась.
В этот миг
Какой-то голос, слабый и унылый,
Как будто прямо за спиной возник.
Как будто он кого-то призывал...
Но шум воды тот голос покрывал.

«На островке, заброшенном и тихом,
Конечно, никого живого нет.
Я, видно, просто-напросто трусиха,
Какой еще не видел белый свет...»

И с песенкой негромкой и протяжной
Сухие ветки стала собирать.
И снова — голос.
Снова стало страшно.
Ей захотелось попросту удрать.
А стоны снова.

«Что за наваждение?
Неужто тут нечистые живут?»
Она шулбус¹ боялась от рожденья.
«Они меня зовут!..
Меня зовут!!!»
И двинулась на голос.
Ноги сами,
Помимо воли бедную несли.
Над нею ветви грозно нависали,
А на ветвях лишайники росли...

И вдруг — о боже! —
Стало как-то жутко:
Какой-то русский с рыжей бородой
В мохнатой шапке, в кожаной тужурке
Лежал на камне,
Прямо над водой.
Он был без памяти.
Наверно, ранен.
Он как-то слишком жалобно стонал.
Здесь — жизнь, там — смерть.
А он лежал на грани.
Но сам об этом ничего не знал.
Не помощи, казалось, а прощенья
Он горестными стонами просил..
Она увидела его мученья,
Увидела, что он совсем без сил.

«Откуда он?
Ведь, говорят, в Белдире
Недавно битва с белыми была,
И, говорят, что белые победили...»
И к русскому несмело подошла.
И опустилась рядом с ним на камень,
И нежно голову взяла руками,
Воды холодной в рот ему влила
И понемногу в чувство привела.

— Вставайте, брат, вставайте, поднимайтесь,
Скорей пойдем домой, пока светло.
Вы на меня покрепче опирайтесь,
Не бойтесь, мне совсем нетяжело.

---

¹ Шулбус — черт, нечистая сила.

Она подумала:
«Ведь каждый может,
Как этот бородач, попасть в беду...
А кто ж ему на островке поможет?
Я к нам домой беднягу приведу».

Вот, наконец, и юрта.
Дверь открыла
И вместе с гостем робко так вошла.
Но мать ни слова не проговорила.
В ее руках дрожала пиала.

А гостя их, старушка боевая,
Изобразила на лице испуг
И закричала:
— Ой, беда какая!
И выронила пиалу из рук.
Она заохала, запричитала,
Она забормотала, завела:
— Вам только этого и не хватало!
Кого, подумай, в юрту привела?!
Ведь это русский! Разве непонятно?
А ну-ка, отведи его обратно!

Старушка убежала.
Стало легче.
И медленно тогда сказал отец:
— Мы раненого у себя полечим.
И выходим.
Ты, дочка, молодец!
А мать добавила:
— Он гостем будет.
Таков обычай. Он для нас — закон.
Тувинцы почитают испокон
Своих гостей. Нас люди не осудят.

4

Он бредил двое суток. Он метался,
Кричал, кого-то звал и встать пытался.
Но вот — притих. И вскоре жар прошел.
И бородач в сознание пришел.

Он огляделся тяжким мутным взглядом
И проглотил горячую слюну.
Уран к нему шагнула.

«Кто-то рядом!!
Наш или нет?! А может, я в плену?
Нет, не в плену... Тувинская девчонка...
На случай, если наших победят,
Здесь, в тишине,
От битв и бурь в сторонке,
Неплохо отлежаться.
И — назад!
И снова их собрать. И снова, снова
Рвануться в бой
И выжечь все дотла!
Эх, как мы отступили бестолково!
Судьба, куда меня ты завела?..
А лодка, значит, на мели осталась.
У островка. Ведь я к нему приплыл!..
Видать, меня осилила усталость.
А дальше что?
Не помню. Все забыл...»

Сырые сучья плохо разгорались.
Их ветер задувал. А по стене,
По крыше юрты осторожно крались
Стада косых причудливых теней.

Красавица увидела, что он
Открыл глаза. Она к нему подседа
И начала расспрашивать несмело.
Ему казалось— продолжался сон.
Но это был не сон. Рука болела.
И вспыхивало пламя то и дело.
Волшебный голос был ему знаком.
А войлок пах и потом, и дымком.

Красавица хотела разговором
Его от боли и от мук отвлечь.
А он смотрел с мольбою и с укором —
Не мог понять он ласковую речь.
Потом спросил:
— Где я? Чья это юрта?
Ей непонятен был его вопрос,
Но показалось, будто слово «чуртта»¹
Рыжебородый тихо произнес.
И сердце зазвучало с новой силой:

---

¹ Чуртта — жить.

«Живи, наш добрый гость,
Живи, мой милый...»

5

Наутро старики взялись за дело.
На них с мольбою дочка их глядела.
Они, разбрызгивая молоко,
Читали бесконечные молитвы...
Но залечить следы недавней битвы
Таким леченьем было нелегко.

Его поили теплой козьей кровью.
Курильницы дымились в изголовье...
Медвежья желчь и мускус кабарги —
Все в дело шло. Да толку было мало.
Беднягу то знобило, то ломало,
А под глазами — синие круги.
Ничто, ничто ему не помогало.
Тогда седой старик надумал: «Может,
Живительный женьшень ему поможет?»

Теперь частушки больше не слышны.
Парней не видно. Ездить перестали.
Лишь голос одного Адавастая
С издевкой прозвучал из тишины:

«Эх, купить бы двух коней —
Гнедого да саврасого.
Эх, любить бы двух парней —
Чернявого да русого!»

Адавастай пропел и ускакал.
Уран впервые пристально взглянула
На Мыкылая. Жилка у виска
Забилась часто. Сердце вдруг кольнуло.
Его глаза сверкнули ей в ответ.
(Казалось, он все время был на страже).
И в сердце девушки возник секрет...
(Она об этом никому не скажет).

Однажды к их аалу прискакали
Красноармейцы. В юрту не вошли.
Поговорили чуть со стариками

И скрылись где-то за бугром, вдали.
А Мыкылай притих, как серый заяц,
Лежал-дрожал под войлоком, как вор,
С кипящей злобой слушал разговор
Красноармейцев и своих хозяев.
Один из тех сказал:
— Мой друг Зернов,
Знакомьтесь, он приехал из Белдира.
А сколько снес он вражеских голов!—
Я не видал храбрее командира!

«Зернов... Зернов...» — подумал Мыкылай.
Стеклом скребло по сердцу это имя...
«Да... нас под Угличем судьба свела!..
Но я ушел тропинками крутыми.
Зернов... Зернов наперерез шагал...»

И вот он слышит старого врага.
«Да, видно, встретиться придется снова».
Он от бессильной злобы застонал —
Веселый голос Якова Зернова
Ему былые дни напоминал.
Вот вылез этот Яшка на трибуну.
Не говорит, а рубит он сплеча.
Рассказывает людям про коммуну,
Кричит: «Поднимем знамя Ильича!»

6

Он поправлялся медленно. Рука
Никак не заживала. Было больно.
Он выходил, смотрел на облака,
Смотрел на горы и вздыхал невольно.
Хоть нелегко пришлось ему сперва,
Но он учился речи незнакомой.
Зубрил, зубрил тувинские слова,
Единственным желанием влекомый.

Он, раненую руку подвязав,
Ходил гулять. И слушал пенье птишки.
Но говорили впалые глаза
И бледное лицо, что парню тяжко.
Но хоть и был он слаб,
По вечерам

Он каждый день ходил гулять с Уран.
Они цветы лесные собирали,
И их сердца от счастья замирали.

«Про Уран и Николая
Что сказали старики?
Что там девушки, играя,
Распевали у реки?»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Однажды Мыкылай сказал:
— Послушай,
Уран, достань бумагу, тушь и кисть,
Пройди по всем соседям, не ленись.
Поверь, мне это нужно, очень нужно!
Но не нашла ни кисточки, ни туши,
Хоть обошла, наверно, весь сумон.
Ответ везде один. Устали уши.
И вспомнила она свой давний сон.

Она пошла к китайцу.
В лавке старой
Все, все, что друг ее просил, нашла.
За эти необычные товары
Пушистого козленка отдала.

Он написал письмо.
— Доставь живее
Шмакову. Это мой любимый брат.
А не застанешь — родичу Матвею
Отдай. И поскорей скачи назад.

Не знала бедная Уран, не знала,
Что «брат» и «близкий родич» — кулаки,
Что в том селе засели беляки...
Не знала, что бандитам помогала.

Еще не знала бедная Уран,
 Да и никто не знал из их аала,
 Что армия рабочих и крестьян
 В те дни белобандитов добивала.
 Уран тогда не знала, что пока
 Чамзы-Хомбо шел к Колчаку в наймиты
 И орден получал у Колчака¹,
 Отряды белых были перебиты.
 В дырявой юрте, в тишине ночей
 Она о жизни будущей мечтала,
 Мечтала, чтобы прогнали богачей...
 Но ничего пока еще не знала.

И вот она из дальнего села
 От «родственников» письма привезла.
 Вздохнув украдкой, Мыкылай сказал:
 — Давно я не был дома, ждут родные.
 И стали грустными его глаза,
 Заволокло глаза его стальные.
 У рта его морщины пролегли.
 Наверное, печальны были вести...

Опять они вдвоем с Уран пошли
 Туда, куда ходили часто вместе.

И вскоре стало холодно Уран
 И к Мыкылаю вдруг она прижалась...
 А ветер все косою ее играл,
 Да лиственница грустная качалась.
 Нет, нужных слов найти я не смогу,
 Чтоб описать последнее свиданье,
 Чтоб описать печальное прощанье
 На этом одиноком берегу.

С тех пор Уран ходила, будто тень.
 Она смеяться вовсе перестала.
 Одна в горах бродила целый день
 И потихоньку песни напевала.

---

¹ *Чамзы-Хомбо* — глава ламаистов Тувы. За обещания поддержать белых Колчак наградил его орденом Св. Анны.

Она с отвесных скал смотрела вниз,
А там потоки мутные неслись...
И взор туманился слезою чистой,
И разливался голос серебристый.

«Рвутся, когда приходит пора,
Чалаа-кара и хендир-кара¹.
Только одну золотую весну
Мой ненаглядный играет со мной.

Быстро ему надоела игра,
Быстро порвались чалаа-кара.
Будто с тоски секутся шнурки.
Сыт мой любимый одною весной».

И долго эта песня не стихала,
Уран ее не уставала петь.
А вечером за пряжею вздыхала:
— Ах, мама, мама, что со мной, ответь!

— Эх, доченька, я не о том печалюсь.
Ведь Мыкылай уехал на коне...
Вернется ли? Порой сдается мне,
Что без коня мы, бедные, остались.

— Зачем растить коня, когда его
Нельзя отдать друзьям, не вспоминая?..

— Мне для друзей не жалко ничего,
Но ходит твой отец пешком, родная...

4

Спускалась осень с побелевших гор.
В долинах ночью ветры завывали.
С деревьями они вступали в спор
И спорить до утра не уставали.
На дальний юг летели журавли,
Печальными прощались голосами,
Они таким красивым клином шли,
Как будто их на нитки нанизали...

---

¹ Чалаа-кара и хендир-кара — украшения для волос.

И каждый день над скалами с утра
Звучала песня про чалаа-кара.

А дни текли. Однажды в их аал
Военный из Белдира прискакал.
Он был веселый, статный, молодой,
В остроконечной шапке со звездой.
Уран его за сто шагов узнала,
Она ему навстречу побежала...
«Зернов, тот самый, красный командир,
Который к нам однажды заходил...»
Она хотела расспросить о милome,
Но вдруг смешалась, сникла, не спросила.

Зернов приехал рассказать народу
О Ленине и о большевиках.
Он говорил о битвах за свободу,
И красный флаг алел в его руках.

Потом весь вечер в домино играл,
Расспрашивал о тех, кто здесь бывал...

5

— Беда, беда!— кричал арат усатый.—
Идут злодеи, банда поднялась!
А во главе бандитов — тот, проклятый,
Который этим летом жил у нас...

Уран не поняла. И как такое
Могла она, несчастная, понять?
А черноусый продолжал кричать,
Размахивая яростно рукою:
— Никто еще такого не видал!
Бандиты за аалом жгут аал.
Весь скот и все пожитки забирают.
Пускай их силы неба покарают!

— Ты врешь, не верю, нет, он не бандит!—
Уран ошеломленная вскричала.
И показалось ей — земля гудит,
И показалось — землю закачало.
«Любимый! Неужели? Атаман?»
И заволок глаза ее туман.

— Не веришь мне? А я все видел сам!—
И он провел ладонью по усам.—
Наверное, они в твоём аале,
Они туда недавно поскакали.

6

Чтоб бешеным бандитам дать отпор,
Все бедняки долины, степей и гор —
И села, и аалы — дружно встали,
Их силы, как лавина, нарастают.

Бандиты испугались, растерялись,
Набеги их уже не повторялись.
В глухой тайге нашли они приют.
Но голод гнал. Опять то там, то тут
Налетчики с пальбою появлялись.

В сумоне проклинали Николая.
Уран словам поверить не могла.
Она ждала. Любимого ждала.
И горевала, ничего не зная.

Ее любимый тоже горевал —
Его отряд ворчал и бунтовал.
Голодные, оборванные, злые —
Они мечтали выйти из тайги,
Но знали, что для всех они — враги,
И вспоминали времена былые.
И Николай былое вспоминал...
Ведь он богатым был совсем недавно.
Он голода и холода не знал,
А страха он не ведал и подавно!
Он знал лишь уваженье и почет...
И вот теперь он серым волком рыщет,
Над логовом его гудит и свищет
Холодный ветер. Дождь его сечет...
...Зернов себя назвал большевиком.
С тех пор на голову свалились беды.
Они росли, росли как снежный ком...
Явились продотряды и комбеды...
С тех пор еще и года не прошло,
Но все былое снегом занесло.

Старуха удивилась:
 — Ты откуда?
 Старуха растерялась:
 — Ты один?
 Приехал, значит, в гости? Проходи.—
 Она глаза раскрыла как на чудо.
 Потом скорее чаю налила
 И в руки Мыкылаю подала.
 «Коня привел?» — спросить его хотела,
 Но промолчала, отошла несмело.
 И вдруг вошли гурьбой его дружки,
 Глаза их злом и голодом сверкали.
 В руках держали тощие мешки.
 Старуха поняла: еду искали.
 По юрте шарить кинулись они.
 В мешки свои бросали что попало.
 Лепешки, чашки, шапки и ремни —
 Хватали все. И все им было мало.
 А он кричал:
 — Где девка? Где старик?
 Старуху бил, как плетью, этот крик.
 И вдруг раздался голос:
 — Партизаны!
 Мешки бандиты мигом завязали...
 Старуха зарыдала:
 — Пощади!
 И Мыкылая за руку схватила.
 — Отдай коня, тогда и уходи,
 Отдай коня, сынок, отдай, мой милый!

Но тут сверкнул холодный острый нож.
 Старуха даже ахнуть не успела.
 Сползло к его ногам худое тело...
 Убийца, стой!
 Куда теперь пойдешь?

Попрдержжи коня, твой круг очерчен.

Уран заходит в юрту. Гнев горит,
 Растет великий гнев горячим смерчем,
 От имени народа говорит.

А серый конь злодея-атамана
Споткнулся. Грохнулся на всем скаку.
«Я часто падал на своем веку,—
Бандит подумал,—
Но я встану, встану!»
Он обернулся.
И глаза его
Расширились от ужаса. «О боже!» —
Мурашки вдруг забегали по коже —
Был кремневик нацелен на него.
В руках у девушки оружие было.
Уран! Уран! Бандит ее узнал.
«Уран, Уран!» — в мозгу тревожно било...
Нет, нет, не верил он в такой финал.

Адавастай за ними вслед скакал.
И вдруг он замер:
Конь без седока
Один куда-то в степь скакал, хромая...
«Чей конь? Уран? Бандита Мыкылая?»
Бандит смотрел в зияющее дуло,
Глазам своим не веря.
В этот миг
Раздался выстрел. И Уран вздохнула,
И тихо опустила кремневик.

КОНЕЦ ПЕСНИ

Читатель, я заканчиваю песню.
Ты маленькую повесть пролистал.
Конечно, ты читал и интересней,
Но о Туве не много ты читал.
А эта песня — только капля в море...

Уран с Адавастаем обнялись...
И вот их кони перешли на рысь
И их примчали к партизанам вскоре.

К Щетинкину приехали они,
Чтоб драться за победу нашей власти.
И в эти героические дни
Они нашли свое большое счастье.

Араты высоко держали знамя
И проливали кровь свою не зря.

С тех пор горит над нашими горами
Священное, единственное знамя
Великого, родного Октября!

КОК-ЭЛЬ

Баллада

Посвящается профессору Потапову

1

О, предки мои! О, могучий народ!
Вы холод и голод знали порою,
Поля засевали, пасли мирно скот,
Не зная, что встретитесь скоро с бедою.

Но тучею черной явилась беда,
На головы ваши обрушась неожиданно:
То с криком «ку-уг», все сжигая, орда
Неслась по стране словно смерч урагана.

В степях не осталось травы и воды:
Орда кровожадная все пожирала.
Угнали стада —
Замела пыль следы,
Одно воронье на дорогах орало.

Красавицы стали добычей врагов:
В бою полегли женихи молодые,
А матери, те, что растили сынов
Для счастья,
Отныне растили рабов.
От горя редели их косы седые.

Взывавших к богам стариков.
Дикий враг
Гонял и топтал озверело конями;
И даже нелаявших добрых собак
Рубили наотмашь кривыми клинками.

Колодки надели на шеи мужчин
И увели их в полон за собою.

Лишь эхо гремело в просторах долин,
Гром эха стенаний, взывающий к бою.

2

О, предки мои! О, могучий народ!
Не пали вы духом, хоть были причины,
Сошлись храбрецы, кого смерть не берет,
В ущелиях горных, в верховьях Ишкина.

Пылало ли солнце, мела ли метель,
Костер разложив под сосной,
Вечерами
Беседовал славный наш Кара-Когель
С друзьями — отчаянными храбрецами.

«Ненависть наша, как этот костер,
Бьется в груди.
Враг получит отпор.
Луки берите. Берите колы.
Будьте в бою беспощадны и злы...

Коль за свободу умрет человек,
Имя свое он прославит навек».
Едва над землею рассвет заалел,
Сражение вспыхнуло в поле росистом:
Солнце закрыла туча из стрел,
Железные копыя летели со свистом.

Звенели мечи.
Этот тягостный звон
Оплакал немало бойцов при кончине.
Весь день раздавался над битвою стон,
А ночью покой воцарился в долине.

Лишь кони порою заржут на горе,
Да волки завоют в тоскливом смятенье.
А завтра противники вновь на заре
Продолжат в долине Хемчика сраженье.

3

Когда же закончилась эта война?
Где Кара-Когель — богатырь величавый?

Свободною стала ли наша страна
Иль снова топтал ее недруг кровавый?

О спящих героях — о сотнях могил
Не сыщите книг: ни стихов и ни прозы.
Кого бы об этом сейчас ни спросил,
Никто не ответит на эти вопросы.

...Лишь ветер развеял белесый туман,
В степи опустевшей безрадостным летом
Его положили под древний курган...
Кок-Эль только знает, как видно, об этом.

И с ним погребли боевого коня,
С ним рядом невесту его положили
И, дань уваженья к герою храня,
Камнями могилу его обложили.

Погиб богатырь.
Но, как он говорил,
Герои живут не годами — веками.
Высокий и статный, исполненный сил,
Незримо присутствует он между нами.

Он скорость стрелы своей ястребам дал,
Чтоб быстро летали над степью родною;
Народу он сердце свое завещал,
Чтоб гордым он был, повстречавшись с бедою.

Но жили в оковах мы тысячи лет,
Как будто в кургане, во мраке забвенья.
Но всею душой мы стремились на свет,
И вот наступил, наконец, час прозренья.

Был прав богатырь:
Путы рвет лишь борьба.
И алое знамя взметнулось над нами.
Мы поняли: наша большая судьба —
Шагать в революцию с большевиками.

И рухнули с плеч наших, словно гора,
Оковы и цепи извечных лишений.
И сгнула ночь.
Наступила пора
Свободы, добра и великих свершений.

Никто на страну мою не посягнет,
Ничей я народ не обижу,
Ведь предков своих —
Мой могучий народ
Сквозь дымку веков ясно вижу.

Байкара ХОВЕНМЕЙ

ДОРОГОЙ ДРУГ

С. П. Щипачеву

При встрече, как лучшему другу,
Я жму твою крепкую руку.
И радостно сердце забьется:
В нем дружбой, мужской и солдатской,
Большою, поистине братской,
Пожатие рук отзовется.

Я знаю: сражался ты смело.
Лицо твое, друг, огрубело.
И мужеством дышит таким,
Что верю: осилим мы беды,
Дождемся желанной победы,
За павших друзей отомстим.

Идешь по Кызылу, спокоен,
Поэт и прославленный воин...
И вижу тебя я в бою:
В атаку бойцов увлекаешь,
Из меткой винтовки стреляешь
За землю родную мою.

Твой голос, поэт, он напевен:
И громок и яростно гневен,
И ветром войны опален,
Он в души отважные рвется....
Я знаю: не раз отзовется
Нам в горе и в радости он.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Летом и снежной зимою
Степь несказанно скучна.
А осенью и весной
Весело дышит она.

С детства мне степь знакома!
Радует нынче меня.
Рокот зазорного грома
В блеске осеннего дня.

Нет, это не наваждение!
Песни рождая в сердцах,
Громом грохочет в сердцах
Жарких моторов гуденье.

Зной и пылице...
На небе
Тучки не сыщешь одной.
Но хлещет потоками хлеба
Яростно дождь золотой.

Кто его в мире не любит?
Пусть он шумит и поет,
Чтоб громко смеялись люди:
— Дождь!
Дождь идет золотой!

УВИДЕЛ ТАРАС БЫ

Прошел бы по Украине,
Сияя улыбкой, Тарас.
Увидел бы он сейчас
Ее леса и долины.

К нему б мы спешили навстречу,
В глазах затаив торжество:
На всех языках и наречьях
Славят сегодня его.

Увидел бы отчий дом,
Где двери всем людям открыты,

Омытые ливнем ракиты
И мост над любимым Днепром.

Смотрел бы он долго-долго,
Как ярче и краше чудес
Сияют плотины над Волгой,
Блещет в огнях Днепрогэс.

А если бы в Киев зеленый
Пришел, то его б не узнал.
И руку бы он восхищенно
Земляку-космонавту пожал.

И, радуясь жизни красивой,
Создал бы — я знаю — сейчас
О людях, упрямых и сильных,
Новые песни Тарас.

Кужугет ЧОЛБЕЯК

МОЙ АЛАШ

На кустарник упали росы
И на прозелень пеструю скал.
На вершине красавца утеса
Над рекою Алаш я стоял.

Предо мною по травам долины,
Как аркан, дорога легла,
Там, как точки, мелькают машины:
Их торопят большие дела.

А под скалами — тоньше травинки —
След забытой кремнистой тропинки.

О, тропинка! Провел я рукою
По морщинам лица своего:
Схожи в чем-то вы между собою,
Словно дети отца одного.

Жизнь спешит: все меняется быстро —
Электричество в окнах горит.
Может, это веселые искры,
Что взлетали из-под копыт.

Может, конь, молодой и храпящий,
Пританцовывал здесь на тропе,
И Самбажик друзей настоящих
Призывал к справедливой борьбе?

Их следы положили начало
Самой лучшей из наших дорог,

Что сегодня прошла через скалы.
И легла через бурный поток.

А внизу дополнением к картине —
Не заметишь его второпях —
Старый путь затерялся в долине,
Пропадая в горбатых холмах.

Сколько долгих веков протянулось,
Сколько черных промчалось годов,
Чтоб сквозь слезы нам жизнь улыбнулась,
И мы сбросили цепи оков?

Сколько слез, сколько громких стенаний—
Всех страданий народа не счесть!
Сколько горьких, как плач, заклинаний
Духам гор раздавалось здесь!

Сколько в битвах борцов умирало,
Веря в полдень, сияющий нам,
Чтобы жизнь, словно сад, расцветала,
Чтоб асфальтом дорога сверкала.

Возле гор, где бушует Алаш.
Может, здесь палачи свои руки
Отмывали у скал среди кустов?
Может, здесь колыхались вьюки
С головами казненных бойцов?

Вижу: прошлое тут исчезает,
Как тропинка в горбатых холмах.
А дорога асфальтом сверкает,
Как река, серебрится в лугах...

ОДИНОКАЯ ЛИСТВЕННИЦА

Под вечер июльской порою,
Шагал я с охоты домой.
Вдруг лиственница предо мною
Взметнулась шуршащей листвою.

Я лиственницу не обижу,
Мы ночь проведем, как друзья.

Вот пламя костра пламя лижет.
Тепло... И дремота... И вижу,
Правдивейший сон вижу я.

Опутанный крепко цепями,
Суровый и грозный на вид,
У лиственницы пред врагами
Герой наш Самбажик стоит.

Не клонится от униженья
Седая его голова.
Я слышу, дрожа от волненья,
Его огневые слова:

«Нет, я не беглец и бродяга,
Что ищет кровавых утех.
В груди клокотала отвага —
Я бился, араты, за всех.

Я был разозлен — не рассержен:
Богатым я мстил за народ.
Вы слышите: я не повержен,
И пуля меня не убьет.

Враг, сдайся, покуда не поздно,
Ведь сам себе будешь не рад:
Араты поднимутся грозно
И вам, палачи, отомстят...»

Душа моя содрогнулась
От залпа в кромешной ночи...
А утром листва встрепенулась:
Ее разбудили лучи.

В траве я рососою умылся.
И, степью любуясь родной,
Я лиственнице поклонился
И молча пошел домой.

Леонид ЧАДАМБА

СОЛНЦЕ

Солнце всходит над моей страной —
Здравствуй, первый светлый луч восхода!
Новый год ведет оно с собой —
Здравствуй, солнце радостного года!
Медленно жемчужные лучи
По снегам искристым рассыпая,
Ты плывешь. Широкий твой путь и чист,
Словно гладь застывшая морская.
Над ковром тайги, над синью рек
Ты плывешь, лучами землю трогая, —
И с тобой выходит человек
В трудовую, дальнюю дорогу.
Чем же ты отмечен, новый день?
Чем ты радуешь? Зовешь куда ты?
Мы встречаем, в песнях и труде,
Нашей жизни год пятидесятый.
Праздничные полы подобрал,
Засучите рукава повыше:
Год работы, солнца и добра
На счастливую дорогу вышел.
Здравствуй, солнце!
Пусть лучи, светлы,
В людях силы новые рождают,
Пусть взлетают наших дум орлы
И ничто им путь не преграждает.
Здравствуй, солнце!
Пусть в твоих лучах
Мир и счастье вечно расцветают,
Горы их вздымают на плечах,
А в морских глубинах беды тают.

Как лучи восхода, все светлей
Наша слава над землей несется —
И любовь свою к родной земле
Мы с тобою сравниваем, солнце.

БАЙ-ТАЙГА

Далек-далек бежит твой путь,
Родная Бай-Тайга,—
А там внизу, где скот пасут,—
Богатые луга.
Широк-широк твой горный скат,
Лесная Бай-Тайга,—
А там, внизу, хлеба шумят,
Искрятся, как снега.
Высок-высок твой вечный снег,—
Все это Бай-Тайга,—
А там, внизу, вдоль синих рек,—
Стада по берегам.

ЧЕЛЕР-ОЙ

Ты моей послушен воле,
Конь мой славный, вороной.
Как орел, летишь ты в поле,
Дорогой мой Челер-Ой.
Ноги быстрые оленя
Одолеют путь любой.
Шерсть блестит, как у дзейрена,
Вороной мой Челер-Ой.
Все дороги нам знакомы,
Не собьешься ни с какой.
Смерч кружит из-под подковы —
Ты, как ястреб, Челер-Ой!
Ты на скачках всюду первый,
Верный друг, товарищ мой.
Облетишь за час все фермы,
Славный конь мой, Челер-Ой!

Салим СЮРЮН-ООЛ

Я БЫЛ В ГОСТЯХ

Я был в гостях.
О, там в горах
Достать легко
До солнца жаркого рукой,
Дышать легко
Над каждой вспененной рекой.

Я был в гостях.
О, там в степях
Хлеба вокруг,
В листве садов висят плоды;
Отдаст жизнь друг,
Чтоб ты, их гость, не знал беды.

Прекрасный край —
Седой Алтай!
Я видел все:
Там близко все душе моей.
Таких, как меткое ружье,
Надежных там нашел друзей.

ЧЕЛОВЕК НА ХРЕБТЕ

(Легенда)

1

Силой естественной, мощной волной
Вечно вращается шар земной,
Так и вращается времени бег,
Судьбы людей подчиняя себе.
Вверх посмотри — бесконечная синь.
Черное облако ниже висит —
Рыхлый, как шерсть, но тяжелый ком...
Молнии нож затаился в нем,
В нем наводнение спит, в глубине,
Вихри да бури хранятся на дне.
Под облаками, на склонах Саян,
Стон бедняков безутешный стоял.
Небу молились — оно высоко!—
В небо разбрызгивали молоко
Вместо того, чтоб детей напоить,—
Небо им милость пошлет, может быть.
Даже на солнце боялись взглянуть,
Головы к светлым лучам повернуть.
Кланялись, горбили спины свои,
Словно бугры комковатой земли.
Сила народная — моря волна...
Жаль, что по капле терялась она,
Горя осилить никак не могла —
Словно соха, что на камень нашла.
В горьком, безвыходном времени том
Встал лишь один человек над хребтом,
Солнцу взглянул он бесстрашно в глаза,
Людям свободно он правду сказал.
Был невысок — но стоял в высоте,
Видел он землю во всей красоте,

В горе, и скорби, и силе людской —
Силе, не сломленной вечной тоской.
Умные очи немного сощуря,
Сильный, как время, сильнее, чем буря,
Все разглядел он — как зоркий орел,
И небывалую силу обрел.
Чуть протянул над вершиною руку —
Солнце к нему потянулось, как к другу,
Словно порвался синеющий шелк,
Чтобы свободно сквозь небо он шел.
Кажется — дальше он руку протянет —
Сердце Вселенной рукою достанет,
И переменится времени бег,
Быть переменам в народной судьбе!
Книзу с высоких хребтов посмотрел он —
Облако степью полынной белело:
Скалы застыли внизу, в отдаленье,
Словно почуяли бурю олени;
Только ручьи на камнях не смолкали —
В горные реки, сливаясь, скакали;
Чуть золотились лучи под листвою;
Луки, натянутые тетивою, —
Лиственницы напряженно склонились,
Словно пробить они тучи стремились.
Думал он: так понапрасну сгорают
Силы большого, богатого края,
Скрытые от человеческих глаз...
Время придет — и рассеется мгла.
Думал он дальше, в грядущее глядя:
К лукам натянутым стрелы приладит
Время, и грозно рванутся они —
Русь боевой тетивой зазвенит,
В снежных Саянах, в степях Украины —
Всюду народ распрямит свои спины.

2

Берег. Галька. Хворост сухой
Затрещал в объятьях огня.
В котелке пузырьки легко
Поднимаются, чуть звеня.
Темнолиц и остробород
У костра уселся старик,
Трубку русскую он берет,

Долго пробует раскурить,
— коротка ли, что ли, ему?..
Молвит спутнику своему:
— Посмотри в котелок, Ильич,— нам
Быть сегодня с большой добычей:
Вон как булькают пузыри!..
Спутник старому говорит:
— Век живи — век учись,— выходит,
Так не зря говорят в народе...
У хакасов, у русских — нет,
Не слышал я таких примет.
И с лица ты словно не здешний
Ошибиться могу, конечно...
Пот со лба стерев рукавом,
Поглядел в упор на него
И задумчиво молвил старый:
— Не хакасы мы, не татары.
Далеко народ мой родной,
Он давно простился со мной,—
Ты не выдашь. Тебе, как другу,
Положу свое сердце в руку:
Изболелась вся грудь моя,
Жить нельзя без Южных Саян.
Русский молвил:— Прости, товарищ.
Вижу, с болью ты вспоминаешь.
Но и сам я горе видал,
Издаека сослан сюда.
Не хотел я тебя обидеть,
А хотел в тебе друга видеть.
— Весь мой род,— скажу, не скрывая,—
Заклеймили позором баи:
Брат мой, дядя, родной отец
Получили кличку «беглец»,
Но народ о них говорит:
Эти люди — богатыри...
Повесть бед тяжка и грустна,
Словно ставшая льдом волна,—
Но светлеет спутника взор:
— Это — слава, а не позор!
Поднимает глаза арат...
Услыхать и ему пора
Много славных имен борцов —
Чтоб не прятать в горе лицо,
Чтоб узнать, что ему родня —
И желтоволосый бедняк.

Лед растаял — так горяча
Речь правдивая Ильича.
...Берег. Галька. Потух костер.
Сходят двое по склонам гор.
Как ты вольно дышишь, арат!
Солнца счастья в душе горят.
По камням ступает Ильич,
Зорким взглядом смотрит вокруг:
Если рядом надежный друг —
Не уйдет от выстрела дичь!

3

Силой естественной, мощной волной
Вечно вращается шар земной —
Это рождается времени бег,
Судьбы людей подчиняя себе.
Ссылки постылой закончились дни,
Время бороться, чтоб жизнь изменить.
С другом простился изгнанник-арат,
Помни Саяны, мудрый мой брат!
Сам он остался в народе чужом,
Слился с ним сердцем и языком,
Но не забыл родные края,
Боль и надежду в груди тая.
Бедность и горе сгибали порой...
Видел он друга тогда над горой:
Смело Ильич на хребте стоял,
Словно и не покидал Саян.
Бусами девичьими блестя,
Землю усыпали капли дождя,
Тянется Шушь девичьей косой,
Русой косой сибирячки босой.
Синяя степь, за степью — хребты...
Старая жизнь — бесконечна ли ты?
Глянет арат на Саянские горы —
Там Человек возвышается гордо,
Руку в небесную синь он простер,
Солнце горит перед ним, как костер.
Дальше немного он руку протянет —
Сердце Вселенной свободно достанет,
И повернет он времени бег
— новую стать народной судьбе!
Имя его — запомните — Ленин,
Сила его — народы Вселенной!

ПЕСНИ АЖЫКА И САРГАЛА

1. ВО МГЛЕ

От Ажыка до Саргала,
С восхода и до заката
Любая лошадь скакала —
Настолько степь широка там.
Стада в ней, скажешь, несчетны,
Но много места пустого,
Где рыщет зверь беззаботно,
Не слыша слова людского.
Еще батраки там жили,
В морозные ночи мерзли,
И песни гнева сложили,
И пели степи да звездам:
    «Пусть табун твой прочь уходит —
    Моего коня и нет в нем...
    Будь твой лучший иноходец
    Волку хищному обедом!
    Разбредись твоя отара —
    Моего ягненка нет в ней.
    Пусть затеют волки свару
    Над овцой твоей последней».

Жестоки, скажешь, мы были?
Ну нет! Коней мы любили,
Жалели ягнят лохматых —
Ругали баев проклятых.
Доносчики баев жадных
Ходили в шелках нарядных —
О них табунщики пели,
Да так, что громы гремели!
    «Ажык славный мой с Саргалом
    Сплошь покрыты шелком алым.

Хырбача¹ на нас доносит...
Головы за то не сносит»...
Был беден народ — но пел он,
И песнями степь звенела,
Копилась грозная сила —
До взрыва недолго было.

2. ИЗБАВЛЕНИЕ

Ветер свободы,
Лети над родными степями.
Солнце свободы,
Взойди поскорее над нами!
«Русским аратом путь нам указан.
Нас борьба избавит от гнета.
Свет Октября в победных высотах—
Из России светит для нас он.
Солнце победы славного года
Поднялось над нашей степью.
Мы разрываем ржавые цепи —
В бой за правду вышли народы...»

Ажык с Саргалом —
Ваши просторы огромны!
Вот бы вспахать их!—
Думал кочевник мой темный.
Трактора, верно,
Он и не видел в те годы —
Кто ж будет первый
Властвовать степью свободной?
Песню иную
Наши араты сложили —
Землю родную
Солнцами слов озарили:
«Встанем, братья, с новой целью.
Станем, братья, мы артелью,
Чтоб на Ажыке, Саргале
Степи золотом сияли!»

3. ОБНОВЛЕНИЕ

Поезжайте со мной
На Саргал и на Ажык!

---

¹ *Хырбача* — известный шпион ажыкских нойонов.

Пусть вам степи
О счастье народном расскажут!
Только прежних степей
Вы бы в них не узнали;
Всюду пашни —
На Ажыке и на Саргале.
Иноходцев в дорогу
Теперь не седлайте:
Их обгонят
Машины могучие, знайте.
Вот идут они
В хлебном, одном караване.
Сосчитать их возьмемся —
Но скоро устанем.
А колосья стоят
В стороне от дороги —
Подойди, погляди
И руками потрогай,
Да попробуй на зуб
Эти спелые зерна —
Их родившая степь
Нынче людям покорна.
И хакас, и бурят,
И тувинец, и русский
Никого не корят —
Жить нам дружно — не грузно!
Ты гости, не скучай —
Хороши наши станы.
Комбайнеров встречай,
Как вернутся, устанут.
Вот и хлеб на столе,
Пироги да пельмени...
Жили мы на земле —
Только жить не умели.
Научились сполна,
Породнились с землею —
А лежала она
Пылью, мертвой и злою...
Ну, на Ажык, Саргал,
К Каа-Хему — поедем?
Там я песни слагал —
Над степями звенеть им!

Алексей АРАПЧОР

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

(Поэма)

1

Звали арата Оюн Ага.
Был он надежным другом Курседи.
Тронет, бывало, свой чадаган —
Песня звенит и радугой светит.
Взгляд его — утренняя заря.
Голос его — как гул водопада.
Люди светлели, с ним говоря,
В горе провидя близкую радость.
Был он и сам с нуждою знаком.
Душу невзгоды не подкосили.
Щедро делился он с бедняком
Правдой, пришедшею из России.

2

С седых вершин Танну-Ола не сходит белый туман.
Глядят они прямо, строго на степной Межегей.
С вершины таежный ветер вниз бежит по холмам,
Зеленой волной играя в траве весенних степей.
На полных скота равнинах — богатый ряд белых юрт.
Халаты да украшенья пестреют со всех сторон.
На крепкой привязи кони храпят, копытами бьют.
Над степью дрожит, прерываясь, человеческий стон.
Согбенная жизнью аратка из черной юрты спешит,
Голодные дети плачут, вцепившись в ее подол.
— Спаси! — она молит бога. — Чем бедняк согрешил? —
и тянется, тянется к небу темной рукой худой...
А горе, скопившись в сердце, превращается в гнев,
И гнев зовет на восстание — сбросить ярмо врага.

Вот бедняки, от горя лицами потемнев,
Сходятся в старую юрту — слушать Оюна Ага.
Взгляд его вдаль стремится — словно горный орел,
Решивший сразиться с бурей, как ни страшна она.
Взгляд летит за Саяны, где слышен пушечный рев,
И песнь свободы бушует — огненная волна.
Сильная эта песня над степью летит грозой,
Она распрямляет плечи, поднимает людей:
— Светлой, свободной жизни добьемся своей рукой!—
Поют араты впервые за тысячи тяжких дней.
Искры в каждое сердце роняет песня борьбы,
Каждому крылья пламени песня эта дает:
— Великий учитель Ленин сказал, что мы — не рабы;
Правду узнали — будем воевать за нее!

3.

Куда ты собрался, Оюн Ага?
...Слились две реки в одни берега.
Там, в серой избушке, штаб партизан.
Туда и спешит он — к русским друзьям.
Сначала давал он отдых коню:
Пасись, мой Гнедой, тебя не гоню.
Но только увидел избы вдали —
И мысли, как крылья, его понесли.
Вот друг его — русский рабочий Иван.
Как брата родного, он встретил Ага.
— Телегу ищу. Обменяй на быка!—
Паролем им были такие слова.
Иван провожает арата в блиндаж,
Иван с командиром знакомит его...
Бой грянул. И поднял винтовку тогда
Тувинский арат на врага своего.
Да, белые — это и наши враги,—
Так понял в ту пору тувинец Оюн.
И предки-охотники были метки,
И метко стрелял он в том славном бою.
Постыдно бежали в дождливую тьму
Остатки разбитого войска врага.
Ты ехал к Ивану, дружку своему —
А едешь вдвоем с командиром, Ага!
Рассказывай все: как работал, как жил,
В каком закалялся жестоком огне,
Какие «подарки» на теле носил —

Рубцы от плетей — унижение и гнев!
О партии есть у аратов мечта —
О ней расскажи, не смущайся, Оюн!
Мысль Ленина, вечно ясна и чиста,
Ведет тебя с русским в едином строю.

4

С ленинским словом в родимый край
Едет Оюн Ага на коне.
Снова бери чадаган, играй
Песню, в которой радость и гнев.
Песня промчится через Танды
С ветром — до самых далеких юрт,
Люди, уставшие от беды,
Песню о радости запоют.
Только подъедет Оюн Ага
К стану, где доят аратки коров,—
Мальчик в лохмотьях, сын бедняка,
Звать сюда всех соседей готов.
Слушают, слушают пастухи,
Словно встречая светлый восход:
— Скоро на быстрых конях, лихих
Красная Армия к нам придет!
Хватит смиренья! Вступайте в бой!
Смерти не бойтесь: один умрет —
Встанет на место его другой,
И заживет счастливо народ!
С русским народом дружбу крепить
Все мы, араты, отныне должны:
Светлая жизнь расцветает в степи,
Если мы вечно будем дружны.
Тайны земли нам будут видны,
К самому небу дорога ясна.
Смелыми станут аратов сыны —
Мир подивится их именам!

Годы минули, Оюн Ага.
Новым цветеньем полны берега,
Но и сегодня звенит чадаган,
Песня твоя — и нам дорога.
Видишь, сбылась аратов мечта:
Край наш свободным, счастливым стал.
Новые песни в степи слышней —
Младшие сестры песни твоей.

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

ЗВЕЗДЫ

Я поздно вечером всегда
Смотрю в окно, смотрю туда,
Где, разбредясь по всей Туве,
Пасутся звезды в синеве.

И, как глаза, горят они —
Люблю я эти их огни.
Сгорая, звезды часто так
Бесшумно падают во мрак...

Люблю я с детства, звезды, вас,
Как бусы, вы в вечерний час.
Мне вас хотелось горстью брать
И в ожерелье всех собрать.

Но детство кончилось, и я
Теперь уж юноша, друзья,
Но звезды яркие всегда
Меня влекут, как и тогда.

И все мне грезятся вдали
Живые спутники Земли,
И шум ракеты на Луне
Я слышу в звездной тишине.

Судьбой мне больше не дано
Смотреть на звезды сквозь окно:
Я их увижу с корабля.
Как и тебя, моя Земля!

ТАБУНЩИКУ

Не могу я сдержатъ волнение,
Если встругусь, табунщик, с тобой.
Твой хомей — горловое пенье.
Исчезает вдали за рекой.

Весь январь лютовали морозы,
Ветер злой, набирая сил,
Снег бросал на леса и утесы,
Словно волки голодные, выл.

Но в морозную страшную стужу
Ты твердил средь безлюдных степей:
— Ничего. Ведь бывало похуже.
Не оставлю в беде лошадей.

На ветру твои щеки белели,
Коченея в предутренний час.
Но спасал ты в разгуле метели
Свой табун.
И, конечно же, спас.

И когда я тебя повстречаю,
То, завидуя славной судьбе,
От души тебе счастья желаю.
И желаю удач я тебе.

* * *

Сердце билось упрямо
И в дорогу влекло.
Не ругай меня, мама,
Что уехал в село.

Нет, я вовсе не гордый:
Уважаю семью,
Я любил светлый город
И работу свою.

Но с рожденья не слабый,
Душу настужь открыв,
Нашей партии славной
Я услышал призыв...

Долго дома я не был:
Много здесь трудных дел.
Под безоблачным небом.
Похудел, загорел.

Сердце бьется упрямо.
И смотрю я светло.
Я горжусь — слышишь, мама?—
Что уехал в село.

Алексей ХУУРАК

Я — ГОСТЬ БИРМЫ

С почетом встретила далекая страна,
А я гостеприимство уважаю.
Живу в Рангуне.
Но душа тоской полна:
Тува, тебя с любовью вспоминаю.

Живу в гостинице.
Дождь зарядил с утра,
По окнам хлещет голубым арканом...
Хочу, поездив по далеким странам,
В Туву вернуться...
Мне домой пора!

СТАРИК ЧАКАР

Мы ехали с охоты. Солнца шар
Упал за горы... Тени ночь стелила...
Отец сказал: Сынок, смотри: могила.
Здесь, говорят, лежит старик Чакар.

Когда держал в руках он чадаган
И пел, ему восторженно внимали.
Шептали: «Обойдите сотни стран —
Певца такого сыщете едва ли».

С волнением я смотрел на древнюю могилу.
И слышал голос легендарного певца...
О, если бы и мне иметь такую силу,
Чтоб волновать и увлекать сердца!

Монгуш ДОРЖУ

ШОЛБАН¹

Трепетной блесткой на шелке синем
Блистаешь радужно на небе зимнем...
Зачем ты ночами, безмолвно и долго,
В окно мое смотришь сквозь иней колкий?

Мерцанье, как сердца биенье,—мятежно...
Серебряной нитью из лучиков нежных
Зачем обвила мою душу властно,
Меня полонила звездною лаской?

Быть может, не ты надо мной склонилась,
А милая — яркой звездой явилась,
И песней красивой во мне встrepенулась,
И звучной мелодией к звездам взметнулась?

РУЧЕЕК

Бежит, спешит вперед бессонный,
Неугомонный ручеек,
Минуя пастбища и склоны.
И кто его догнать бы мог?

Мы, ручеек, с тобой похожи:
Бывает, край покину свой
И поживу вдали, но все же
Опять спешу, спешу домой.

---

¹ Шолбан — название Венеры.

* * *

Осенний сад и в тишине
Шуршанье листьев под ногами.
Обнявшись, двое как во сне
Проходят тихими шагами.

Сгустился сумрак над землей,
Притихший ветерок не слышен.
Шуршаньем их не беспокоит,
Опавший лист,— шурши потише.

* * *

Ты вышла замуж, стала мне чужда,
Все нити порваны. Любить мне — поздно.
Но ты мне снишься прежней иногда:
С тобою вместе я гляжу на звезды...

Стесняешься былой любви ко мне.
Нам больше не мечтать и жить нам розно...
Но, может быть, случается, во сне
Со мною, прежним, ты глядишь на звезды?

Александр ТАМБА-СЮРЮН

ВЕТЕР

Зашумел могучий ветер,
Закружилось все на свете,

Как метла, гулять пошел,
Сор и хлам с дороги смел,

От родных, любимых скал
Злые тучи отогнал.

ДОЖДЬ

Дождь идет на белый сад?
Пусть идет—я очень рад.
Краше сад после мытья —
Краше Родина моя.

Людмила САНЧАЙ

Я В ЖИЗНЬ ИДУ

Я в жизнь иду,
И, трудности встречая,
Вхожу в ее суровые просторы.
Жизнь — человека вечное начало.
В ней ждут меня паденья, взлеты, споры.
Шагает время сквозь размах историй,
След — годы оставляя позади.
Предупреждает, набирая скорость:
Смотри,
    Не отставай,
                    Не упави!
А я и падаю, и ушибаюсь больно.
Но знаю, что нельзя мне отставать,—
Ведь коль отстану —
Значит, я безвольна,
Значит, не умею воевать.
Нет, я хочу, чтоб грозы надо мною
Писали молниями мне путевки в жизнь.
Пусть пошлость встанет каменной стеною —
Пробью ее.
Мне с красотою жить.
Напоры ветра грудью разрывая,
Пойду вперед со временем седым.
Мне с ним идти —
Идти не отставая,
Путем неторным, ясным и крутым.

НАУЧИ МЕНЯ, ДЕРЕВО...

Научи меня, дерево,
Не бояться ненастья.
Научи меня, дерево,
Быть раскрытою настезь.
Чтобы ветры нечаянно
В мою душу врывались
И тоску и отчаянье,
Словно пыль выдували.
Чтобы солнечной россыпью
Радость в сердце блистала.
...Не слезой — влагой росною
Я бы душу питала.

СЫНОВНЕЕ СЛОВО

Тува моя,
Тува моя родная,
Тебе, как матери, стих этот посвящаю.
Любовь безмерную тебе отдам до дна я,
Но я от этого ничуть не обнищаю.
Тувинец я.
Твой сын.
Горжусь я этим.
Любовь прими, а гордость мне отдай.
Ее, святую, передам я детям,
А ты для них все краше расцветай.
Тува моя,
Богата ты сынами,
Что беспредельно преданы тебе.
Любовь к тебе несут они, как знамя,
Как главное в своей большой судьбе.
Они творят, мечтают и дерзают,
Чтобы прекрасней был твой лик родной.
В пути своем они преград не знают:
Мороз ли то, иль беспощадный зной.
Им все под силу: из песка и глины
Они построить смогут города,
Из гор скалистых сделают равнины,
Чтоб сеять хлеб, чтобы пасти стада.
Ты расскажи о славных моих братьях

России трудовой — сестре своей.
Племянниками — дружной, смелой ратью —
Гордиться не зазорно будет ей.
Тува моя,
Я счастлив безгранично,
И горд я тем, что весь, до капли, — твой,
Что мне твоя судьба не безразлична,
Что в путь нелегкий я иду с тобой.

Светлана КОЗЛОВА

ДОЛГ

(Провинциальная история)

1

В прошлогодних травах
Дремлют всходы.
Строго каменеет Хайракан.
Этот городок уйдет под воду —
И его не будет,
Городка.
Разберут строители по бревнам
Старых изб тяжелые венцы,
Сложенные дедами любовно,
Словно настоящие дворцы.
Станут рыбы глупые ласкаться
К давним человеческим следам...
Станет в городе хозяйкой—
Сказка,
Ускользящая,
Как вода.

2

За стеклами потрепанного «газика»
Качаются весенние поля.
Земля, узоры травные стеля,
Неспешно одевается
Для праздника.
В машине человек
С тревожным взглядом.
Как травы вдоль дороги, молодой.
Ему проехать очень много надо,
Встречаться с болью,

Радостью,
Бедой.
Он просто входит в новые дома
И в древние чабанские жилища,
Работает —
И словно что-то ищет...
И вот сейчас, как будто задремав,
По ровной степи
Чуть скользит глазами —
А горы режут небо на краю.
О них он знает множество сказаний,
Они другими перед ним встают,
Не каменной бездушной городьбою —
Нет,
Все, что могут,
Людям раздарив,
Готовые к решительному бою,
Стоят тувинские богатыри.

3

Пионеры в поход ходили.
Заливался веселый горн.
Под стеной молчаливых гор
Озорной костер разводили.
Вот и вечер.
Идут назад.
Горы вслед им шапками машут.
С теплым хлебом да пшенной кашей
Дождается интернат.
Что ж ты, парень, от всех отстал?
Может, вместе идти не хочешь?
Или больше других устал —
Горожанин,
Мамин сыночек?
Нет.
Прислушиваясь к голосам
Трав осенних,
Сухих и ломких,
Слышит шелест
И звон негромкий:
— Чан-зан...
А она идет впереди.
Впереди,

Перед ним,
Как знамя.
Остановится,
Поглядит
Удивительными глазами.
— Калдар-оол!—
Позовет,—
Доржу!
Спросит:
— Что там с тобою такое?
Ты хромаешь?
Дай погляжу...—
И коснется его рукою.
Он смутится:
— Нет, Чанзанмаа...
Помолчит и тихонько скажет:
— Ты увидеть хочешь сама,
Как из лука стрелял Самбажик,
Как врагам его прямо в грудь
Попадали острые стрелы?
Если хочешь —
Я как-нибудь...
Я сумею что-нибудь сделать.
И Чанзан улыбнется ласково,
И крылами ресниц взмахнет...
Горны кличут
В большой поход
Пионеров седьмого класса.

4

Старается, не ленится
Сегодня Калдар-оол:
Целую поленницу
Дров наколот!
Сыночком не нахвалится,
Обрадована мать —
А парень —
Как провалится,
Не знаешь, где искать.
Чердак — его владение.
Там взрослым дела нет.
Себе под крышей сделал он
Рабочий кабинет.

По чурочке березовой
Упрямый нож скользит,
А в стружке желто-розовой
Багряный луч сквозит.
Есть смелость и умение,
Есть дедовская кровь:
Четыре поколения
Народных мастеров!
Им много разной разности
Пришлось перенести
Для этой крепкой ясности
И чистой простоты,
Чтобы сейчас из дерева,
Разбужено резцом,
Проглянуло уверенно
Скуластое лицо.
И радостно, и грустно,
И сам тому не рад...
Но кончится искусство,
Где началась игра.
Две чурочки отдельно —
Для богатырских рук.
Натянут и пристрелян
Тугой и гибкий лук.
За проволочку дернешь ты —
И вылетит стрела,
Стальным учебным перышком
Заострена.

5

Он за уроки не садился:
Уже четвертый день возился —
Там подправлял,
Тут подрезал.
И вот — готово.
Все готово.
Он принесет игрушку в класс,
На перемене ей отдаст...
Вот только здесь —
Не вышло снова,
Вот только черточка одна,
Еще чуть-чуть,
Еще немного...

До школы белая дорога
Пустеет.
Поздно.
Не догнал.
Ребята в классе.
Дверь закрыта.
Он потоптался и вошел.
Учитель посмотрел сердито:
— Не можешь позже, Калдар-оол?
К доске!
Что ж, парень, без капризов
Дневник достань и положи:
Ты честно принял этот вызов
И «двойку» честно заслужил..
Сиди, молчи..
Глядят с укором
Неповторимые глаза..
Скорей бы все ей доказать,
А как назло —
Звонок не скоро..
И он решает.
Шепот звонок
Своя тишину:
— Смотри, Чанзан!
Стрела
С едва приметным стоном
Летит к распахнутым глазам.

6.

Выбежал из класса,
Как слепой,
На людей и стены натываясь.
Запетлял по городу, как заяц,
Путаной мальчишечьей тропой.
Мать стоит в воротах.
— Ты куда?
Знать — не знает,
А уже боится..
Солнцем позолоченный чердак,
Деревянные тела и лица.
Нож легко и бешено кромсал
Все, что выдумано,
Все, что начато..

Снявши голову,
По волосам
Не плачут.

7

— Товарищ директор...
Я просто не верю,
Никак не поверю,
Что он это мог.
Он здесь, в коридоре.
Прижался за дверью,
Как выброшенный на мороз
Щенок.
Он ей угрожал?
Ну, какие угрозы!
Неправда,
Мальчишка для этого прост.
Мы все виноваты.
Каяться поздно.
А все-таки — не было этих угроз.
И ножик в кармане?
Конечно, и ножик...
А я вот и жизнь, понимаете,
Прожил,
И мало ли всякого
Сделал руками —
А нет для меня
И не будет дороже,
Чем нож,
Под рукой оживляющий камень.
Ну, все.
Заступаться за сына не буду.
Второй раз подобное не случится.
А лучше мы оба уедем отсюда:
Я буду работать,
Он станет учиться.

8

Окраинная улица Кызыла.
Еще на вербе
Не раскрылись почки,
Еще весна ветрами не кружила,

Еще пружинит под ногами почва.
Как черные свернувшиеся кошки,
Отогреваются на солнце кочки.
Над огородами — прожилки пара...
Шагает длинный,
Неуклюжий парень
И под нос что-то
О весне бормочет.
И солнце, что ли,
Так сегодня светит —
А только все вокруг ему
По нраву...
Холодный, разом налетевший
Ветер
Чуть-чуть пошевелил
Сухие травы —
И сразу вдруг улыбка
Потускнела,
И сделались глаза
Совсем другими,
Как будто в этих травах
Прозвенело
Давным-давно неслыханное имя.

9

Мальчишка кончает
Десятый класс.
Он книжку листает:
«Болезни глаз».
— Ты что понимаешь
В чужих глазах?
Он встанет, уйдет,
Ничего не сказав,
А ветер звенит:
«Чан-зан»...
А память потянет его назад,
К невыплаканным слезам.

10

Усталость гудит в висках.
Отстань.
Отвлекись.

Остынь.
Мало русского языка —
Латынь.
Латунь,
Медь,
Бронза пудовых фраз...
А надо их знать.
Надо уметь...
Разве это приказ?
Сам себе приказал —
Значит, силу найдешь.
Смог же когда-то сам
В речку выбросить нож.
Как неохотно тогда
Выскользнул он из рук!..
В прошлом — боль и беда.
Надо учиться, друг.
А город вокруг — большой,
Город вокруг — чужой,
Не тот,
В котором ты жил,
Даже и не Кызыл.
Он огни расплескал
По площадям литым...
Мало русского языка —
Латынь.

11

Прохлада и тишина музеев.
Прохладный
Нининых платьев шелк.
Проходишь по коридорам с нею —
Душе спокойно и хорошо.
Откуда только сейчас тревога?
На деревяшке — смешной узор...
Взглянуть поближе,
Рукой потрогать —
И встретить вдруг
Удивительный взор:
— Ты разве любишь
Резной орнамент?..
Она серьезна, под пару маме,
А он, как школьник,

Опять смущен.
Над деревянными письменами
С глубокой грустью склонился он.
Как будто прежний мальчишка
Ожил,
Не выпал ножик из чутких рук...
— Я знала,
Знала,
Что он художник!—
Ликует Нина в кругу подруг.

12

А время идет.
Ложится в ладони
То книгой весомой,
То тяжестью знаний.
Вот ты и самое страшное понял:
Видеть Чанзан
Никогда не станет.
Не взглянет
Открытыми счастьем глазами
Веселая девочка в галстучке
Красном...
Сгибаются плечи
От тяжести знаний —
Напрасных...
Ну нет, не напрасных.
Надежда.
Она оставалась от детства:
С прошедшей бедой
Несведенные счета.
Теперь никуда тебе, парень,
Не деться
От этой науки,
От этой работы.
И день ни один
Понапрасну не прожит:
Трудом и тревогой
Его ты запомнишь,
И если ты ей
Никогда не поможешь —
Есть люди,
Которым нужна твоя помощь.

Не первый день качаются поля
 За стеклами
 Райздравовского «газика»,
 А в шелесте и звоне ковыля
 Маячит имя,
 Берedit и дразнится,
 И трель его тревожная слышна
 На водопоях,
 Овцами истоптанных...
 У одинокой юрты чабана,
 Отфыркиваясь,
 «Газик» встал, как вкопанный.
 Степенно подъезжает дед Эрес.
 Спросил,
 Откуда и какие новости.
 Но сразу,
 Буркнув:
 — Мы и так здоровы все!—
 Отворотился.
 Времени в обрез,—
 Не сказаны,
 Но явственно читаются
 Слова во всей фигуре старика...
 Сейчас ковыль звенящий
 Закачается
 За стеклами,
 Как сонная река...
 А дверь скрипит.
 На голос чабана
 Из юрты,
 Напряженная,
 Прямая,
 Идет Чанзан.
 Она—и не она.
 И смотрит Калдар-оол,
 Не понимая,
 На темный,
 Медный отблеск рук и щек,
 На аккуратные тугие косы...
 А память,
 Словно каменная осыпь,
 По сердцу ударяя,
 Вдаль течет.

14

Бился в окна злой метели вой,
 Ледяные ветры пели — ой!
 Плыл в столовой интерната
 Звон —
 Это слушали ребята
 Песню давних времен.
 Песня гордая, мужская.
 В ней
 Бьются удаль и тоска — эгей!—
 В стон тяжелый, как под осень
 Зной,
 Голос девичий приносит
 Свой звон озорной...

15

— Ортен Чанзанмаа Дамбаевна,
 Вам сколько лет?
 — Двадцать три.
 (Вот так—не томись
 Раскаяньем,
 А спрашивай и смотри).
 — Давно случилось несчастье?
 Молчит.
 Отвечает дед:
 — Чего уж там —
 Десять лет...
 Порвал бы его на части,
 Клыки бы ему сломал,
 Волчонку,— кабы попался!
 Ведь он еще издевался,
 Кричал:
 — Смотри, Чанзанмаа!
 Ну, этот в наши края
 Не сунется.
 Не подразнит...
 — Вы правы.
 Но это я.
 Я здесь.
 Предавайте казни.
 Мне нечем себя сейчас
 Оправдывать перед вами...

И внучка, и дед молчат.
А что тут скажешь словами?
Одна только степь звенит
Невысказанною речью:
Все годы,
Все дни,
Все дни,
Ты ждал
Этой страшной встречи.
И снова слова—как залп,
На гибель или победу:
— Поедешь со мной, Чанзан?
И тихий ответ:
— Поеду.

16

Вот он, домик.
Возле самых окон
В тесноте ромашки
Сбились с ног.
На крыльце
Тесовом, невысоком —
Пихтовых ветвей колючий сноп.
В комнатах
Просторно и спокойно.
Частокол из книжных корешков.
По линейке застланная койка.
Сытый кот.
Все насквозь
Промеряно шагами,
Как когда-то юрта чабана:
Не скользнет ступенька
Под ногами,
Не метнется поперек стена.
Все, как есть,
Спокойно и знакомо.
Втиснуто
В квадраты этих комнат
Все:
Работа,
Жизнь,
Любовь,
Судьба...

Чисто и темно.
Хозяйка дома —
Слепа.

17

Много встречала я вас,
Слепые.
Вас, ненавистницы
Ветра и пыли.
Жизнь вам одно увидеть дала:
Свое отражение в зеркалах.
Вы различаете, и прекрасно,
Розовый цвет от цвета «само» —
Чужды вам только живые краски
И не по вкусу
Солнце само.
В темень очков от него
Запрятав
Алчность —
Единственный блеск ваших глаз,
Тусклые от головы до пяток,
Ходите,
Бусами озарясь.
Толку от таких озарений!
Главная жизнь
От вас заперта.
При стопроцентном,
Отличном зрении —
Полная слепота.

18

«Ну, здравствуй,
Мой славный,
Мой старый друг,
Коллега,
А может — и больше... даже.
Слыхала я
(Добрые люди скажут) —
В нелепую ты ввязался игру.
Я знала,
Что ты не лишен чудачеств.
Натура художника, правда?»

Но
Промаяться жизнь
Со слепой женой —
Не мог ты
Покончить с собой иначе?
Советую.
Спяишь с ней от тоски —
Готовь тебе
В психолечебнице площадь...
А (формула на полторы строки) —
Короче, по-моему, да и проще.
Но хватит шутить.
Говорю всерьез:
Я дружбе ни словом
Не изменила.
Мне жаль
Не своих несбывшихся грез —
Жалею тебя.
С прискорбием
Нина».

19

Прости меня, Чанзан.
Твой голос чистый
Не льется в песне
Памятной, степной.
Я помешал.
Всему:
Дружить, учиться...
И смел еще
Назвать тебя женой!
Непроходимыми стенами комнат
От ковылей степных отгородил...
Прости.
Я утром ухожу из дома
И каждый вечер
Должен приходиться,
Чтобы тебя,
Моей тревоги знамя,
Увидеть вновь
Покорной и слепой...
Чтоб книжку, что ли,
Вслух прочесть с тобой,

Да громко,
На весь день,
Включить динамик.

20

Радио.
Тревожа или радуя,
Вызывая спор или смешок,
Нашу жизнь
Сопровождает радио,
Слышное,
Куда бы ни пришел.
В первый раз
По радио исполнили —
И над степью
Песня понеслась.
С правдой —
Самой трудной,
Самой полною —
Тоже радио знакомит нас.
Звуков солнечные виноградины
Рассыпает фортепьянный звон...
Нет,
Нельзя теперь
Не слушать радио:
Жизнь неполноценная без него.
И тебе, Чанзан,
С твоею мукою,
Вечной и невидимой людьми,
Призывая,
Радуя,
Баюкая,
Прямо в сердце радио гремит.

21

— К вам можно, бабушка?
Простите... тетя...—
И дрогнул голосок,
Как обожженный.
— Мы... мы узнали,
Что вы здесь живете —
Мы пионеры.

Это наша зона.
Вам, может, нужно дров?
Или — прибраться?
Мы пол помоем,
Постирать поможем...
Лицо все радостнее и моложе:
Самой бы ей
В веселом этом братстве
Учить уроки,
Да ходить в походы,
Да песни петь —
Остались недопеты...
Пусть десять лет —
Но что это за годы!
За целых десять лет —
Ни капли света!
Она молчит
И в пальцах крутит чашку
Над кухонным столом.
— Не надо,—
наконец роняет тяжко,
Как камень на стекло.

22

— Что, скажите, случилось
С ее глазами?
Я серьезно прошу вас,
Доктор Доржу.
Мне ребята вчера о ней
Рассказали —
Я с тех пор себе
Места не нахожу.
Говорят,
В нашей школе она училась,
Хулиганство какое-то,
Говорят...
Что случилось?
Что все-таки с ней случилось?
Где ответ
На вопросы моих ребят?
Вы еще молодой...
И не все возможно,
Вероятно,

В районной больнице, тут...
Вы меня извините, доктор,
А все же —
Есть Одесса,
Филатовский институт.
Средства нужны?
Насобираем лома,
На воскресники
Всей дружиной пойдем,
Только б жизнь у нее
Пошла по-иному,
Только б знать,
Что болезнь у нее пройдет.
Тут строители....
Могут включить в бригаду,
Выполнять ее норму вместе,
А там...
Вы сказали сейчас:
Ничего не надо!
И она
Точно так говорила нам.
Почему?
Неужели так не бывало,
Чтобы вылечить?
Горькая тишина.
— Что же молчите?
— Нет, нет,
Я слушаю, Алла.
Удивительно: вы — она.

23

Сядем с тобой за шахматы —
Каменные, тувинские...
Окна в тепло распахнуты,
Степью дохнуло близкою.
Нож мой долго вырезывал
Спинки ягнят упругие,
И жеребенка резвого —
Жалко, что он не прыгает?
Все на доске отыщется,
Что традицией создано,—
Нет лишь «мёрзе» двухвостого,
Нет «арзылана» хищного.

Новая сказка, первая
К пальцам смущенно ластится
С маленькою королевою
В остроугольном галстуке.
Выстроились доверчиво,
На белые и на черные —
Узкой, косой насечкою
По-разному насеченные.

24

Ты запела, Чанзан.
Я поверил не сразу.
Нет, не сложность мотива
Друзьям показать,
Не для них —
Пояснить музыкальную фразу —
Для себя ты запела, Чанзан.
Голос твой зазвенел,
Заискрился —
И замер...
Неужели опять
Испугалась себя?
Не один в эти годы
Держала экзамен,
Пробиваясь сквозь темень,
Борясь и любя.
Пусть откроются
Тихого домика двери,
Будет твердой дорога,
Смелее — шаги...
Как не петь человеку,
Когда он уверен,
Что действительно
Нужен другим!
Пой, Чанзан.
Пусть сверканье звуков
Наполнит
Темноту —
И победой закончится бой.
Вечный долг перед жизнью
Еще не исполнен —
Вечный долг
И высокая наша любовь.

Вы знаете этот город?
Он — новый, совсем иной.
Он выше.
Он встал на горы
Над гудящей волной.
Он весь —
Сплошное начало,
Из молодости отлит.
К его бетонным причалам
Пристают корабли.
Вы знаете это здание?
На школу похожий дом.
Ответственные собрания,
Концерты бывают в нем.
А женщину эту — знаете?
На сцене — который год —
Прямая,
Как древко знамени,
Спокойно она встает.
Что в мире может быть проще
Знакомой песни степной?..
Над аалом,
Сценой,
Стеной
Слова летят, как полотнище,
И каждый привычный звук
Рожденным заново кажется,
Как будто касаясь каждого
Тревожной чуткостью рук.
А школьницы,
Ей завидуя,
Стекаются в этот зал...
Умеют видеть
Невиданное
Невидящие глаза.

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

БАРАБАНЩИК

Как славно, друзья, барабанщиком быть!
Походною песней отряд разбудить,
С ним вместе шагать по холодной росе,
Делить с ним тревоги и радости все.

— Вставайте!

Вставайте! — стучит барабан.

— Еще не закончена наша борьба.

Вставайте! — стучит барабан.

Я счастлив, друзья, барабанщиком быть,
На марше усталых солдат подбодрить.
Ведь я — барабанщик — всегда впереди,
Стучит барабан мой, как сердце в груди.

— Шагайте!

Шагайте! — зовет барабан. —

Приказ боевой в наступление дан.

Шагайте! — зовет барабан.

На землю ночную пришла тишина.
Отряд на привале — а мне не до сна.
Ведь я, барабанщик, всегда начеку —
Тревогу пробую — не пробраться врагу.

— Тревога! Тревога!--

Гремит барабан.

— Послал к нам лазутчика вражеский стан.

Тревога! — гремит барабан.

Готов я с трусливым нытьем воевать,
Унылую песню мещан оборвать.
Да, я — барабанщик, я этим горжусь:
В кафе, в гитаристы, никак не гожусь.

— Единство!
Единство!— зовет барабан,—
Сплотитесь, рабочие люди всех стран!
К единству зовет барабан.

Высокая честь барабанщиком быть.
Народу и партии честно служить.
Я — верный солдат твой в труде и в бою,
Я выполню, партия, волю твою.

Геннадий НЕКРАСОВ

СМЕРТЬ КОММУНИСТА

Памяти первого председателя Урянхайского красного Совета Степана Константиновича БЕСПАЛОВА, погибшего 4 мая 1918 года от рук контрреволюционеров, — посвящаю.

Уюк дремал.
Тревога тучей
Заполонила тишину.
А горы на плечах весну
Несли,
Подняв к созвездьям кручи.
Они столпились у поселка,
Где взбунтовались кулаки,
Где тлели окон огоньки
Глазами загнанного волка,
Где битые белогвардейцы
Дымили табачищем всласть
И, беспросветно матерясь,
Сивухой заливали сердце.
Ни в бога,
Ни в себя не веря,
Тупели,
Прожигали дни
(былое уплывало в сны)
И, как затравленные звери,
Не зная, что им предпринять,
Считали счастьем,
Если ночью,
Забыв про все,
С кулацкой дочкой
Случалось время коротать.

И вот,
Почувя час расплаты,
Они, сжимая кулаки,
Гоняли в злобе кадыки
Бессильем собственным распяты.
— Мы, господа, забыли честь!
Мальчишка нас...

Мы кто?

Телята

иль верные царя солдаты?!

— Царя уж нет...

— Но мы-то есть!

— И мы...

— Да прекрати

рыдать!

Не все еще сданы винтовки,

И сила есть,

и руки ловки —

Нет,

Здесь Советам

не бывать!

— Беспалов тут у них...

— Убить!

Трет красные глаза хмельные.

— Нет, господа,

здесь не в России —

здесь наша власть!

— Давайте пить...

пить...

пить...

Кувалдою кулак

Бил по столу.

Звенели кружки.

— Поймать Беспалова на мушку!

Иль трусы мы?

А ночи мрак

Поскрипывал тяжелой ставней.

Не слышал пьянки часовой,

Шагая в темноте глухой

Под окнами избушки крайней.

Там,

За ночь не сомкнув глаза,

Сидели Крюков и Беспалов.

Они не знали, что осталось

Им жить —

Всего лишь
Три часа,
Что смерть неожиданная близка,—
Она, подкравшись ранней ранью,
Не краскою зари, а раной
Закровенеет у виска.
Но председатель исполкома
Сегодня думал о другом:
Восстанья беляков кругом —
Как искры в сухоте соломы.
Уюк он занял,
А теперь —
Туран.
Но здесь нужна подмога.
Там кулачья
И белых много —
Не обойдешься без потерь.
Вчера засадою отряд
Был на пути к Турану встречен.
Сгущался над горами вечер —
И он отвел бойцов назад.
А что теперь?
Решай.
Решай.
Народ с тобой —
А это сила!
И крепкая ладонь прикрыла
Далекий Урянхайский край.
— Здесь будет наша власть —
Советов!
И карту бережно свернул.
Неслышно отодвинул стул
И вышел в тишину рассвета.
«В Усинск и Белоцарск позвоним
И утром выступим в Туран».
Прошелся.
Зарядил наган.
У привязей стучали кони.
Красногвардейцы спали.
Сел.
«Прилечь и мне бы не мешало.
Вон
Крюков спит уже».
Мерцало.

Восток уже забагровел.
Припомнил своего отца.
Деревня Камешки.
Плетень.
Да,
Не забыть тот страшный день:
Кровь струйками текла с лица,
Ружье валялось в стороне,
Мать, обезумев, у груди
Навзрыд звала:
— Не уходи!..
Вся жизнь,
Словно в тяжелом сне.
За прожитые двадцать лет
Что испытал я,
Кроме горя?
Сиротство солоней, чем море!
Нет!
К старому возврата нет!
Пусть старый мир, как дряхлый зверь,
И огрызается —
Напрасно.
Простому люду стало ясно,
Куда и с кем идти теперь.
Пусть темнота,
Пусть А от Б
Они совсем не отличают,
Зато прекрасно понимают,
Что ЛЕНИН —
Солнце в их судьбе!
Нет,
Вражья пуля не страшит
Того, кто ходит с партбилетом,
Кто словом,
А не пистолетом
Народу правду говорит.
Вздремнул.
Но разбудили дрожки.
Играя, конь копытом бьет.
И вот
Под красный небосвод,
Словно под знамя, по дорожке
Идет Беспалов.

Телефон
Выносит Крюков, как ребенка.
Вдвоем вскочили в дрожки бойко.
— Звонить мы едем!—
Крикнул он
И —
Только пыль из-под колес.
А ветер бил по лицам слепо
Прохладой майскою,
И небо
Расплескивало купорос.
— Весна идет, Никифор!
Слышишь?
Люблю, когда поют ручьи
И свадьбы празднуют грачи,
И первый дождь стучит по крыше.
Цветы,
Как девичьи глаза,—
Веселые и озорные...
И горы —
Кони вороные...
И первых почек бирюза...
Я рос, Никифор, без отца,
Он из ружья себя,
Случайно.
Охотником он был отчаянным —
А вот...
Окрикнули с крыльца:
— Товарищи... там...
Робок крик.
«Убьют ведь пьяные собаки —
Они всю ночь кричат о драке»,—
И плюнул с горечью мужик.
Беспалов не предполагал,
Что там,
В окне,
Как пьяный леший,
Не веря сам себе, Микешин,
Глаза разинув,
Закричал:
— Беспалов, братцы!
Гад — попался!
Винтовки лязгнули.
— За мной!

А он,
Любуясь синевою,
Все так же утру улыбался.
Не мог восходом наглядеться!
В свои раздумья погружен —
Не видел
И не слышал он,
Как грянул залп белогвардейцев,
Как Крюков, выхватив наган,
Отстреливался...
Он не слышал.
Он знал —
Стучать дождю по крыше!
(А Крюков умирал от ран).
Он знал —
Что, разгромив врага,
Опять учительствовать станет!
(А Крюков двух бандитов ранит,
Но —
Выронит наган рука.
— Степан!..
И, крикнув, упадет).
Но он-то знал,
Он знал:
Советам
Стоять!
Ведь нету сил на свете,
Способных погасить восход!
Мечтою светлую гореть
Учил людей он.
И, поверьте,
Совсем не думая о смерти,
Погиб он,
Не заметив смерть.
И нашей жизни торжество —
Как продолжение Его!

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, КНИГИ

Олег ГАВРИЛОВ

СТО СОБОЛЬИХ ШКУРОК

(Очерк)

Не всем дано знать сердце охотника. Его понять может только охотник. Как говорится, рыбак рыбака... Степенные, хозяйственные люди посматривают на охотников свысока, с усмешечкой, считают их чудаками. Даже байку сложили: «Было в семье три сына, двое умных, а третий — охотник».

Непосвященному охотничью страсть ни оценить, ни разделить. Не может он взять в толк, какая нужда гонит охотника за сотни верст в сырую осеннюю тайгу, заставляет ночевать в снегу в сорокаградусный мороз, питаться сухарями, месяцами не мыться в бане, не читать газет, не слышать новостей.

— Каторга, — скажет домосед, — только и разницы, что идут на нее добровольно.

И не возьмет он в толк, что от него скрыт удивительный мир, имя которому — природа. Мир, который закаляет душу и тело, открывает необычную красоту в обычных вещах, облагораживает чувства. Между прочим, спроси у охотника, он и рассказать толком не сможет, чем покорила его тайга. Мой знакомый — Иосиф Георгиевич Тулин, охотник, что называется, до мозга костей, свою страсть объясняет просто:

— Увижу волчий след, и затрясет меня всего. Тут уж не

отступлюсь: спать-есть не буду, а добыюсь своего. Одно слово — зараза!

Уж кому-кому, а Иосифу Тулину, казалось бы, пора остепениться давно. Его ли не помяла, не потрепала в своих объятиях матушка-тайга! Тринадцатилетним мальчишкой впервые он окунулся в ее суровый мир. Сейчас ему сорок шесть. За три с лишним десятка лет охотничьих скитаний он многому научился, испытал немало радостных минут, многое и пережил. Белковал по первому осеннему снегу, ловил соболей и волков капканами, орешничал, добывал рыбу.

Тайга многолика, не зря говорят, что она может быть и родной матерью, и злой мачехой. Тот, кто не знает тайги, боится ее. Она вымотает его силы по колодникам, буреломам и каменистым россыпям, крепкими сучьями оборвет одежду, выкупает в ледяных потоках, измучит гнусом, оставит голодным в богатейших угодьях.

Трудолюбивому да смекалистому тайга устелет тропинки мягким мхом, напоит чистой водой из студеной ключей, даст в награду радужную россыпь драгоценной пушнины. Все свои богатства раскроет в небывалой щедрости мать-тайга, тайга-кормилица.

Однако она никому не прощает ошибок, пренебрежительного к ней отношения. С ней всегда надо быть начеку, тайга есть тайга! Оплосал Иосиф Тулин, и она отняла у него самого любимого и близкого человека. Рассказывает он о своей горе, и у него трясутся губы, срывается голос:

...Сплавляли мы рыбу по Хамсаре. Река эта своенравная, вся в шиверах да перекатах. До водопада дошли, сгрузили бочки и стали вверх подниматься. Самое тяжелое место миновали, осталось большой камень обойти. Стали обходить: я лодку за нос тяну, а жена бечевою корму держит. Дернул я посильнее, чтобы не отурило¹, оглянулся, а жены нет на берегу. Поскользнулась, видно, на гладких валунах. Думал, за бечеву удержится. Но нет, смотрю — размоталась она пустая. Свету белого я не взвидел. Кинулся к водопаду, а там клокочет, как в котле, брызги летят, пену кружит... Километров за восемнадцать ниже по течению нашел я свою Зину...

Гримаса страдания ломает черты привлекательного неброской русской красотой лица рассказчика, боль прячется в его серых глазах. Ему и сейчас тяжело вспоминать о тех страшных минутах.

— Шестеро ребят остались сиротами. Их на произвол судь-

---

¹ Не отурило — не развернуло быстрым течением.

бы не бросишь. Хоть и не хотелось мне расставаться с тайгой, но пришлось оставить промхоз, переехать в город. Устроился в КПП треста «Тувинстрой» столяром. Мне это ремесло хорошо знакомо: на Хамсаре даже на промысел не пускали, пока всему поселку рамы не переделал. Женщина нашлась хорошая, стала матерью моим ребятишкам. У нее у самой их трое, так что семья у нас сейчас солидная, сам одиннадцатый...

Жизнью домовитого семьянина Иосиф прожил недолго. Как только пожелтела хвоя лиственниц и на далеких хребтах Саян выпал снег, тайга снова позвала его неукротимо и властно. Смолистый запах стружек в мастерской напоминал ему аромат кедровых лапок, разогретых костром. Прикроет глаза, и тайга скачет рыжими лиственницами по снегу, манит соболиными следами. На душе тревожно и волнуяще, как перед первым свиданием.

Не выдержал, наконец, попросил три месяца отпуска без содержания. Охотникам такой отпуск положен, поэтому начальство хоть и посопротивлялось маленько, но согласилось. И сразу нахлынули заботы: тайги здешней не знает, капканы на Хамсаре брошены. Связчик вроде нашелся, обещал свести в соболиные уголья на Кантегирский хребет. Но когда узнал, что Иосиф берет с собой приемного сына Бориса, то категорически отказался идти с ними.

Дело тут, конечно, щекотливое: Борис в свои семнадцать лет еще ни разу на охоте не бывал, трудно судить, какой из него добытчик, а соболей по охотничьим законам придется делить на всех поровну. Да и в угодьях такой компании тесновато. А Борис пристал, как с ножом к горлу, возьми да возьми. Иосифа тронула эта настойчивость. Если не остынет, видать по всему, будет из парня толк. Почему не взять, если ему загорелось.

Молодежь сейчас калачом в тайгу не заманишь — есть на свете дела поинтереснее. Раньше отец сыну охотничьи секреты по наследству передавал. Теперь дети охотников мечтают стать агрономами, зоотехниками, летчиками, врачами, а может даже, и космонавтами. Это очень хорошо! Но почему-то никто не желает быть профессиональным охотником. Иосиф боится думать о том времени, когда опытных охотников не будет, а молодые не захотят идти в тайгу. А педь стране соболя шкурки нужны не менее, чем хлеб или руда. Поэтому он не мог отказать Борису.

В тайгу выходили вдвоем. Соболевать решили в верховьях речки Малый Он, в которых, по рассказам, никто из промыс-

ловиков не останавливался. Заезжали по строящейся дороге Ак-Довурак—Абаза, которая вскоре откроет кратчайший путь тувинскому асбесту через Саяны до железной дороги. Иосиф сверился по карте-десятикилометровке. Выходить на 91-м километре. Шофер притормозил, подождал, пока сбросят вещи. Затем грузовик стрельнул в лицо острой бензиновой гарью и укатил. Охотники на долгие месяцы оставались наедине с тайгой. Как она встретит их?

Раздумывать было некогда. Оттащили с дороги и наскоро запрятали снаряжение. Сами с двухпудовыми котомками за плечами пошли торить след на перевал. Отмахали километров двадцать пять, прежде чем Иосиф приглядел подходящее место. Сухостой для дров и вода — рядом. Кедрачи, судя по всему, богатые, есть орехи, белки, мыши. Соболиные следы прострочили снег из глухих северов в ягодники на солнцепечные стороны. Лучше угодий, пожалуй, и не найдешь. Под треск костра планировали, где рубить избушку. Уснули, как провалились в темный колодец.

Чуть свет были на ногах. Спать некогда — нужно срочно доставить все снаряжение на место. Грузу набралось порядочно: две сотни капканов, оружие, боеприпасы, инструменты, палатка, печки, продукты. Пять раз пришлось проделать путь от дороги к охотничьему стану, пока все перетаскали на своих плечах. Шутка сказать, двести пятьдесят километров по бездорожью, из которых половину пришлось проделать с грузом! Борис держался молодцом. Длинные переходы с тяжестями выматывали его, но он не подавал виду, не жаловался, только бледнел, да глубже вваливались глаза. Иосиф, взваливая на себя лишний десяток килограммов поклажи, подбадривал его:

— Держись, Борька, охотнику все трудности нипочем!

А сам думал про себя, что в этом и следует искать причину, почему молодежь не хочет идти в тайгу. Нет, трудностей она не боится. Но превращаться в носильщиков — перспектива не очень романтическая, не говоря уж о том, что это отнимает очень много времени. Говорят, охотников кое-где забрасывают в тайгу на вертолетах и вездеходах. Им такая роскошь ни к чему, дали хоть бы лошаденку. Ведь заготовителям каждый год выделяют средства на завоз охотников в угодья, строительство избушек. Но пока добьешься от них толку, быстрее в десять раз сделать все самому. Даже портативного приемника выделить не могут! Значит, не везде еще в кабинетах понимают важность охотничьего промысла, если относятся к охотникам как к кустарям-одиночкам.

...Таежная жизнь захватила сразу целиком. Разведали угодья, срубили две избушки, проложили путики¹. Иосиф учил сына читать Белую книгу природы.

— Учись, Борька,— втолковывал он ему.— Глаза у всех есть, видеть каждый может. А вот наблюдает только следопыт. Научись не просто смотреть, а наблюдать, вся тайга у тебя на ладони будет. Видишь след, это соболь пробежал. Его любой отличить сможет, раз только покажи. А что еще может рассказать этот след?..

Очень многое может рассказать след на белом снегу. Каждый зверь лапами пишет свой дневник: где был, что ел, куда ушел. Вот здесь старый аскыр написал: «Побежал завтракать». Откуда это известно? Да все написано, только читай и переводи. След овальный, размашистый, между махами более полуметра. Значит, самец, аскыром его охотники зовут, у самочки след округлый. И крупный притом, старик, прыжки по две четверти делает. А что голодный, совсем не трудно понять — вон как вымахивает. Сытый соболь идет спокойно, не рыскает по сторонам, иногда на шаг переходит. Отяжелеет от пищи, да и торопиться ему некуда. Прошел он час назад, снег на следу рыхлый, снежинки еще не успели смерзнуться.

Это — азбука следопыта. Ее понять несложно. Опытный охотник должен разгадывать головоломки потрудней. Почему, например, соболь пошел в этот распадок, а не остался на северной стороне ручья? В сиверах густой лес, мох, камни да хвойная подстилка. Там у него гнездо где-нибудь в дупле. А на южном склоне ягода растет, шишек больше на кедрах осталось. Для соболя это — первая еда. И травы тут много, ее сеноставки засушили с лета и под камни маленькими копешками сложили. Сеноставок, по-научному их пищухами зовут, соболь очень любит. Уяснишь эту закономерность — соболя не трудно взять. Он всегда на кормежку этим распадком ходить будет, у зверей свои дороги в тайге. Только тропку найди да капкан сумеи поставить. Но это уже будет не азбука и не грамматика, а техника.

Техника в охотничьем деле играет главную роль. Промысловику с ружьем проще: облаяла собака зверька, посадила на дерево — скрадывай и стреляй. Охотнику с самоловами и капканами надо знать все уловки зверька, чтобы перехитрить его, до тонкости изучить технику промысла. Как и в любой техни-

---

¹ *Путик* — охотничья тропа, оборудованная самоловами — капканами, плашками, кулемками и т. д., рассчитанная на день пути. Обычно у охотников бывает по 2—3 путика.

ке, здесь не обойтись без рационализации и изобретательства.

Иосиф Тулин из тех, кого можно назвать новатором. Знаете, как охотник обрабатывает капканы перед тем, как поставить на зверя? Целая наука! Сначала очистит их от масла, выварит с травами, натрет хвоей или кедровой заболонью, чтобы дух отбить. Готовые капканы держит подальше от жилья, переносит в специальном мешке. И все равно зверь слышит запах металла. Иосиф эту сложную процедуру сократил до минимума.

Помогла ему в этом наблюдательность. Однажды обнаружил следы волчьего выводка. Волки были пришлые: могли уйти так же быстро, как и появились. Нужно срочно капканы выставить, а их, как на грех, ни одного готового. Всю ночь сидел Иосиф у печки, вываривал по штуке здоровенные волчьи капканы. Ночь длинная, думается о многом. Тут он и обратил внимание, что нагретая печка пахнет железом, а побеленная известью труба — нет. Догадка пришла сразу: капканы надо белить. Звери запаха камня не боятся, а капкан под слоем извести не будет пахнуть железом. Не будут капканы и ржаветь, их легче маскировать в снегу, не выдает темный цвет.

При первой же возможности Иосиф побелил капканы свежеразваренной известью. И сразу пришла удача. Волки обошли капканы всех других промысловиков и попали именно в тулинские. С той поры Иосиф никаким другим способом, кроме побелки, капканы не готовит. Он всегда берет в тайгу мешочек негашеной извести. На месте разводит ее в ведерке, и этого количества ему хватает на обработку нескольких сотен капканов в течение всего сезона.

Да и сама обработка упростилась до чрезвычайности: макнет капкан в размешанную жидкость и вывешивает сушить. Для переноски их специальный фанерный ящик сконструировал. В нем капканы запахом пота не пропитываются, и известь с них не облетает. С наружной стороны ящика приделал брезентовый карман для мелких вещей и дичи. С помощью нового способа Иосиф за несколько лет поймал более сорока волков. Секрета он из него не делает, даже в газете этот способ описывал.

Славится Иосиф как непревзойденный знаток самоловов. На капкан не всегда рассчитывать можно, а кулемкой¹ в любую погоду поймаешь зверька. В первый же вечер, как приш-

---

¹ Кулемка — простейшая самоловная ловушка на мелких хищников, готовится на месте из подручного материала.

ли с грузом на стан, Иосиф побежал в ключик и срубил три кулемки. Показал Борису, как вырезать костыльки для насто-рожки, сторожок, сделать порожек, давок.¹ Для приманки подстрелили кедровок. Когда вернулись с грузом от дороги второй раз, в одной из кулемок уже был соболь. Давок пристукнул зверька поперек тушки, и он уже окаменел от мороза. Борис не удержался, и радостное «ура» разнеслось по при-молкшим кедрочам. Позднее в эту кулемку было поймано еще три соболя.

Иосиф не мог нарадоваться на способного ученика. Вместе с Борисом он походил по тайге всего два дня. Рассказывал ему обо всем детально: как подрезать капкан под ступак, за-маскировать свои следы, привязать потаск, убересть ловушку от запаха потных рук. Особое внимание он уделил поискам соболиных переходов. Любая ловушка простоит в бездействии, если будет установлена в стороне от тропок зверька.

В охотничьем деле много хитростей. В этом сезоне соболь сытый, корма ему хватает. На кедровку он идет неохотно. Ему бы рябчика, но дичь словно вымерла в этой тайге. Не нравится соболу и ободранная белка, а со шкуркой бросать не хочется — тоже пушнина, да и мало ее. Иосиф решил попробовать ловить соболя «на интерес». Способ этот основан на любопытстве зверька. Известно, например, что белка идет в плашку без приманки, достаточно вместо нее привязать перышко. Так же и соболь. Стоит выбрать место под развесистым кедром, огородить у ствола небольшой участок сучьями, а на входе в загородку поставить капкан — вот и ловушка готова. Вместо прикорма можно положить в ямку тряпочку, смоченную одеколоном. Важно, чтобы соболь не видел, что там пахнет. Он у загородки из любопытства будет кружить до тех пор, пока в капкан не залезет.

Борис все тонкости схватывал на лету. Когда Иосиф убедился, что капканы он ставит и ловушки рубит не хуже его самого, то ушел в дальнюю избушку — на одном участке вдвоем делать нечего.

Первый месяц был неудачным. Непрестанно мели метели, сыпал снег. Не успеют охотники расставить капканы, как их переметают сугробы. Соболь в пургу отлеживается, тропит мало. И все-таки к концу месяца у охотников сушились на пялах девять шкурок.

Когда Иосиф пришел попроведать сына, тот, захлебываясь от восторга, рассказал ему о первом своем приключении.

---

¹ *Костыльки, сторожок, порожек, давок* — детали кулемки.

В одном заманчивом месте у ручья он установил капкан на соболиной тропке. Пока обошел другие путики, ушло три дня. На четвертый он издали увидел утолоку — место, где бился соболь, попавшийся в капкан. Зверек был сильный, вытащил потаск и утащился с капканом к ручью. Борис выслеживал его недолго, у ручья волок обрывался. Вот и капкан. Борис вытянул его из снега, и от огорчения даже застоңал: дужки сжимали лишь переднюю лапку. Соболь отгрыз ее и приобрел столь дорогой ценой свободу.

Молодой охотник допустил ошибку: поставил капкан так, что его дужки высоко захватили лапку зверька и сломали кость. А когда потаск застрял в кустах, соболь отгрыз замерзшую шкурку, которая удерживала его в капкане. Этот эпизод — не редкость, в нем не было бы ничего интересного, если бы он не имел продолжения. Через несколько дней Борис взял капканом чрезвычайно темного самца. Соболь этот был без передней лапки, она лежала на полочке в избушке в качестве сувенира. Его шкурка пошла первым цветом, он был самым дорогим из всей партии соболей, пойманных за сезон.

В декабре охотники сделали переход на реку Кантегир. Избушку строить было некогда, жили в палатке. Установилась ясная морозная погода. Соболи отменно тропили, на все сбежки¹ не хватало капканов. Каждый день приносил удачу — при обходе путиков охотники находили в капканах замерзшие тушки зверьков.

Однажды Иосифу пришлось порядком измучиться. Сильный аскыр оторвал потаск и вместе с капканом на махах ушел в кедрачи. По следам Иосиф определил, что соболь попался четыре дня назад. Он рассчитывал, самое большее, через километр-другой найти его замерзшим. Велико же было удивление охотника, когда он, замыкая круг, наткнулся на свежую тасканину. Сомнений не было, прошел тот же самый соболь с капканом. Иосиф кинулся в погоню, поражаясь непомерной силой зверька. Тот слышал охотника и снова начал уходить на махах. Через несколько часов преследования Иосиф заметил между деревьями гибкую фигурку зверька. Соболь уходил к огромной каменной россыпи — курумнику. Если он успеет туда вперед охотника, пропадет шкурка впустую. Зверек залезет под камни и погибнет там. Иосиф надал. Пот заливал глаза, снег горстями летел за шиворот, сучки рвали телогрейку.

---

¹ *Сбежки* — торные тропки, в которые сбегается несколько одиночных соболиных следов. Наиболее вероятное место поимки зверька.

Высочив на перевальчик, охотник унял дыхание и огляделся. Впереди соболя не было. «Опоздал»,— огорчился Иосиф. Взгляд его скользнул по следу, и тут он увидел, что след прерывается около старого кедра.

— Интересная картина была, если бы кто посмотрел со стороны,— со смехом вспоминает Иосиф.— Подскочил я к кедру: соболь невысоко, капкан ему лезть мешает. Ухватил я его за хвост, тяну, а он орет. Ну, рассчитался я тут с ним за все. Столько лет охочусь, а такого живучего соболя впервые встретил. Правда, был еще в этот раз случай. Взял соболюшку капканом. Стукнул ее по носу, сердце помял и положил на снег. Пока снова капкан устанавливал, соболюшка исчезла. И поматерил же я тут себя — из рук добычу упустил. Стал закидывать сумку за плечи, а она под ней в снег зарылась, голубушка.

С каждым днем Иосиф все меньше радовался удачам. Вышли все продукты, осталось немного сухарей. На дичь рассчитывать не приходилось: рябчиков и глухарей не было, а крупного зверя стрелять без лицензии нельзя. А зверьки, как нарочно, шли в ловушки особенно хорошо. В один из дней Иосиф сразу принес в палатку семь соболей. Идти за продуктами за сотни километров не было расчета. Скоро Новый год, из тайги так и так придется выходить, чтобы сдать пушнину по договору. Норму пришлось урезать до трех ложек сухарных крошек в день.

Небольшим подспорьем были кедровки. Соболятники варили их жесткое мясо, пили бульон. Но кедровок было мало, редко в день удавалось добыть несколько штук. Последнюю неделю сухари делили по ложке в день. Борис решительно пресекал попытки отца отсыпать ему из своей порции. Охотники оборвались, отошдали, почернели от морозов. Зима стояла на редкость студеная. Холод забирал те остатки тепла, которые могла дать скудная пища.

Однажды Иосиф не выдержал. Нарубил задков от соболиных тушек, поставил варить. Кипели они часа три, а он все не мог побороть в себе предубеждения к мясу хищника. Но голод все-таки пересилил. Рванул ножку зубами, проглотил кусок. Нет, не тошнит, наоборот желудок просит пищи. Впервые за много дней наелись досыта. Соболиные тушки помогли накопить сил для выхода из тайги.

После Нового года Иосиф с Борисом снова пришли на Кантегир. На этот раз продуктов взяли достаточно. Провели в тайге еще месяц, пока не кончился срок отлова соболей.

Когда подводили итоги сезона, заготовители и охотники были изумлены. Иосиф Тулин с учеником сдали 101 соболя, да еще один пошел в брак — шкурку попортили мыши.

Тридцать сезонных любительских норм — это был рекорд. Такого количества соболей еще не сдавало ни одно звено. Борис лично добыл тридцать девять соболей, не считая тех, что они поймали вместе с отцом. Для ученика по первому году — это тоже рекорд. По количеству шкурок он оставил позади даже такого опытного соболятника, как тот охотник, которой в свое время отказался взять его в тайгу.

Красива собожья шкурка! Когда на нее упадет луч света, ость, словно драгоценные камни, переливается лучами солнечного спектра. Недаром шкурки тувинского, или, как их называют пушники, урянхайского кряжа пользовались заслуженным спросом на прошедшем в Ленинграде 43-м международном пушном аукционе. Среди соболей, выставленных там, наверняка были и добытые Иосифом Тулиным, скромным добытчиком «мягкого золота».

Нельзя смотреть на соболюю шкурку как украшение модницы. Это — валюта. Валюта — могущество государства. Когда сравниваешь труд охотника с трудом знатного чабана или заслуженной доярки, то понимаешь, что он наполнен не меньшим содержанием.

Только почему-то труд чабана и доярки в большем почете, ему уделяют больше внимания. Мы радуемся, когда награждают животноводов и хлеборобов, строителей и горняков. Их труд заслуживает признания. Но становится почему-то жаль, что охотникам редко вручают ордена.

Валерий ТИМОФЕЕВ

ДОЧЬ ОДУГЕНСКИХ ГОР

(Слова любви и прощания)

Смерть человека — всегда трагедия. Но когда умирает двадцатидвухлетний, столько лет знакомый человек — это во сто крат тяжелее.

Классному руководителю его питомцы — в какой-то мере дети. Она же была лучшей ученицей класса, любимой ученицей класса, моей любимой ученицей — я защищаю право учителя иметь любимых учеников: это право человека.

Она могла стать врачом или журналистом, охотоведом или охотницей. Но все, что могло быть, способности, не успевшие расцвести, унесены в землю.

Осталось то, что было. Что успело быть. Что сохранилось от человека в 22 года. Фотографии в альбоме. Сочинения. Письма.

Осень 1960 года. В Тоора-Хемской школе формируется 8 класс. Мой класс. Вот первые фотографии. За одной из длинных парт образца тридцатых годов, скромно потупив голову, сидит обыкновенная черноволосая девушка. Вот Хопуй в засыпанной снегом тайге, обнявшись с подругами. Она не выделяется ни ростом, ни одеждой. Но на лице хорошая улыбка, свидетельствующая о прямом и честном характере. Такая улыбка была ей свойственна всегда. Да, Лев Толстой прав, утверждая, что улыбка может сказать о человеке многое... Вот, счастливая, Хопуй сидит верхом на олене. Она любит оленей, знает их и сидит в седле уверенно, свободно управляя животным. Соскучившись по незаменимому для охотника «кораблю тайги», она не заметила, как я щелкнул затвором аппарата.

Весной мы все вместе лазили на вершину Арбыкской горы, откуда, как с самолета, видны долина Енисея, Тоора-Хем и Салдам. Здесь, на фото, мы все вместе.

Первый фотопортрет Хопуй. Его я сделал в мае 1961 г. на крутом берегу сибирской реки, еще не широкой у нас в Тодже. Хопуй сидит на земле, подтянув к себе колени. Волосы ее сбрызнул легкий дождь. Она задумчиво смотрит на дальние вершины гор. Там охотился ее отец, пока его не покалечил медведь, там была она не раз и она.

«Я часто тоскую по родной, милой тайге», — пишет Хопуй в одном из сочинений.

Девятый, десятый классы. Фотографии в классе за столами, на прогулках, в лесу и в горах. Обращает на себя внимание чуть смуглое овальное лицо Хопуй, большой лоб. И глаза. Особенно глаза. Я редко видел в них растерянность и никогда — равнодушие. Они всегда смотрели прямо и твердо. Они могли быть серьезными и глубокими, искрящимися от смеха, ласковыми. Умные, хорошие глаза.

Не всем нравилась их твердость, когда Хопуй стала членом школьного комитета комсомола. Она была непримирима к ловчилам, двоедушным и лодырям. Разумеется, появлялись не только друзья, но и недруги, которые порой старались побольше уколоть ее. Но она не сдавалась и друзья помогали. Особенно она дружила с Зиной Ендан. Рядом были также одноклассницы Ак Сержинмаа, Соскар Тамара.

Училась Хопуй ровно, чаще всех в классе ходила в ударниках. Любила химию, охотоведение, хорошо разбиралась в русском языке и литературе. Но больше всего любила отчий край, свою тайгу, родные горы. Мои старания привить ей навыки списания, склонность к сочинениям на свободную тему увенчались успехом.

Дочь охотника и сама охотница, она на групповой фотографии перед отъездом на практику счастливо улыбается. За плечами ружье. Им она добудет за короткий срок практики несколько десятков белок, займет после лучшего охотника класса Даш-оола второе место, поедет выступать на слет в Кызыл. Вот ее раздумья:

«День за днем приближались дни осенней практики. Все покрылось белым снегом. И вот девятнадцатого октября началась долгожданная практика. На машине после обеда мы выехали из Тоора-Хема на Аргы. Сразу на душе у меня стало легко и свободно, и вспомнила я отцовские советы, которые дал он мне перед отъездом в тайгу. Душа пела про Одугенские горы, по которым я любила бродить с отцом на охоте, вспомнились глубокие реки, озера, цветы, скалистые горы, на вершинах которых вечно белые снега, вспомнились храбрые любимые олени, на которых я так любила ездить.

Как хороша ты, природа! Только на машине я почувствовала, как сильно забилося сердце от радости. Только теперь поняла, как я люблю Одугенские горы.

Через четыре дня мы добрались до места, где нам было разрешено белковать. После обеда отправились на охоту, а к вечеру собрались у костра. У каждого богатая добыча. Как же не радоваться первой удаче! У всех добрые, веселые лица, никому не хотелось ложиться спать, допоздна сидели у костра, разговаривали о завтрашнем дне, вспоминали случаи с охотниками. Так прошел наш первый день.

На другой день мы отправились на охоту. Мне из отцовских советов было известно, когда и где бывают белки. В ясную погоду белки бегают по земле, а в пасмурные дни они прячутся в гнездах, поэтому особенно трудно найти их в плохую погоду. Утром в четвертом часу они бывают на деревьях, а к обеду начинают бегать по земле. После тридцати или сорока шагов нужно останавливаться и прислушиваться, только так можно добыть много белок. У каждого охотника должны быть чуткие уши и хорошее зрение».

И в дальнейшем не раз она возвращается мыслями к охоте, к природе.

«После холодного зимнего дня начнется сказочно тихая ночь с безоблачным синим небом.

Охотники сядут вокруг костра и начнут рассказывать что-нибудь смешное, случавшееся с ними. Усталые лица охотников снова засветятся улыбками. После таких душевных разговоров мы пели любимые песни — все оказались любителями песен.

Тот, кто очень устал, первым уснул. Постепенно песня стихала. Тишина.

На небе много звезд, больших и маленьких, они непрерывно мигают, будто играя с нами. В лесу тихо, темно, и эта тишина особенно хороша, чем-то трогает душу. Я эту тайгу и тишину всегда любила в ее скромной величавой красоте».

Тувинка, дочь своего народа, скромная и почти всегда очень сдержанная во всех движениях души, она не скрывает своей огромной, всепоглощающей любви к Родине, к своей Тодже, к природе.

Доверяя сокровеннейшие свои мысли и думы бумаге, она знала, что никто не использует написанное во вред ей, никто не посмеется над ее чувствами. Спокойная уверенность в этом раскрепощает ее, и мы видим точный глаз, цепкую зрительную память, образный язык, позволяющий рисовать картины.

«Темная летняя ночь исчезает, из-за гор нежными, сереб-

ряными, бодрящими лучами выгянет кусочек солнца. Оно разбудит животных и растения. Сказочно красноватые лучи, пронизывая густую зеленую листву деревьев, ласкают спящего козленка. На лепестках, на ветвях блестят прозрачные капельки утренней росы. Где-то на другой стороне маленькой бурливой речки запоеет кукушка. Чистая холодная вода речки освежает ноги.

Утренняя прохлада бодрит. Не опишешь трогательную, чудесную красоту восхождения солнца. Сколько в нем разнообразных красок! Если бы я была художницей, всю душу, всю красоту леса изобразила бы в картинах.

Хопуй увлекается живописью, сама немного рисует, одно время ходит в кружок изобразительного искусства, который ведет В. М. Озеров при Тоора-Хемском интернате. Пусть она не стала художницей, но близость к искусству — не дилетантская, а творческая — наложила добрый отпечаток на ее ум и характер. Она роется в книгах о художниках и их творениях, много читает, умеет использовать то, что узнала: рассказывает об этом товарищам, пишет в сочинениях. Не случайно лучшая работа на тему «Некрасов и Репин о бурлаках» — это работа Хопуй.

Несмотря на то, что Хопуй училась в тувинской школе, русский язык стал для нее вторым родным языком. Очень чуткая ко всем красотам языка, Хопуй пишет не быстро, но широко и уверенно. Редко касался я ее работ красным карандашом, чтобы исправить стиль или грамотность. За всю свою учительскую практику не приходилось мне встречать такую способность к самовыражению, такое глубокое, образное мышление и, главное, такую силу любви к родной земле. Она как будто чувствовала, что жить ей недолго, и спешила высказать свою любовь.

Хопуй мечтает. В дни работы XXII съезда КПСС вместе со всеми она пишет сочинение «Как я представляю себе жизнь при коммунизме». Она пишет, какой прекрасной стала наша планета, какое огромное удовольствие жить и работать при коммунизме, описывает заводы, жилые кварталы, достижения науки, воскресный отдых на Луне и Марсе. Показывает новый Кызыл — крупный промышленный центр, мощную гидроэлектростанцию, новый театр, учебу по телевидению.

Конечно, изменилась и Тоджа: на берегу озера Азас Тоджинский санаторий, в районе построены комбинаты, действуют леспромхозы, звероводческие фермы. Тоора-Хем стал красивым городом с широкими асфальтированными улицами, заполненными автобусами и яркими автомобилями. Много-

этажные дома. Шоссе на Кызыл. Парк между Енисеем и Тоора-Хемом. И сейчас повторяют, как раньше: «Кто в Тодже не бывал, тот Тувы не видал».

Прошло много лет со дня окончания школы, и встретились бывшие одноклассники. Здесь финансисты, герои труда, художники, инженеры, учителя, собравшиеся из разных районов Тувы, чтобы участвовать в такой памятной, радостной встрече.

В своих мечтах Хопуй думает больше всего о земле, где она родилась. Пусть не все сбудется, но мечтать надо. Мечта, фантазия, если они имеют под собой почву, дают человеку крылья, прибавляют ему сил.

А грозная болезнь уже подкрадывалась, давала о себе знать болью (следы давней детской простуды — лежала на холодной земле). Иногда Хопуй пропускала день-два, ходила к врачу. Но побаливали и другие, и ее состояние в общем не вызывало тревоги ни у нее самой, ни у врачей и учителей. Никто не предполагал, что возможна трагедия. Хопуй была оптимисткой. Она хотела стать журналисткой, и я по возможности помогал ей совершенствовать стиль, оттачивать мысль, расширять кругозор, давал больше заданий и больше требовал.

Ей не надо было повторять одно и то же много раз. И не только внимание и способности ей помогали, но и воля человека, знающего, чего он хочет. Я мог бы назвать нескольких молодых людей, которых природа отметила каким-либо дарованием. Но этого оказалось мало. Не воспитав в себе твердости характера, упорства в достижении цели, усидчивости, они разменяли звонкие золотые червонцы способностей на медные пятаки уступчивости, самоуспокоенности, пассивности, перешедшие у иных в глухое недовольство, брюзжание. Тогда всегда прощают себе и лень, и проступки, надеясь на «потом», на «авось».

Хопуй же относилась к себе беспощадно, у нее не было расхлябанности и малодушия, и, если она была в чем-то уверена, невозможно было заставить ее пойти на компромисс. Высокие моральные принципы, бескорыстие, чистота души — все это было ей органически присуще.

Однако вернемся к учебным работам.

Готовясь к сочинению об осени, мы взяли стихи разных поэтов, картину Левитана, «Осеннюю песню» Чайковского.

И в этой работе Хопуй проявляет себя с самой лучшей стороны. Она переживает каждый миг близости к природе, стремится слиться с ней душевно. Родная земля для Хопуй —

мера красоты, непревзойденный образец. Оттого-то она любит элитет «сказочный», оттого так ярка ее палитра.

Итак, «Тоджинская осень».

Эпиграфом стоят слова: «Шуми и пой, моя тайга!» (Степан Сарыг-оол).

Незаметно пролетело веселое, прекрасное лето. Пришло одно из замечательных времен года — золотая осень. С появлением признаков приближающейся осени колхозники начинают убирать хлеб, утеплять дома. Охотники готовятся к охоте, им хорошо: тайга их манит в свои сказочно чудесные просторы. Они с нетерпением ждут отъезда на охоту, в тайгу. Дни становятся короткими, ясными. Небо безоблачное, синее. Из перелетных птиц первая полетит домой быстрокрылая ласточка. Веселые пестрые бабочки, стрекозы-попрыгуны встречаются все реже и реже. Разнообразные цветы, как драгоценные камни, желто-красно-бурый цвет постепенно меняют на бело-коричневый. В конце сентября березы одевают свое золотое убранство. На некоторое время вся земля — деревья, горы, поля — переходит в ту трогательную пору, красоту которой пером не опишешь, словами не выразишь. Чудесная пора! Как хороша она собой! Прекрасная осень раскинулась без края, природа заставляет человека ею любоваться. Недаром о ней так много написано картин и стихотворений. «Осенняя песня» выдающегося русского композитора Чайковского и картина Левитана — оба эти произведения дышат грустью.

Я в первый раз так внимательно слушала симфоническую музыку, она меня радовала, потрясала, печалила. Музыка манила меня, вызывала к жизни новые, неизвестные ощущения, рождала замыслы картин. Природа нашей Тоджи очень красива.

Лес стоит голый, грустный. Начинают замерзать веселые, прозрачные ручейки, по берегам реки появился лед. Замерзла земля. Охотники уже отправились в тайгу. Настала зима. Вся земля покрылась снежным ковром, только зеленая елка торжественно стоит среди голых деревьев. Как я люблю эти просторы, поля, горы, реки! Богата моя родная тайга!».

И опять фотографии: среди улыбающихся подруг на фоне Тоора-Хема; на вершине высокой, господствующей над Салдамом горы, несущей слово «Ленин». Здесь мы любовались Тоджей, раскинувшейся перед нами, как на карте, играли в снежки — благо, был теплый весенний день. И потом, все в снегу, скатившись вниз, шли обратно через Енисей по уже мягкому льду. От того дня остался портрет Хопуй. Она в

платке и фуфайке, но лицо строгое, задумчивое и даже чуть надменное, замкнутое. Едва улавливается фон— горы и тайга.

А вот фотография, снятая летом, на Азасе. Хопуй гребет обоими веслами. Лодка обходит вокруг острова, где поселились ученики. Этот уголок Азаса особенно красив. Его выбрали для проведения практики по рыболовству. Те несколько дней, что я провел в гостях у «юных рыбаков» (работа не позволяла оставаться дольше), запомнились мне на всю жизнь. Ловля и разделка рыбы, катанье на лодках, купанье далеко от берега, сон под звездами — все это так не хотелось покидать. А само озеро, богатое рыбой, утки на воде, косули по островам, наше «внутреннее море» между островами и берегом, остров, приютивший нас. Ночью заметили спутник, долго любовались, как он «катился» по небу, меж еловых лап. Потом узнали, что в этот день в космос стартовала ракета с Валентиной Терешковой на борту.

В том же году приезжал к нам на несколько месяцев кызыльский художник Н. А. Филиппов. Он уговорил Хопуй позировать ему, она приходила на несколько сеансов. И к выставке работ художника, которая развернулась у нас в районном Доме культуры, был готов ее портрет, хотя и в незавершенном виде (у меня сохранилась его фотокопия). На картине Хопуй выглядела чуть отрешенно и скованно. Художник ее несколько абстрагировал, сделал красивее и интеллектуальнее внешне. Кажется, она сама была портретом не очень довольна.

Больше я о судьбе этой картины ничего не знаю. Дописал ли ее художник или она лежит у него в запаснике?

Летом я получил путевку и уехал в отпуск за 10 дней до окончания занятий, попросив Хопуй держать меня в курсе всех дел класса. Она написала несколько писем. Пусть они суховаты и не всегда последовательны, но в них нет обычных деревенских штампов и «зачинов».

«Здравствуйте, Валерий Владимирович!

Сегодня, 23 июня, у нас последний день учебы. В четыре часа было классное собрание. Кроме Хугбека, все перешли в 10 класс.

У меня по тригонометрии одна «тройка».

Летом поедем работать на сенокос.

Наши последние две недели пропускали много уроков и нарушали дисциплину, и поэтому педсовет решил перевести нас с 1 места на одно из последних мест. В начале второй недели пришлось провести классное комсомольское собрание об успеваемости и дисциплине, но все-таки толку было мало.

Пока я не писала статьи о диспуте. Все равно буду писать (я ее просил: диспут прошел очень хорошо).

Двадцать первого числа у десятиклассников был выпускной вечер, в котором участвовало более 70 человек.

Хорошо сдали Бессонов и Наксыл Даша. Бессонов сдал на серебряную медаль.

В Тоора-Хеме по вечерам, как обычно, бывает кино. Кругом все зазеленело. И от этого еще лучше в душах наших.

Сегодня вечером уедем в колхозы. Желаем Вам хорошо провести летний отпуск. Передавайте наш привет Людмиле Николаевне».

Второе письмо.

«Здравствуйте!

Завтра уедем на сенокос. Всех учеников распределили по бригадам. Двадцать шестого июня поеду в Тос-Бурук — это один из самых далеких сенокосов. В этой бригаде из девушек, кажется, только я.

Вчера была на Азасе. Помогала сестрам. Настроение было очень хорошее. Азас! Какое чудо природы. Острова! Зеленый мир моей родины, как он чудесен, хорош, прекрасен собой! Вот отчего поднялось настроение, хотя лил дождь; оно было еще лучше во время дождя. Жаль, что я не могу выразить свои чувства.

Папа уехал в тайгу. Останутся в доме сестра Руслана и мама. Они живут хорошо.

На сенокосе в свободное время охотничать поеду. Скорее, скорее на работу!

Желаю Вам всего хорошего! Привет от красавицы Тоджи. Ваша ученица Б. Хопуй».

Душа ее переполнялась желанием снова окунуться в запахи лугов и леса, в работу. «Скорее на работу!» — это не поза, а искренняя потребность трудолюбивого человека. Такой была она, такими были почти все ребята, с детства привычные к деревенскому труду.

Она заслуживала особого отношения к себе, хотя никогда не претендовала на таковое. Удалось добиться согласия обкома комсомола на поездку Хопуй в Ленинград. Средства в конце концов нашли — помогли колхоз и школа. Но кто-то что-то не организовал, группа не собралась. Поездку отменили.

Да, Хопуй немного успела повидать, была лишь в Кызыле да потом в Иркутске. Но — и это вне сомнений — она ни за какие блага и богатства мира не променяла бы Тоджу, Одуген, если бы и повидала море и белые ночи.

Дальше (1963—1964 годы) был одиннадцатый класс, го-

рячая пора экзаменов, выпускной вечер. Пересилило желание быть врачом, и она поступила вместе с подружкой Соскар Тамарой в Иркутский медицинский институт. Но не судьба ей было кончить его. Страстный зов родины и, видимо, усиливающаяся болезнь привели ее вскоре обратно. Она вышла замуж за бывшего одноклассника, в 1965 году родила дочь. Но жить ей осталось лишь немногим более года.

Вот последнее письмо. Оно написано в состоянии большого волнения, вызванного возвращением в родные места.

«Здравствуйте, Валерий Владимирович!

Большое спасибо за поздравление. И Вам тоже от всего сердца, от всей души желаю счастья, успехов в работе. (И дальше пишет столбиком, как строфы стиха, единым дыханием).

Любовь к родной земле была так крепка,
что я не могла долго жить в Иркутске,
почувствовала себя как рыба,
выброшенная на песчаный берег.

И никто не знал, как я страдала, скучала по родной Тодже.

Чтоб навеки не расставаться с родиной.

Чтоб вечно слушать шум лесов, голубых рек, золотистых весенних ручейков.

Чтоб вечно любоваться чарующей красотой времен года.

Чтоб говорить о каждой утренней росе — о, частица моей души!

Чтоб песни слагать о родной тайге.

Чтоб навсегда оставаться в любимом краю — я вернулась на родину.

Какая я ни буду — не перестану петь песни о родной Тодже.

О себе нечего писать: какая была, такая и есть — душа в огне пылает, горит. С горячим приветом Бараан Х. Д.».

Вот и все. Почти все.

Много людей шло за ее гробом.

Почему же так любили ее? За что двадцатидвухлетней комсомолке такой почет? Потому, что она любила людей, свои Одугенские горы. Почести за красоту и глубину ее души.

А есть ли здесь, во всей этой истории, мораль? — спросит иной читатель. — Есть, и даже две.

Первая. Каждый человек за долгую, короткую ли жизнь оставляет след. След на Земле. И от самого человека зависит, каков будет этот след, запомнят ли его люди. Судьба человека — в его собственных руках.

Не я открыл эту истину, она не нова, но актуальна. И важна для всех нас. Такому чувству патриотизма, как у Хопуй, можно поучить других. А это значит, что жизнь прошла не даром.

Побывавшая у нас латышская журналистка Ария Климкане, прочитав только одну работу Хопуй, написала немного о ней в своей газете «Циня» («Борьба») — органе ЦК Компартии Латвии. Перевела ее мысли на латышский язык.

И вторая. О молодежи мы говорим много и чаще всего в общем. Заглядываем в глубину сердца не часто. А нам нужно знать, кого растят наши школы, что думает, во что верит поколение юных. Оказывается, хорошие люди выросли и растут. В пятидесятилетнюю годовщину Октября Советская власть может гордиться, что воспитала достойную смену. У нас в республике много таких одаренных, как дочь Тоджи — Бараан Хопуй.

Юрий СУРОВЦЕВ

«ХОРОШЕЕ В ЧЕЛОВЕКЕ С ДЕТСТВА ЗАРОЖДАЕТСЯ...»

Человеческая память прихотлива. То, что было вчера, люди могут с легкостью забыть, а то, что произошло давно, еще в детстве, гнездится в них прочно и порою встает перед глазами во всей поучительности своего нравственного урока, во всей непосредственности живых подробностей.

...Ангыр-оол, мальчик из тувинского стойбища-аала, рассказывает о себе и близких; рассказывает, как и подобает ребенку, просто, без нарочитой многозначительности, без «взрослого» комментария событий. Трудная жизнь кочевников и охотников, которые вынуждены были вести ежедневно, ежечасно борьбу за существование — с природой и скупыми богачами, с обиралами-чиновниками и собственной темнотой, — трудная жизнь озарена в рассказе Ангыра светом скупых, но тем более запоминающихся ребячьих радостей, суровая достоверность изображения тяжелого быта скрашивается описанием изобретательных детских игр, воспроизведением ярких народных легенд и сказок, доброй улыбкой, с которой повествуется о первых самостоятельных поступках мальчика.

Цепкая память Ангыра и пробуждающийся в нем дар художественного воображения делают бесхитроственную историю детства красочной и неожиданно близкой нам. Сердце сжимается, когда читаешь о том, как мыкался мальчик-сирота по родственникам; даровой батрак, вечно голодный пастушонок и нянька, в зной и холод одетый все в ту же ситцевую рубашонку. И с неотрывным вниманием следишь за тем, как в этой юной, поэтичной, открытой душе завязывается характер — с «подсознательного» недоверия к обжорам-ламам, забравшим лучших баранов, но так и не сумевшим вылечить мать, с первого проявления чувства гордости, заставляющей прятать слезы («Я сделал вид, что мне мешает дым, и при-

нялся тереть глаза кулаком»), с бунта против оскорблявшего мальчика пьяного дяди.

Камень, брошенный в воду жизни,—он не тонет, Ангыр. И круги от его «падения» в жизнь расходятся все шире: он восхищается непокорством соплеменников-бедняков (как хочется вырасти и стать таким же!), ему хочется понять запутанный водоворот бытия, в котором русские «красные» воюют против русских же, но «белых». Наконец, до его слуха доходит имя Ленин, имя человека, который «у русских... изменил жизнь» и который придет, обязательно придет и сюда, в овюрские горы и логи...

Перед нами еще одно художественно-автобиографическое «Детство» и «В людях». Похоже на то, что мы знаем, и единственное, непохожее, потому что рассказывает тувинский мальчик.

«Боясь, как бы я не свалился в очаг, мать привязывала меня веревкой за пояс к стене юрты»,— вот, пожалуй, первое впечатление, накрепко запавшее в память Ангыра. И таких впечатлений, таких своеобразных деталей «местного колорита» в книге — россыпь. Драгоценных — для художника и внимательного читателя. Мы попадаем в мир, где встреча начинается с вопроса: «Благополучен ли ваш скот?», где бабушка (чудесный образ!) со знанием дела поправляет отца, сказавшего, что «молнии — это взмахи хвоста дракона»: «Э-э, нет. Взмахи хвоста дракона — это августовские зарницы...», где по аалам ездят «профессионалы»-сказители и встречают их такими угощениями, что не всякому ламе выпадает («ламам ведь для виду оказывают почтение, а Одучу старались сделать приятное от души»). В этом мире мог свирепствовать такой голод, что люди, обессилев в поисках пищи, «выпускали из ноги лошади чашку свежей крови, разбавляли водой, и три-четыре дня... можно было терпеть!» И это делали те, для кого лошадь была священным животным.

В обилии «местных» впечатлений для художника и, стало быть, для читателя есть, однако, и опасность потерять власть над ними, дать захлестнуть себя потоку подробностей. К сожалению, автор не избежал такого бесконтролья. Где-то в книге детали становятся самодовлеющими. Мы понимаем, какими внимательными, жадно любопытствующими глазами должен был смотреть оборвыш-пастушонок на богатых чиновных гостей своего хозяина, но все же видел он, конечно, не так:

«На опояске висели серебряные резные украшения. Два ножа с тонкой серебряной чеканкой на рукоятках и ножнах, с боков ножен были прикреплены две палочки из слоновой

кости с серебряными наконечниками китайской работы. На цепочке висело огниво, тоже в футляре серебряной чеканки, к огниву была прикреплена океанская раковина удивительно нежной окраски».

Подобные описания хороши, когда они своей этнографической картинностью не мешают психологическому рисунку. Этого автор достигает не везде. В книге есть образы, обозначенные лишь внешне.

Тем не менее автор добился успеха в главном — он донес до нас дыхание живой души ребенка, показал непосредственно и убедительно рост маленького человека, а через него и то историческое время, когда вековые устои старого мира зашатались, когда начала сколачиваться мудрая тувинская пословица: «Чего отец не видел — сын увидит».

Делит успех с автором и переводчик Майя Ганина, чистым и ясным русским языком еще более приблизившая к нам эту книгу. Режущие слух (вроде «ботало») или не свойственные ребенку словечки («ритуал») и т. п. в тексте редки...

Жанр автобиографической художественной прозы о детстве обогатился в нашей многонациональной литературе за последние годы новыми интересными произведениями Н. Рыленкова, М. Стельмаха, Айбека. «Повесть о светлом мальчике» Степана Сарыг-оола — в этом ряду.

Владимир ЭДОКОВ

В СТРАНЕ СИНИХ ГОР

(Алтайский художник в Туве)

В последние годы в искусствоведческой литературе все чаще и чаще стало появляться имя замечательного алтайского художника-пейзажиста Григория Ивановича Гуркина.

Два года назад московское издательство «Советский художник» выпустило несколько репродукций с его произведений. О нем писали журналы «Художник», «Сибирские огни», газеты «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Литературная газета» и другие. В конце 1966 года в Ленинграде вышла монография о художнике, написанная московским журналистом Стрельцовым А. С., еще одна монография готовится к выпуску в краевом книжном издательстве г. Барнаула.

Все это говорит о возрастающем интересе любителей искусства к жизни и творчеству пейзажиста, чьи произведения украшают сейчас экспозиции многих художественных музеев и галерей страны.

Гуркин занимает особое место в изобразительном искусстве Сибири. Своим творчеством художник выполнил дело большой важности: открыл для русской живописи неповторимую красоту сибирского пейзажа.

Человек яркого дарования, сильной воли и глубокой убежденности в большом общественно-значимом, просветительном значении искусства, Г. И. Гуркин сумел не только найти наиболее убедительную и высокохудожественную форму выражения своеобразных особенностей природы Сибири и особенно Алтая, но и внес своим творчеством огромный вклад в их культурное развитие.

Богатая живописная техника, дар колориста и незаурядного рисовальщика, умеющего найти в сибирском пейзаже характерные, наиболее яркие, выразительные особенности и выразить их в великолепных по мастерству произведениях,

проникнутых страстной любовью к природе, людям и искусству, ставят его в один ряд с именами лучших русских и советских пейзажистов.

Жизни художника, его творчеству и, особенно, пребыванию его в Туве, где он провел четыре года своей жизни и написал там около 150 различных произведений, хранящихся сейчас в фондах Горно-Алтайского краеведческого музея, посвящается этот небольшой очерк, написанный специально для альманаха.

I

Он родился в 1870 году в с. Улала (ныне Горно-Алтайск) в семье алтайца-ремесленника. Начальное образование получил в Улалинской миссионерской школе, после окончания которой в 13 лет начал трудовую деятельность.

Несколько лет Гуркин работал учителем в селе Паспаул, иконописцем в Бийске, пока, наконец, повинуясь настойчивому желанию учиться настоящему искусству, в 27-летнем возрасте не решился поехать в Петербург, далекую столицу государства Российского, чтобы сделать попытку стать учеником Академии художеств.

Но осуществить это желание удалось не сразу. В Академию он поступил лишь в марте 1899 г. и проучился в ней, правда с перерывами, до 1905 года в качестве вольнослушателя в пейзажной мастерской профессора А. А. Киселева.

Однако особенности и характер его творческой индивидуальности определились не в Академии, а раньше, во время совместной работы в мастерской знаменитого русского пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина, который в течение нескольких месяцев (с октября 1897 г. по март 1898 г.) был его учителем и другом.

Их встреча в какой-то степени была случайной.

Приехав осенью 1897 г. в Петербург, Гуркин представил свои работы вице-президенту Академии художеств графу И. И. Толстому. Президент отказал в приеме самоучке, приехавшему с Алтая, но посоветовал ему показать рисунки И. И. Шишкину.

Такая ситуация оказалась на руку молодому художнику. Можно смело утверждать, что Гуркину повезло. В лице великого пейзажиста он нашел идеального учителя, творческие установки которого и художественная практика не только как нельзя больше соответствовали характеру его дарования, но и прямо отвечали его запросам. И потому-то они как бы нашли друг друга. Один своего учителя, а другой ученика, и

именно поэтому Шишкин оставил Гуркина в своей личной мастерской, а не направил (как утверждают некоторые авторы статей об его творчестве) в пейзажный класс Академии.

Племянница знаменитого художника Л. Комарова в рукописной биографии И. И. Шишкина так описывает эту совместную работу: «И. И. очень понравились рисунки одного алтайца, только что прнехавшего учиться в Академию, и он принял в нем такое участие, как давно никому не оказывал. Он решил, что Гуркин будет заниматься у него на квартире, что в Академии его, пожалуй, собьют с толку, испортят это «дитя Алтая». Шишкин как будто торопился все показать Гуркину, всему его научить и развить».¹

И результаты этого не замедлили сказаться. Здесь нам хотелось бы привести отрывок из большой статьи о Гуркине, написанной в самом начале его самостоятельной творческой деятельности. Автор ее М. М. Далькевич, художественный обозреватель журнала «Нива», довольно верно охарактеризовал те внутренние мотивы, которые привели к такому редкому контакту, исключительному содружеству учителя и ученика.

Так он писал: «...Вскоре между профессором и учеником образовалась тесная связь и симпатия, основанные на родственности их дарований, однородности художественных вкусов и стремлений и на одинаковой работоспособности и любви к делу.

Молодому художнику не приходилось тратить, подобно другим, целые годы на искание «самого себя», которое сплошь и рядом губят и очень крупные дарования. Под руководством Шишкина он сразу же встал на «свою» дорогу и пошел по ней уверенно и смело, быстро достигнув таких результатов, что еще на школьной скамье его этюды не уступали работам профессора»². Не удивительно, что именно время, проведенное в мастерской Шишкина, оказалось для Гуркина самым плодотворным, по существу определяющим в формировании его творческой индивидуальности из всех тех, которые он провел в Петербурге.

...К сожалению, в марте 1898 года Шишкин умирает и Гуркину не остается ничего иного, как поступить в Академию художеств.

---

¹ А. Т. Комаров. Биография И. И. Шишкина. Рукопись, архив Академии художеств, ф-л.

² М. М. Далькевич. Г. И. Гуркин, «Нива», № 49, спв, 1908, стр. 885—856.

Однако, именно заветы «великого мастера русского леса», как нередко называли Шишкина, послужили основанием той творческой концепции (т. е. системы взглядов на искусство, природу, способы и методы выражения и т. д.), которую Гуркин выработал впоследствии путем постоянного общения и изучения родной природы и которая стала его крупной творческой индивидуальностью русского реалистического пейзажа первой четверти XX столетия.

Главным в этой концепции была любовь к искусству, природе, верность духовным традициям своего народа и реалистический метод выражения.

1906—1916 годы составляют наиболее плодотворное десятилетие в творчестве Гуркина. Именно в этот период он пишет лучшие полотна — такие, как «Хан-Алтай» (1907 г., хранится в г. Томске), «Корона Катунь» (1910 г., Томск), «Катунь весной» (1907 г.), «Ледоход» (1909 г., Томск), «Озеро горных духов» (1910 г., Красноярск), картины о Белухе и множество других, принесших ему заслуженную славу певца и выразителя алтайской природы.

Каждый год из-под его кисти выходят по три-четыре крупных картины, сотни этюдов, эскизов и рисунков, которые он привозит из своих ежегодных летних поездок по Алтаю.

Примером его замечательной работоспособности этих лет может служить и то, что за десять лет он делает шесть крупных персональных выставок, которые проходят почти по всем крупным городам Сибири.

О популярности его выставок, значении их в культурном развитии Сибирского края свидетельствуют сейчас многочисленные заметки и статьи, которыми пестрели сибирские периодические издания тех лет.

Оживление, которое носили его приезды, хорошо передает статья художницы Л. П. Базановой, опубликованная в одной из декабрьских газет г. Томска в 1907 г.: «Настоящие святки оказались двойным праздником для любителей искусства, благодаря выставке картин, устраиваемой талантливым художником Г. И. Гуркиным.

Еще раньше, чем выставка открылась, особенно же в первые дни праздников, она служила предметом ожиданий и оживленных бесед почитателей искусства. Всюду только и слышались всевозможные толки о выставке и ее устройтеле: много ли произведений он привез, какова теперь техника этого представителя широкой кисти, насколько он является плодовитым мастером, какие картины наиболее выражают силу его таланта.

Когда же выставка открылась, тоичи дружно устремились на нее, чтобы пережить так редко выпадающее на их долю глубокое эстетическое наслаждение от созерцания красот природы, получивших под кистью художника полноту идейного содержания.

Уже краткая вывеска над входом, весело развевающиеся флаги вызывают у посетителей радостное предчувствие ожидающего их высокого и чистого духовного наслаждения».¹

Вот отрывок из статьи, напечатанной по поводу предстоящей выставки его картин в Красноярске (1910 г.), лучше любых прочих доказательств выражающий их значение в жизни города: «Красноярск все-таки не забывают. Нет-нет да и появится в нашем городе луч ясного света.

Убивающе действуют на нервы эти вечные звуки шарманки, эти созерцания «комических» и «боевых» драм на полотне. И вот, порою, в это обывательное прозябание проникает луч истинной жизни и как-то привольно и легко становится застоявшейся душе.

Приехал Гуркин.

В фойе театра выставлены его картины. Стоит только окинуть их беглым взглядом, как уже чувствуешь в них необъятную мощь дивной природы Алтая.

В каждом этюде, картине чувствуется нежная душа, тонкое художественное знание природы и безграничная любовь к ней».

И так везде. Подобных статей и отзывов можно привести десятки. Выставки его всегда ожидалось с большим интересом и всегда встречали самое горячее отношение. Художник был свой, сибирский,— вот в чем заключалось одно из самых ценных его достоинств для сибиряков. Он изображал природу, которая окружала их в детстве, которую они хорошо знали, любили и которой по-своему гордились. В картинах Гуркина они находили самих себя, свое понимание природы, свою любовь к ней и потому ценили художника.

В 1915 г. художник начинает подготовку выставки для показа за границей, о чем советуется со своими друзьями и наставниками — известными сибирскими учеными Г. Н. Потаниным и А. В. Андриановым. Однако плану этому не суждено было осуществиться. Может быть, этому помешали империалистическая война и наступившая вслед за ней революция, может быть, недостаток средств, но уже сам проект его свидетельствует о творческой зрелости Гуркина, чувстве значительности проделанной работы.

---

¹ «Сибирская жизнь», № 196, от 23 декабря 1907 г., Томск.

II

В 1919 г., в силу сложившихся политических обстоятельств, а также с целью спасения собранных за два десятилетия художественных ценностей от колчаковцев, оккупировавших к тому времени территорию Горного Алтая, Гуркин уезжает сначала в Монголию, а позднее в 1921 г. едет в Тувинскую Народную Республику, где проживает до сентября 1925 г., т. е. до момента возвращения на родину.

Этот период его биографии и творчества плохо изучен, т. к. у исследователей пока нет каких-либо письменных или архивных документов — дневниковых записей, писем, воспоминаний современников и т. д., относящихся к годам эмиграции.

К счастью, у художника была хорошая привычка подписывать свои работы. За редким исключением почти все его рисунки и этюды имеют название, число, месяц, год выполнения.

Поскольку работ этих лет сравнительно много и они хорошо сохранились, то, следуя почти протокольным подписям, которыми снабдил их художник, можно в какой-то мере, разумеется приблизительно, восстановить общую картину его пребывания в Туве.

Гуркин прибыл в Туву во второй половине 1921 г. из Монголии, где он вместе со своей семьей жил в местечке Улясы, недалеко от небольшого городка в Северо-Западной Монголии — Улангоме.

По всей вероятности, он переехал в Туву вместе с отрядом известного руководителя тувинских партизан Сергея Кочетова, отряд которого в сентябре 1921 г. совершил разведывательный рейд по территории Монголии.

Одним из аргументов, подтверждающих это предположение, служит рисунок-портрет начальника штаба отряда Кочетова — Алексея Квитного, выполненный 12 сентября 1921 года.

Следующие работы этого года, такие, как карандашный рисунок «Старый тувинец», живописный «Портрет начальника отряда С. К. Кочетова», этюд «Тувинский партизан» и большой проработанный эскиз «Енисей», помечены сентябрем—ноябрем 1921 г. и указывают точное место их выполнения — село Атамановку, причем портрет Кочетова создавался, судя по подписи, с 7 по 9 ноября, т. е. незадолго до решающей битвы у этого села, произошедшей 12 декабря, в результате которой тувинские партизаны и части Красной Армии окончательно разбили белогвардейскую банду Бакича — Казанцева.

До момента переселения в Кызыл Гуркин жил в Атамановке (ныне Кочетово), где работал учителем в русской школе.

Как уже упоминалось, в Туве Григорий Иванович не прекращал творческой деятельности. И хотя там ему не удалось создать крупных произведений, тем не менее его работы, посвященные природе Тувы, очень интересны и в своем комплексе представляют своего рода небольшую живописную антологию тувинского пейзажа.

Все работы этого жанра для удобства их разбора я классифицировал на ряд циклов или группы, условно объединенных по тематическому принципу, например: «Озера Тувы», «Люди Тувы», «Енисей», или по временам года, хотя, естественно, оба эти принципа могут быть объединены в одном каком-либо произведении.

Из наиболее цельных и разработанных циклов особенно интересны «Озера Тувы» и «Енисей».

Гуркин любил изображать воду. Она всегда удавалась ему, в каком бы состоянии ему ни приходилось переносить ее на полотно — зеркальную гладь озера, переливы светлого лесного ключа, шумный водопад, горный поток, которых так много на Алтае, или зеленые волны бурной Катунь. И потому не удивительно, что мотивы горного лесного озера или могучего Енисея оказались для него близкими и родными.

Озера — глаза земли. В этом народном представлении много истины. Трудно в природе найти другое место, которое бы более точно и более наглядно выражало ее внутреннее, духовное содержание, ее настроение.

Тувинские озера непохожи на алтайские. Они расположены в других природных условиях, у них другое настроение, другие краски. Гуркин уловил это несходство и, по-моему, хорошо передал его в своих произведениях.

Я никогда не видел тувинских озер. Но по работам Гуркина у меня создалось впечатление, что они синие, спокойные, молчаливые. У них поросшие лесом берега, низкие зеленые острова и особое лирическое, задумчиво-созерцательное настроение.

И хотя известно, что в пейзаж больше, чем в какой-либо другой жанр живописи, даже самый объективный, художник вносит в изображаемый мотив или состояние природы много своего личного чувства, собственного настроения, — я верю Гуркину, потому что он убедителен в своих работах, а как настоящий мастер пейзажа — объективен.

Вот большой картон «Над озером Тоджа-Холь». (Кстати, на обороте характерная надпись-примечание: «Священное озеро тувинцев»).

В этом этюде-картине отчетливо проявилась характерная черта Гуркина-пейзажиста — умение выразить в образах природы человеческие переживания и настроения.

Вдохновляясь народным поверьем, Гуркин создал произведение редкой впечатляющей силы. Тишина. Синие сумерки повисли над неподвижной, таинственной гладью озера. Хмурое вечернее небо, красные отсветы заката на воде, притихшие зеленые низкие острова, словно прячущиеся в воде,— все это создает образ природы, полной тревожной настороженности и скрытого драматизма. Это настроение еще больше обостряет изображенный на первом плане композиции жертвенник, разноцветные ленты на нем, небольшой каменный очаг и сложенные вокруг него деревянные фигурки людей и животных.

Ощущение смутного беспокойства несет эта тихая летняя ночь.

Примерно такие же мотивы передает Гуркин в других работах этого цикла — «На озере Тере-Холь», «Жертвенник в Танну-Туве». Хотя в последнем изображено более раннее время года — весна.

Ясный день. Голубая вода озера. Кустик с развешенными на нем разноцветными лентами и тряпками хорошо вписан в окружающую зелень, среди которой драгоценными камешками поблескивают распустившиеся весенние цветы — огоньки, кандык, медунцы. Фигура одинокого человека на берегу...

Настроение неясного ожидания, тихой задумчивости веет от этого небольшого душевного лирического этюда.

Примерно такое представление, такое содержание в тувинских озерах увидел и выразил в своих произведениях Гуркин.

Вторая тема, которая по-настоящему волновала художника в эти годы,— «Енисей». Изображению великой сибирской реки художник посвятил несколько больших разработанных этюдов, из которых по крайней мере четыре могли бы вполне перерасти в большие монументальные картины — настолько продуманна их композиция, четок рисунок, законченна живопись.

Сделаны все они приблизительно в одно и то же время — 1923 году, за исключением одного, уже упоминаемого здесь эскиза — «Енисей», выполненного в сентябре 1921 года. Пожалуй, енисейские этюды — самые значительные из всего, что сделал Гуркин в Тувинской республике.

Высокими художественными качествами выделяются два из них, выполненные в сентябре 1923 г. примерно с одного и того же места — с вершины горы, которая давала художнику

ку возможность широкого обозрения излучины Енисея, выносящего свои могучие воды из предгорий на широкий степной простор.

Точка зрения первого картона позволила художнику создать не только простую, лаконичную композицию, но и втиснуть в рамки небольшого холста огромное пространство земли, воды и неба — гряды коричневых однообразных гор, из которых вытекает река, вереницу серых, по-осеннему усталых облаков и широкий простор свинцово-серых волн Енисея.

Весь образный и живописный строй картины выражает красоту и мощь тувинской природы, эпическую силу могучей реки.

Жаль, что позднее Гуркину не удалось перенести этот мотив в большую картину. Вполне вероятно, что живописная биография реки могла бы пополниться еще одним интересным произведением лирико-эпического плана.

Где-то в этом же приблизительно месте написан другой этюд — «Енисей в пределах Урянхая», интересный тем, что художник решал в нем другие творческие задачи.

Снова тот же поворот реки. Снова высокая точка зрения, создающая впечатление полета над рекой, когда Енисей растилается внизу, а взору художника открываются многокилометровые просторы. Однако день в этом этюде более свежий. Белые облака плывут по голубому небу и отражаются в синем зеркале воды.

Правый берег Енисея зажат грядой серых глинистых холмов, по которым темными пятнами плывут тени облаков, левым — река лениво огибает пологую песчаную косу...

По сравнению с первым этюдом здесь несколько меньше пространства, меньше эпического размаха и монументальности, меньше обобщения, зато он более лиричен.

В этой работе художник был увлечен передачей элегического состояния солнечного осеннего дня.

Другие работы енисейского цикла менее значительны по своим художественным достоинствам и интересны, главным образом, большей конкретностью задач, которые ставил перед собой художник, и как образцы его творческого метода, в частности особенностей его работы над этим этюдом с натуры.

Конечно, условия жизни, относительная краткость времени его пребывания в стране, ограниченность передвижения и т. д. не позволили ему создать такую же подлинную энциклопедию алтайского пейзажа, которую он сделал на родине, но, тем не менее, около сотни его работ на тему тувинского

пейзажа дают достаточно четкое представление об особенностях природы этого чудесного края.

Можно назвать лучшие этюды — «Голубой март» (1925 г.) — о весне, «Подсолнухи», «Стоянка», «На перевале» (все 1924 г.) — летние этюды. Особенно хороши осенние и зимние работы, а среди них те, которые изображают окрестности села Кочетово, где, как упоминалось, Гуркин провел около 3-х лет и потому хорошо изучил. Это в первую очередь работы «Сиреневый день» (1924 г.), «Зимний денек» (1924 г.) и другие.

ПОРТРЕТЫ (ЛЮДИ ТУВЫ)

По характеру дарования и образованию Гуркин не был портретистом и потому изображение людей в его творчестве занимает сравнительно небольшое место, особенно в живописи. Однако за время пребывания в Монголии и Туве он довольно часто прибегал к этому жанру. Гуркин изображал людей самых различных специальностей и положений, поэтому среди его персонажей можно встретить охотников, пастухов, оленеводов, министров, партизан и их руководителей.

В этом плане особенно интересны:

1) Портрет Сергея Кузьмича Кочетова, выполненный в сентябре 1921 г. в пору его наивысших военных достижений.

Безусловно, этот портрет может стать значительной вехой в иконографии знаменитого партизанского руководителя, т. к. преимущество его по сравнению с любой, пусть даже самой хорошей, фотографией очевидно.

На портрете мы видим решительное лицо человека сильной воли и твердых убеждений.

Портрет выполнен маслом.

Кроме того, в фонде Тувинского республиканского краеведческого музея имеется второй портрет С. К. Кочетова, выполненный карандашом.

2) Интересен карандашный портрет начальника штаба отряда Алексея Квитного.

3) Партизан Иван Макаров — рисунок.

4) Тувинский партизан (очевидно, написан в то же время, что и портрет Кочетова).

5) Портрет коммуниста — бурята Нацова (Шойжелова).

В одном из номеров журнала «Сибирь» за 1925 год были опубликованы портреты членов правительства Тувинской республики. Другие портреты, рисунки и этюды интересны, главным образом, с точки зрения этнографической характеристики — этнического типа, национальной одежды и т. д.

Сюда относятся «Тувинская девушка», «Портрет тувинки», портрет почтальона из села Ермаковское Танзыбеева И. П. и т. д. Хорош портрет тувинского охотника Хадыная. Молодой человек в шубе и островерхой шапке. На нем боевое охотничье снаряжение — ружье с рожками, на поясе нож, пороховница и огниво.

Примерно в середине 1925 года, незадолго до отъезда на Алтай, Гуркин переезжает в город Кызыл.

Здесь его деятельность носит в основном официальный характер. Тувинское правительство заказывает ему ряд художественных оформлений; например, он делает эскиз диорамы — «Танну-Тувинская республика», делает по заказу министерства торговли экономическую картограмму Урянхайского края.

Здесь же, в Кызыле, он начинает работать над эскизом большой картины «Улуг-баир» — Большой праздник.

Эскиз интересен по построению. Художник изобразил празднично одетых зрителей. В середине круга приготовились к схватке борцы. Они одеты в специальную одежду. Возле каждого борца секундант. Сейчас начнется бой. Однако работа над картиной еще не доведена до конца, в частности характеристика отдельных персонажей.

В 1925 г. Гуркин вернулся на Алтай. Сибирь встречает его восторженно. Газета «Советская Сибирь» писала по этому поводу: «В Новосибирск только что приехал из Урянхайского края известный алтайский художник Г. И. Гуркин... Годы эмиграции не прошли бесследно для творчества этого в высокой степени интересного и одаренного художника-самородка.

В Урянхае им сделано до сотни этюдов, преимущественно в Хемчикском районе... На основании собранных материалов Гуркин готовит большую картину «Праздник борьбы» (или «Улуг-баир», древний национальный праздник урянхайцев). Здесь, в Новосибирске, состоялась выставка тувинских работ, организованная газетой «Советская Сибирь» в помещении ее собственной редакции. Она представляла до 200 картин, этюдов, рисунков-портретов, в том числе последние работы: природа и быт Урянхайского края и Монголии...

Предварительный просмотр экспонатов показал, что талант алтайского самородка не иссякает. Целый ряд работ исполнен с прежней силой и мастерством. В особенности заслуживают внимания отдельные вещи: жанровая картина «Борьба», оригинальные портреты членов правительства Тан-

ну-Тувинской республики, весьма колоритные пейзажи Монголии и урянхайских гор, степей и т. д.»¹.

После выставки Гуркин выехал на родину в свой родной Анос — село, расположенное на левом высоком берегу удивительно живописной реки Катунь, где у него были свой дом и мастерская, и что примечательно — возвращаясь, он вез все свои работы, старые и новые полотна, эскизы, рисунки и т. д., запакованные в специальных ящиках, которые с ним пропутешествовали на верховых вьючных лошадях, верблюдах и яках через хребты Шапшала, Танну-Ола и Саяны.

В 1926 году Гуркин принимает участие в двух больших общесоюзного значения выставках: 8-й выставке АХРР «Жизнь и быт народов СССР» и выставке, организованной литературно-художественной секцией общества по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока.

На этих выставках работы Гуркина не остались в тени. Нарком культуры Советского государства Анатолий Васильевич Луначарский в своем выступлении на открытии 8-й выставки АХРР «Жизнь и быт народов СССР», состоявшейся в 1926 году в Москве, сказал: «Отмечу еще замечательные по тонкости живописи, прямо-таки драгоценные по краскам, пейзажи Чорос Гуркина, ойротского художника с Алтая. Как забралась на Алтай такая утонченная техника — я уже не знаю».

Одним из произведений, которые привлекли внимание Луначарского, как известного большого любителя и знатока изобразительного искусства, была небольшая картина «Обо на перевале», написанная Гуркиным в 1924 году в Тувинской Народной Республике.

Может быть, именно в этом полотне художнику удалось наиболее полно выразить свое чувство, свое представление о природе страны, в которой ему пришлось провести четыре года своей жизни.

На картине изображен перевал — небольшая плоская поляна на вершине горы. На первом плане невысокий курган, сложенный из серых камней, на нем укреплены палки. К ним привязаны разноцветные ленты. Это обо — жертвенник.

По обычаю горных народов, каждый поднявшийся на перевал должен бросить на курган свой камень, привязать ленточку или просто зеленую веточку — в жертву горным духам.

Но не жертвенник является основной темой картины. Главное здесь — открывшийся с перевала пейзаж — растворив-

---

¹ Газ. «Советская Сибирь», 1925 г., № 227, от 27 сентября.

шаяся в синей дымке древняя, сказочная по красоте страна синих гор — Синегория, с ее густыми лесами, бескрайними степями, полноводными реками, тихими, задумчивыми глазами озер.

Последние годы жизни Гуркин провел на родине, в своем родном Аносе, на берегу любимой реки Катунн.

И как всегда много работал, писал этюды, ездил по Алтаю, наблюдал, осмысливал перемены в жизни алтайского народа, произошедшие в результате социалистической революции, и воплощал их в своих картинах.

«Пионерка», «Колхозное собрание», «Делегатка», «Чемальская ГЭС», «Алтайские партизаны» — вот названия его картин, выполненных в 30-е годы. В Горно-Алтайске им была организована художественная школа, давшая алтайскому изобразительному искусству ряд интересных художников.

Умер Г. И. Гуркин в 1937 году.

Июнь 1967 г., Горно-Алтайск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тебе, Октябрь!

<i>С. Пюрбю.</i>	Ленина воля в каждом из нас. <i>Пер. А. Ойслендера</i>	3
<i>С. Сарыг-оол.</i>	Солнце Ленина. <i>Пер. М. Шехтера</i>	5
	Благодарность Ленину. <i>Пер. В. Журавлева</i>	5
<i>О. Саган-оол.</i>	Бывалый человек. <i>Пер. С. Гудзенко</i>	7
<i>Б. Ховенмей.</i>	Октябрь. <i>Пер. Ф. Фоломина</i>	9
	Великая весна. <i>Пер. Ф. Фоломина</i>	9
<i>Ю. Кюнзегеш.</i>	Река течет в океан. <i>Пер. А. Ойслендера</i>	11
<i>М. Кенин-Лопсан.</i>	Два шалаша. <i>Пер. А. Ойслендера</i>	12
<i>О. Сувакпит.</i>	Моя отчизна. <i>Пер. П. Железнова</i>	14

Рассказы, повести

<i>С. Тока.</i>	Заря письменности. <i>Пер. А. Китайника</i>	16
<i>В. Черных, О. Саган-оол.</i>	Тува — гнездо орлов (Документальный киноочерк)	30
<i>С. Сарыг-оол.</i>	В Хем-Белдир. <i>Пер. М. Черноусовой</i>	69
<i>С. Стюрюк-оол.</i>	Это — любовь. <i>Пер. Ю. Щербака</i>	92
<i>Т. Кызыл-оол.</i>	Мы — Сорокины. <i>Пер. С. Козловой</i>	110
<i>П. Черкашин.</i>	Глухой неведомой тайгою	115
<i>В. Ермолаев.</i>	Давно это было	130
<i>М. Пахомов.</i>	Испытание верности	154

Венок дружбы

<i>С. Щипачев.</i>	В Кызыле	169
	Депутатка	169
	Енисей	170
<i>С. Гудзенко.</i>	Утро в тайге	172
	Последний шаман	173
	Праздник в колхозе	175
	«Безгранична степь...»	177
	Ода	178
	Центр Азии	180
<i>А. Прокофьев.</i>	Горы	180
	Саяна	181
	«У Шумовых сегодня шумно...»	181
	Братство	183
<i>П. Бровка.</i>	«Не был за Саянами...»	185

«Степь...»	185
«Юрта — словно войлочная шапка...»	185

Стихи и поэмы

<i>С. Сарыг-оол.</i>	Скотоводам. Пер. М. Ватагина	187
	Счастливый Хемчик мой. Пер. М. Ватагина	188
	Огоньки парка. Пер. М. Ватагина	189
<i>Ю. Кюнзегеи.</i>	Песня любви и гнева (Поэма). Пер. М. Ватагина	190
	Кок-Эль. Пер. Ю. Щербака	206
<i>Б. Ховенмей.</i>	Дорогой друг. Пер. Ю. Щербака	210
	Золотой дождь. Пер. Ю. Щербака	211
	Увидел Тарас бы. Пер. Ю. Щербака	211
<i>К. Чолбеяк.</i>	Мой Алаш. Пер. Ю. Щербака	213
	Одинокая лиственница. Пер. Ю. Щербака	214
<i>Л. Чадамба.</i>	Солнце. Пер. С. Козловой	216
	Бай-Тайга. Пер. Н. Конькова	217
	Челер-Ой. Пер. Н. Конькова	217
<i>С. Сюрюн-оол.</i>	Я был в гостях. Пер. Ю. Щербака	218
<i>А. Даржаа.</i>	Человек на хребте. Пер. С. Козловой	219
<i>С. Тамба.</i>	Песни Ажыка и Саргала. Пер. С. Козловой	223
<i>С. Арапчор.</i>	Песня свободы. Пер. С. Козловой	226
<i>М. Олчей-оол.</i>	Звезды. Пер. Н. Конькова	229
	Табунщику. Пер. Ю. Щербака	230
	«Сердце билось упрямо...». Пер. Ю. Щербака	230
<i>А. Хуурак.</i>	Я — гость Бирмы. Пер. Ю. Щербака	232
	Старик Чакар. Пер. Ю. Щербака	232
<i>И. Доржу.</i>	Шолбан. Пер. Л. Санчай	233
	Ручеек. Пер. Е. Старининой	233
	«Осенний сад...». Пер. Е. Старининой	234
	«Ты вышла замуж...». Пер. Е. Старининой	234
<i>А. Тамба-Сюрюн.</i>	Ветер. Пер. Н. Конькова	235
	Дождь. Пер. Н. Конькова	235
<i>Л. Санчай.</i>	Я в жизнь иду	236
	Научи меня, дерево.	237
	Сыновнее слово.	237
<i>С. Козлова.</i>	Долг (Поэма).	239
<i>А. Емельянов.</i>	Барабанщик.	258
<i>Г. Некрасов.</i>	Смерть коммуниста.	260

Люди, события, книги

<i>О. Гаврилов.</i>	Сто собольих шкурок.	266
<i>В. Тимофеев.</i>	Дочь Одугенских гор.	276
<i>Ю. Суровцев.</i>	«Хорошее в человеке с детства зарождается...»	286
<i>В. Эдоков.</i>	В стране синих гор.	289

УЛУГ-ХЕМ № 9

Литературно-художественный альманах

Редакционная коллегия:

Саган-оол О. К. (ответственный редактор),
Калзан А. К., Кюнзегеш Ю. Ш., Ондар Б. Л.,
Пюрбю С. Б., Сарыг-оол С. А., Сюрюн-оол С. С.

Редактор *Хадаханэ М. А.*

Редактор издания *Бородина А. Д.*

Гравюры художников: *Петрова М. А.*—1, 4 стр. обложки;

Невзгодина А. Н.—2, 3 стр. обложки.

Художественный редактор *Кузнецов И. Я.*

Технический редактор *Кузнецова К. И.*

Корректор *Сокурова К. А.*

* * *

Сдано в набор 19/IX—1967 г. Подписано к печати 30/X—1967 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага типографская № 2. ТС 02368. Печ. л. 19.
Уч.-изд. л. 17. Тираж 4000 экз. Цена 86 коп. Заказ № 3032.
Тувинское книжное издательство, Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография управления по печати при Совете Министров Тувинской
АССР, Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 1.

